PG 3365
.S 4
1904

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

PARTIAL TITLE

KEVASTOPL-W-DEKADK

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3365
.S4
1904

BARCODE ON BACK COVER

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
FEB 28 1983 W			
MAR [illegible]	MAR 14 '83		
MAR 13 1985	FEB 12 '85		

Form No. 513

L. N. TOLSTOI

Sevastopol

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/sevastopolvdekab00tols

PG3365
.S4
1904

Гр. Л. Н. Толстой.

SEVASTOPL' V DEKABRE

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ ДЕКАБРѢ 1854, ВЪ МАѢ И АВГУСТѢ 1855 ГОДА.

(1854—1856 года).

МОСКВА.
Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 13 марта 1904 г.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ ДЕКАБРѢ 1854, ВЪ МАѢ И АВГУСТѢ 1855 ГОДА.

(1854—1856 года).

826738 891.73 T654s84

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ ДЕКАБРѢ 1854 ГОДА.

Утренняя заря только что начинаетъ окрашивать небосклонъ надъ Сапунъ-горою; темно-синяя поверхность моря сбросила съ себя уже сумракъ ночи и ждетъ перваго луча, чтобы заиграть веселымъ блескомъ; съ бухты несетъ холодомъ и туманомъ; снѣга нѣтъ—все черно, но утренній рѣзкій морозъ хватаетъ за лицо и трещитъ подъ ногами, и далекій неумолкаемый гулъ моря, изрѣдка прерываемый раскатистыми выстрѣлами въ Севастополѣ, одинъ нарушаетъ тишину утра. На корабляхъ глухо; бьетъ 8-я стклянка.

На Сѣверной денная дѣятельность понемногу начинаетъ замѣнять спокойствіе ночи: гдѣ прошла смѣна часовыхъ, побрякивая ружьями, гдѣ докторъ уже спѣшитъ къ госпиталю, гдѣ солдатикъ вылѣзъ изъ землянки, моетъ оледенѣлою водой загорѣлое лицо и, оборотясь на зардѣвшійся востокъ, быстро крестясь, молится Богу; гдѣ высокая тяжелая *маджара* на верблюдахъ со скрипомъ протащилась на кладбище хоронить окровавленныхъ покойниковъ, которыми она чуть не до верху наложена... Вы подходите къ пристани—особенный запахъ каменнаго угля, навоза, сырости и говядины поражаетъ васъ; тысячи разнородныхъ предметовъ: дрова, мясо, туры, мука, желѣзо и т. д. — кучей лежатъ около пристани; солдаты разныхъ полковъ, съ мѣшками и ружьями, безъ мѣшковъ и безъ ружей толпятся тутъ, ку-

рятъ, бранятся, перетаскиваютъ тяжести на пароходъ, который, дымясь, стоитъ около помоста; вольные ялики, наполненные всякаго рода народомъ—солдатами, моряками, купцами, женщинами,—причаливаютъ и отчаливаютъ отъ пристани.

— На Графскую, ваше благородіе? пожалуйте,—предлагаютъ вамъ свои услуги два или три отставныхъ матроса, вставая изъ яликовъ.

Вы выбираете тотъ, который къ вамъ поближе, шагаете черезъ полусгнившій трупъ какой-то гнѣдой лошади, которая тутъ въ грязи лежитъ около лодки, и проходите къ рулю. Вы отчалили отъ берега. Кругомъ васъ блестящее уже на утреннемъ солнцѣ море, впереди—старый матросъ въ верблюжьемъ пальто и молодой бѣлоголовый мальчикъ, которые молча усердно работаютъ веслами. Вы смотрите на полосатыя громады кораблей, близко и далеко разсыпанныхъ по бухтѣ, и на черныя небольшія точки шлюпокъ, движущихся по блестящей лазури, и на красивыя свѣтлыя строенія города, окрашенныя розовыми лучами утренняго солнца, виднѣющіяся на той сторонѣ, и на пѣнящуюся бѣлую линію мола и затопленныхъ кораблей, отъ которыхъ кое-гдѣ грустно торчатъ черные концы мачтъ, и на далекій непріятельскій флотъ, маячащій на хрустальномъ горизонтѣ моря, и на пѣнящіяся струи, въ которыхъ прыгаютъ соляные пузырки, поднимаемые веслами; вы слушаете равномѣрные звуки голосовъ, по водѣ долетающихъ до васъ, и величественные звуки стрѣльбы, которая, какъ вамъ кажется, усиливается въ Севастополѣ.

Не можетъ быть, чтобы при мысли, что и вы въ Севастополѣ, не проникнуло въ душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтобы кровь не стала быстрѣе обращаться въ вашихъ жилахъ.

— Ваше благородіе! прямо подъ Кистентинъ *) держите,— скажетъ вамъ старикъ матросъ, оборотясь назадъ, чтобы повѣрить направленіе, которое вы даете лодкѣ, вправо руля.

---

*) Корабль „Константинъ“.

— А на немъ пушки-то еще всѣ,—замѣтитъ бѣловолосый парень, проходя мимо корабля и разглядывая его.

— А то какъ же: онъ новый, на немъ Корниловъ жилъ,—замѣтилъ старикъ, тоже взглядывая на корабль.

— Вишь ты, гдѣ разорвало!—скажетъ мальчикъ, послѣ долгаго молчанія взглядывая на бѣлое облачко расходящагося дыма, вдругъ появившагося высоко надъ южною бухтой и сопровождаемаго рѣзкимъ звукомъ разрыва бомбы.

— Это *онъ* съ новой батареи нынче палитъ,—прибавитъ старикъ, равнодушно поплевывая на руки.—Ну, навались, Мишка! баркасъ перегонимъ.—И вашъ яликъ быстрѣе подвигается впередъ по широкой зыби бухты, дѣйствительно перегоняетъ тяжелый баркасъ, на которомъ навалены какіе-то кули и неровно гребутъ неловкіе солдаты, и пристаетъ между множествомъ причаленныхъ всякаго рода лодокъ къ Графской пристани.

На набережной шумно шевелятся толпы сѣрыхъ солдатъ, черныхъ матросовъ и пестрыхъ женщинъ. Бабы продаютъ булки, русскіе мужики съ самоварами кричатъ: *сбитень горячій*; и тутъ же на первыхъ ступеняхъ валяются заржавѣвшія ядра, бомбы, картечи и чугунныя пушки разныхъ калибровъ; немного далѣе большая площадь, на которой валяются какіе-то огромные брусья, пушечные станки, спящіе солдаты, стоятъ лошади, повозки, зеленые орудія и ящики, пѣхотные козлы; двигаются солдаты, матросы, офицеры, женщины, дѣти и купцы; ѣздятъ телѣги съ сѣномъ, съ кулями и съ бочками; кой-гдѣ проѣдутъ казакъ и офицеръ верхомъ, генералъ въ дрожкахъ. Направо улица загорожена баррикадой, на которой въ амбразурахъ стоятъ какія-то маленькія пушки, и около нихъ сидитъ матросъ, покуривая трубочку. Налѣво красивый домъ съ римскими цифрами на фронтонѣ, подъ которымъ стоятъ солдаты и окровавленныя носилки,—вездѣ вы видите непріятные слѣды военнаго лагеря. Первое впечатлѣніе ваше непремѣнно самое непріятное: странное смѣшеніе лагерной и городской жизни, красиваго города и грязнаго бивуака не только не красиво, но кажется от-

вратительнымъ безпорядкомъ; вамъ даже покажется, что всѣ перепуганы, суетятся, не знаютъ что дѣлать. Но вглядитесь ближе въ лица этихъ людей, движущихся вокругъ васъ, и вы поймете совсѣмъ другое. Посмотрите хоть на этого фурштадскаго солдатика, который ведетъ поить какую-то гнѣдую тройку и такъ спокойно мурлыкаетъ себѣ что-то подъ носъ, что очевидно, онъ не заблудится въ этой разнородной толпѣ, которой для него и не существуетъ, но что онъ исполняетъ свое дѣло, какое бы оно ни было — поить лошадей или таскать орудія — такъ же спокойно, самоувѣренно и равнодушно, какъ бы все это происходило гдѣ-нибудь въ Тулѣ или въ Саранскѣ. То же выраженіе читаете вы и на лицѣ этого офицера, который, въ безукоризненно бѣлыхъ перчаткахъ, проходитъ мимо, и въ лицѣ матроса, который куритъ, сидя на баррикадѣ, и въ лицѣ рабочихъ солдатъ, съ носилками дожидающихся на крыльцѣ бывшаго собранія, и въ лицѣ этой дѣвицы, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкамъ перепрыгиваетъ черезъ улицу.

Да! вамъ непремѣнно предстоитъ разочарованіе, если вы въ первый разъ въѣзжаете въ Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одномъ лицѣ слѣдовъ суетливости, растерянности или даже энтузіазма, готовности къ смерти, рѣшимости; ничего этого нѣтъ: вы видите будничныхъ людей, спокойно занятыхъ будничнымъ дѣломъ, такъ что, можетъ быть, вы упрекнете себя въ излишней восторженности, усомнитесь немного въ справедливости понятія о геройствѣ защитниковъ Севастополя, которое составилось въ васъ по разсказамъ, описаніямъ и по виду и звукамъ съ Сѣверной стороны. Но прежде чѣмъ сомнѣваться, сходите на бастіоны, посмотрите защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты или, лучше, зайдите прямо напротивъ въ этотъ домъ, бывшій прежде севастопольскимъ собраніемъ и на крыльцѣ котораго стоятъ солдаты съ носилками, — вы увидите тамъ защитниковъ Севастополя, увидите тамъ ужасныя и грустныя, великія и забавныя, но изумительныя, возвышающія душу зрѣлища.

Вы входите въ большую залу собранія. Только что вы отворили дверь, видъ и запахъ 40 или 50 ампутированныхъ и самыхъ тяжело-раненыхъ больныхъ, однихъ на койкахъ, большею частью на полу, вдругъ поражаетъ васъ. Не вѣрьте чувству, которое удерживаетъ васъ на порогѣ залы,—это дурное чувство; идите впередъ, не стыдитесь того, что вы какъ будто пришли *смотрѣть* на страдальцевъ, не стыдитесь подойти и поговорить съ ними: несчастные любятъ видѣть человѣческое сочувствующее лицо, любятъ разсказать про свои страданія и услышать слова любви и участія. Вы проходите посреди̇нѣ постелей и ищите лицо менѣе строгое и страдающее, къ которому вы рѣшитесь подойти чтобы побесѣдовать.

— Ты куда раненъ?—спрашиваете вы нерѣшительно и робко у одного стараго исхудалаго солдата, который, сидя на койкѣ, слѣдитъ за вами добродушнымъ взглядомъ и какъ будто приглашаетъ подойти къ себѣ. Я говорю: „робко спрашиваете“, потому что страданія, кромѣ глубокаго сочувствія, внушаютъ почему-то страхъ оскорбить и высокое уваженіе къ тому, кто переноситъ ихъ.

— Въ ногу,—отвѣчаетъ солдатъ; но въ это самое время вы сами замѣчаете по складкамъ одѣяла, что у него ноги нѣтъ выше колѣна.—Слава Богу теперь,—прибавляетъ онъ:—на выписку хочу.

— А давно ты уже раненъ?

— Да вотъ шестая недѣля пошла, ваше благородіе!

— Что же болитъ у тебя теперь?

— Нѣтъ, теперь не болитъ ничего; только какъ-будто въ икрѣ ноетъ, когда непогода, а то ничего.

— Какъ же ты это былъ раненъ?

— На 5-мъ баксіонѣ, ваше благородіе, какъ первая бандировка была: навелъ пушку, сталъ отходить, этакимъ манеромъ, къ другой амбразурѣ, какъ *онъ* ударитъ меня по ногѣ, ровно какъ въ яму оступился. Глядь, а ноги нѣтъ.

— Неужели больно не было въ эту первую минуту?

— Ничего; только какъ горячимъ чѣмъ меня пхнули въ ногу.

— Ну, а потомъ?

— И потомъ ничего; только какъ кожу натягивать стали, такъ саднило какъ-будто. Оно первое дѣло, ваше благородіе, *не думать ничего*: какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше оттого, что думаетъ человѣкъ.

Въ это время къ намъ подходитъ женщина въ сѣренькомъ полосатомъ платьѣ и повязанная чернымъ платкомъ; она вмѣшивается въ вашъ разговоръ съ матросомъ и начинаетъ разсказывать про него, про его страданія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ былъ четыре недѣли, про то, какъ, бывши раненъ, остановилъ носилки, съ тѣмъ чтобы посмотрѣть на залпъ нашей батареи, какъ великіе князья говорили съ нимъ и пожаловали ему 25 рублей, и какъ онъ сказалъ имъ, что онъ опять хочетъ на бастіонъ, съ тѣмъ, чтобъ учить молодыхъ, ежели уже самъ работать не можетъ. Говоря все это однимъ духомъ, женщина эта смотритъ то на васъ, то на матроса, который, отвернувшись и какъ-будто не слушая ея, щиплетъ у себя на подушкѣ корпію, и глаза ея блестятъ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Это хозяйка моя, ваше благородіе! — замѣчаетъ вамъ матросъ съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто говоритъ: „ужъ вы ее извините. Извѣстно, бабье дѣло — глупыя слова говоритъ“.

Вы начинаете понимать защитниковъ Севастополя; вамъ становится почему-то совѣстно за самого себя передъ этимъ человѣкомъ. Вамъ хотѣлось бы сказать ему слишкомъ много, чтобы выразить ему свое сочувствіе и удивленіе; но вы не находите словъ или недовольны тѣми, которыя приходятъ вамъ въ голову, — и вы молча склоняетесь передъ этимъ молчаливымъ, безсознательнымъ величіемъ и твердостью духа, этою стыдливостью передъ собственнымъ достоинствомъ.

— Ну, дай Богъ тебѣ поскорѣе поправиться,—говорите вы ему и останавливаетесь передъ другимъ больнымъ, который

лежитъ на полу и, какъ кажется, въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти.

Это бѣлокурый, съ пухлымъ и блѣднымъ лицомъ человѣкъ. Онъ лежитъ навзничь, закинувъ назадъ лѣвую руку, въ положеніи, выражающемъ жестокое страданіе. Сухой открытый ротъ съ трудомъ выпускаетъ хрипящее дыханіе; голубые оловянные глаза закачены кверху, и изъ-подъ сбившагося одѣяла высунутъ остатокъ правой руки, обернутый бинтами. Тяжелый запахъ мертваго тѣла сильнѣе поражаетъ васъ, и пожирающій внутренній жаръ, проникающій всѣ члены страдальца, проникаетъ какъ-будто и васъ.

— Что, онъ безъ памяти?—спрашиваете вы у женщины, которая идетъ за вами и ласково, какъ на родного, смотритъ на васъ.

— Нѣтъ, еще слышитъ, да очень плохъ,—прибавляетъ она шопотомъ.—Я его нынче чаемъ поила—что жъ, хоть и чужой, все надо жалость имѣть,—такъ ужъ не пилъ почти.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спрашиваете вы его.

Раненый поворачиваетъ зрачки на вашъ голосъ, но не видитъ и не понимаетъ васъ.

— У сердцѣ гхорить.

Немного далѣе вы видите стараго солдата, который перемѣняетъ бѣлье. Лицо и тѣло его какого-то коричневаго цвѣта и худы, какъ скелетъ. Руки у него совсѣмъ нѣтъ: она выщелущена въ плечѣ. Онъ сидитъ бодро, онъ поправился; но по мертвому, тусклому взгляду, по ужасной худобѣ и морщинамъ лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни.

Съ другой стороны, вы увидите на койкѣ страдальческое, блѣдное и нѣжное лицо женщины, на которомъ играетъ во всю щеку горячечный румянецъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу задѣло бомбой,—скажетъ вамъ ваша путеводительница:—она мужу на бастіонъ обѣдать носила.

— Что жъ, отрѣзали?

— Выше колѣна отрѣзали.

Теперь ежели нервы ваши крѣпки, пройдите въ дверь налѣво: въ той комнатѣ дѣлаютъ перевязки и операціи. Вы увидите тамъ докторовъ съ окровавленными по локти руками и блѣдными, угрюмыми физіономіями, занятыхъ около койки, на которой, съ открытыми глазами и говоря, какъ въ бреду, безсмысленныя, иногда простыя и трогательныя слова, лежитъ раненый, подъ вліяніемъ хлороформа. Доктора заняты отвратительнымъ, но благодѣтельнымъ дѣломъ ампутацій. Вы увидите, какъ острый кривой ножъ входитъ въ бѣлое здоровое тѣло, увидите, какъ съ ужаснымъ, раздирающимъ крикомъ и проклятіями раненый вдругъ приходитъ въ чувство, увидите, какъ фельдшеръ броситъ въ уголъ отрѣзанную руку, увидите, какъ на носилкахъ лежитъ, въ той же комнатѣ, другой раненый и, глядя на операцію товарища, корчится и стонетъ, не столько отъ физической боли, сколько отъ моральныхъ страданій ожиданія, — увидите ужасныя, потрясающія душу зрѣлища, увидите войну не въ правильномъ красивомъ и блестящемъ строѣ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну въ настоящемъ ея выраженіи, — въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти...

Выходя изъ этого дома страданій, вы непремѣнно испытаете отрадное чувство, полнѣе вдохнете въ себя свѣжій воздухъ, почувствуете удовольствіе въ сознаніи своего здоровья, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ созерцаніи этихъ страданій почерпнете сознаніе своего ничтожества и спокойно, безъ нерѣшимости пойдете на бастіоны...

„Что значитъ смерть и страданія такого ничтожнаго червяка, какъ я, въ сравненіи съ столькими смертями и столькими страданіями!“ Но видъ чистаго неба, блестящаго солнца, красиваго города, отворенной церкви и движущагося по разнымъ направленіямъ военнаго люда скоро приведетъ вашъ духъ въ нормальное состояніе легкомыслія, маленькихъ заботъ и увлеченія однимъ настоящимъ.

Навстрѣчу попадутся вамъ, можетъ-быть, изъ церкви похороны какого-нибудь офицера, съ розовымъ гробомъ и музыкой и развѣвающимися хоругвями; до слуха вашего долетятъ можетъ-быть, звуки стрѣльбы съ бастіоновъ, но это не наведетъ васъ на прежнія мысли, похороны покажутся вамъ весьма красивымъ воинственнымъ зрѣлищемъ, звуки,—весьма красивыми воинственными звуками, и вы не соедините ни съ этимъ зрѣлищемъ, ни съ этими звуками мысли ясной, перенесенной на себя, о страданіяхъ и смерти, какъ вы это сдѣлали на перевязочномъ пунктѣ.

Пройдя церковь и баррикаду, вы войдете въ самую оживленную внутреннюю жизнью, часть города. Съ обѣихъ сторонъ вывѣски лавокъ, трактировъ. Купцы, женщины въ шляпкахъ и платочкахъ, щеголеватые офицеры,—все говоритъ о твердости духа, самоувѣренности, безопасности жителей.

Зайдите въ трактиръ направо, ежели вы хотите послушать толки моряковъ и офицеровъ: тамъ ужъ вѣрно идутъ разсказы про нынѣшнюю ночь, про Ѳеньку, про дѣло 24-го, про то, какъ дорого и нехорошо подаютъ котлетки, и про то, какъ убитъ тотъ-то и тотъ-то товарищъ.

— Чортъ возьми, какъ нынче у насъ плохо!—говоритъ басомъ бѣлобрысенькій, безусый морской офицерикъ въ зеленомъ вязаномъ шарфѣ.

— Гдѣ у насъ?—спрашиваетъ его другой.

— На 4-мъ бастіонѣ,—отвѣчаетъ молоденькій офицеръ, и вы непремѣнно съ бо̀льшимъ вниманіемъ и даже нѣкоторымъ уваженіемъ посмотрите на бѣлобрысенькаго офицера при словахъ: „на 4-мъ бастіонѣ“. Его слишкомъ большая развязность, размахиваніе руками, громкій смѣхъ и голосъ, казавшіеся вамъ нахальствомъ, покажутся вамъ тѣмъ особеннымъ бретерскимъ настроеніемъ духа, которое пріобрѣтаютъ иные очень молодые люди послѣ опасности; но все-таки вы подумаете, что онъ станетъ вамъ разсказывать, какъ плохо на 4-мъ бастіонѣ отъ бомбъ и пуль: ничуть не бывало! плохо оттого, что грязно.

„Пройти на батарею нельзя,—скажетъ онъ, показывая на сапоги, выше икоръ покрытые грязью.—А у меня нынче лучшаго комендора убило, прямо въ лобъ влѣпило“, скажетъ другой. „Кого это? Митюхина? Нѣтъ... да что, дадутъ ли мнѣ телятины? вотъ канальи!“ прибавилъ онъ къ трактирному слугѣ... „Не Митюхина, а Абрамова. Молодецъ такой въ шести вылазкахъ былъ“.

На другомъ углу стола, за тарелками котлетъ съ горошкомъ и бутылкой кислаго крымскаго вина, называемаго „бордо“, сидятъ два пѣхотныхъ офицера: одинъ, съ краснымъ воротникомъ и съ двумя звѣздочками на шинели, молодой, разсказываетъ другому, съ чернымъ воротникомъ и безъ звѣздочекъ, про альминское дѣло. Первый уже немного вышилъ, и по остановкамъ, которыя бываютъ въ его разсказѣ, по нерѣшительному взгляду, выражающему сомнѣніе въ томъ, что ему вѣрятъ, и главное, что слишкомъ велика роль, которую онъ играетъ во всемъ этомъ, и слишкомъ все страшно, замѣтно, что онъ сильно отклоняется отъ строгаго повѣствованія истины. Но вамъ не до этихъ разсказовъ, которые вы долго еще будете слушать во всѣхъ углахъ Россіи: вы хотите скорѣе итти на бастіоны, именно на 4-й, про который вамъ такъ много и такъ различно разсказывали. Когда кто-нибудь говоритъ, что онъ былъ на 4-мъ бастіонѣ, онъ говоритъ это съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью; когда кто говоритъ: я иду на 4-й бастіонъ, непремѣнно замѣтны въ немъ маленькое волненіе или слишкомъ большое равнодушіе; когда хотятъ подшутить надъ кѣмъ-нибудь, говорятъ: тебя бы поставить на 4-й бастіонъ; когда встрѣчаютъ носилки и спрашиваютъ: откуда? большею частью отвѣчаютъ: съ 4-го бастіона. Вообще же существуютъ два, совершенно различныя мнѣнія про этотъ страшный бастіонъ: тѣхъ, которые никогда на немъ не были, и которые убѣждены, что 4-й бастіонъ есть вѣрная могила для каждаго, кто пойдетъ на него, и тѣхъ, которые живутъ на немъ, какъ бѣлобрысенькій мичманъ, и которые, говоря про 4-й бастіонъ, скажутъ вамъ, сухо или грязно тамъ, тепло или холодно въ землянкѣ и т. д.

Въ полчаса, которые вы провели въ трактирѣ, погода успѣла перемѣниться: туманъ растилавшійся по морю, собрался въ сѣрыя, скучныя, сырыя тучи и закрылъ солнце; какая-то печальная изморось сыплется сверху и мочитъ крыши, тротуары и солдатскія шинели...

Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите изъ дверей направо и поднимаетесь вверхъ по большой улицѣ. За этою баррикадой дома по обѣимъ сторонамъ улицы необитаемы, вывѣсокъ нѣтъ, двери закрыты досками, окна выбиты, гдѣ отбитъ уголъ стѣны, гдѣ пробита крыша. Строенія кажутся старыми, испытавшими всякое горе и нужду ветеранами и какъ-будто гордо и нѣсколько презрительно смотрятъ на васъ. По дорогѣ спотыкаетесь вы на валяющіяся ядра и въ ямы съ водой, вырытыя въ каменномъ грунтѣ бомбами. По улицѣ встрѣчаете вы и обгоняете команды солдатъ, пластуновъ, офицеровъ; изрѣдка встрѣчаются женщина или ребенокъ, но женщина уже не въ шляпкѣ, а матроска въ старой шубейкѣ и въ солдатскихъ сапогахъ. Проходя дальше по улицѣ и спустясь подъ маленькій изволокъ, вы замѣчаете вокругъ себя уже не дома, а какія-то странныя груды развалинъ, камней, досокъ, глины, бревенъ, впереди себя на крутой горѣ видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть 4-й бастіонъ... Здѣсь народу встрѣчается еще меньше, женщинъ совсѣмъ не видно, солдаты идутъ скоро, по дорогѣ попадаются капли крови и непремѣнно встрѣтите тутъ четырехъ солдатъ съ носилками и на носилкахъ блѣдно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: „куда раненъ?“ носильщики сердито, не поворачиваясь къ вамъ, скажутъ: въ ногу или въ руку, ежели онъ раненъ легко; или сурово промолчатъ, ежели изъ-за носилокъ не видно головы и онъ уже умеръ или тяжело раненъ.

Недалекій свистъ ядра или бомбы, въ то самое время, какъ вы станете подниматься въ гору, непріятно поразитъ васъ. Вы

вдругъ поймете, и совсѣмъ иначе, чѣмъ понимали прежде, значеніе тѣхъ звуковъ выстрѣловъ, которые вы слышали въ городѣ. Какое-нибудь тихо отрадное воспоминаніе вдругъ блеснетъ въ вашемъ воображеніи, собственная ваша личность начнетъ занимать васъ больше, чѣмъ наблюденія: у васъ станетъ меньше вниманія ко всему окружающему и какое-то непріятное чувство нерѣшимости вдругъ овладѣетъ вами. Несмотря на этотъ подленькій голосъ при видѣ опасности, вдругъ заговорившій внутри васъ, вы, особенно взглянувъ на солдата, который, размахивая руками и оскользаясь подъ гору по жидкой грязи, рысью, со смѣхомъ бѣжитъ мимо васъ,—вы заставляете молчать этотъ голосъ, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверхъ на скользкую глинистую гору. Только что вы немного выбрались въ гору, справа и слѣва васъ начинаютъ жужжать штуцерныя пули, и вы, можетъ-быть, призадумаетесь, не итти ли вамъ по траншеѣ, которая ведетъ параллельно съ дорогой; но траншея эта наполнена такою жидкою, желтою, вонючею грязью выше колѣна, что вы непремѣнно выберете дорогу по горѣ, тѣмъ болѣе, что вы видите, *всѣ идутъ по дорогѣ*. Пройдя шаговъ двѣсти, вы выходите въ изрытое, грязное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ турами, насыпями, погребами, платформами, землянками, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія и правильными кучами лежатъ ядра. Все это кажется вамъ нагороженнымъ безъ всякой цѣли, связи и порядка. Гдѣ на батареѣ сидитъ кучка матросовъ, гдѣ по серединѣ площади, до половины потонувъ въ грязи, лежитъ разбитая пушка, гдѣ пѣхотный солдатикъ, съ ружьемъ переходящій черезъ батареи и съ трудомъ вытаскивающій ноги изъ липкой грязи. По вездѣ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ мѣстахъ, видите черепки, неразорванныя бомбы, ядра, слѣды лагеря, и все это затопленное въ жидкой вязкой грязи. Какъ вамъ кажется, недалеко отъ себя слышите вы ударъ ядра, со всѣхъ сторонъ, кажется, слышите различные звуки пуль—жужжащія,

какъ пчела, свистящія, быстрыя или визжащія, какъ струна,— слышите ужасный гулъ выстрѣла, потрясающій всѣхъ васъ и который вамъ кажется чѣмъ-то ужасно страшнымъ.

„Такъ вотъ онъ, 4-й бастіонъ, вотъ оно, это страшное, дѣйствительно ужасное мѣсто!“ думаете вы себѣ, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленнаго страха. Но разочаруйтесь: это еще не 4-й бастіонъ. Это Язоновскій редутъ—мѣсто, сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы итти на 4-й бастіонъ, возьмите направо, по этой узкой траншеѣ, по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ-быть, опять носилки, матроса, солдатъ съ лопатами, увидите проводники минъ, землянки въ грязи, въ которыя, согнувшись, могутъ влѣзать только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ черноморскихъ баталіоновъ, которые тамъ переобуваются, ѣдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ ту же вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на батарею—на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудіями на платформахъ и земляными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ-быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ брустверомъ, и морского офицера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что для васъ можетъ быть интереснаго. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папиросу изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры къ другой, такъ спокойно, безъ малѣйшей афектаціи говоритъ съ вами, что, несмотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно разспрашиваете и слушаете разсказы офицера. Офицеръ этотъ разскажетъ вамъ—но только, ежели вы его разспросите—про бомбардированье 5-го числа, разскажетъ, какъ на его батареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей

прислуги осталось 8 человѣкъ, и какъ все-таки на другое утро 6-го онъ *палилъ* *) изъ всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ; покажетъ вамъ изъ амбразуры батареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше здѣсь, какъ въ 30—40 саженяхъ. Одного я боюсь, что, подъ вліяніемъ жужжанія пуль, высовываясь изъ амбразуры, чтобы посмотрѣть непріятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этотъ бѣлый каменистый валъ, который такъ близко отъ васъ, и на которомъ вспыхиваютъ бѣлые дымки, этотъ-то бѣлый валъ и есть непріятель—*онъ*, какъ говорятъ солдаты и матросы.

Даже очень можетъ быть, что морской офицеръ, изъ тщеславія или просто такъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе, захочетъ при васъ пострѣлять немного. „Послать комендора и прислугу къ пушкѣ“, и человѣкъ четырнадцать матросовъ живо, весело, кто засовывая въ карманъ трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформѣ, подойдутъ къ пушкѣ и зарядятъ ее. Вглядитесь въ лица, въ осанки и въ движенія этихъ людей: въ каждой морщинѣ этого загорѣлаго скуластаго лица, въ каждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обутыхъ въ громадные сапоги, въ каждомъ движеніи, спокойномъ, твердомъ, неторопливомъ, видны эти главныя черты, составляющія силу русскаго,—простоты и упрямства; но здѣсь на каждомъ лицѣ кажется вамъ, что опасность, злоба и страданія войны, кромѣ этихъ главныхъ признаковъ, приложили еще слѣды сознанія своего достоинства, и высокой мысли и чувства.

Вдругъ ужаснѣйшій, потрясающій не одни ушные органы, но все существо ваше, гулъ поражаетъ васъ такъ, что вы вздрагиваете всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ затѣмъ вы слышите удаляющійся свистъ снаряда, и густой пороховой дымъ застилаетъ васъ, платформу и черныя фигуры движущихся по ней матро-

*) Моряки всѣ говорятъ палить, а не стрѣлять.

совъ. По случаю этого нашего выстрѣла вы услышите различные толки матросовъ и увидите ихъ одушевленіе и проявленіе чувства, котораго вы не ожидали видѣть, можетъ-быть,—это чувство злобы, мщенія врагу, которое таится въ душѣ каждаго. „Въ самую *амбразуру* попало; кажись, убило двухъ... вонъ понесли“ услышите вы радостныя восклицанія. „А вотъ онъ разсерчаетъ: сейчасъ пуститъ сюда“, скажетъ кто-нибудь, и дѣйствительно, скоро вслѣдъ за этимъ вы увидите впереди себя молнію, дымъ; часовой, стоящій на брустверѣ, крикнетъ: „пушка!“ И вслѣдъ за этимъ мимо васъ взвизгнетъ ядро, шлепнется въ землю и воронкой взброситъ вкругъ себя брызги и камни. Батарейный командиръ разсердится за это ядро, прикажетъ зарядить другое и третье орудія, непріятель тоже станетъ отвѣчать намъ и вы испытаете интересныя чувства, услышите и увидите интересныя вещи. Часовой опять закричитъ: „пушка“! и вы услышите тотъ же звукъ и ударъ, тѣ же брызги, или закричитъ: „маркела“ *), и вы услышите равномѣрное, довольно пріятное и такое, съ которымъ съ трудомъ соединяется мысль объ ужасномъ, посвистываніе бомбы, услышите приближающееся къ вамъ и ускоряющееся это посвистываніе, потомъ увидите черный шаръ, ощутительный ударъ о землю и звенящій разрывъ бомбы. Со свистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, зашуршатъ въ воздухѣ камни и забрызгаетъ васъ грязью. При этихъ звукахъ вы испытаете странное чувство наслажденія и вмѣстѣ страха. Въ ту минуту, какъ снарядъ, вы знаете, летитъ на васъ, вамъ непремѣнно придетъ въ голову, что снарядъ этотъ убьетъ васъ; но чувство самолюбія поддерживаетъ васъ, и никто не замѣчаетъ ножа, который рѣжетъ вамъ сердце. Но зато когда снарядъ пролетѣлъ, не задѣвъ васъ, вы оживаете, и какое-то отрадное, невыразимо пріятное чувство, но только на мгновеніе, овладѣваетъ вами, такъ что вы находите какую-то особенную прелесть въ опасности, въ этой игрѣ жизнью

*) Мортира.

и смертью; вамъ хочется, чтобъ еще и еще поближе упали около васъ ядро или бомба. Но вотъ еще часовой прокричалъ своимъ громкимъ, густымъ голосомъ: „маркела!“ еще посвистыванье, ударъ и разрывъ бомбы, но вмѣстѣ съ этимъ звукомъ васъ поражаетъ стонъ человѣка. Вы подходите къ раненому, который, въ крови и грязи, имѣетъ какой-то страшный нечеловѣческій видъ, въ одно время съ носилками. У матроса вырвана часть груди. Въ первыя минуты на забрызганномъ грязью лицѣ его видны одинъ испугъ и какое-то притворное преждевременное выраженіе страданія, свойственное человѣку въ такомъ положеніи; но въ то время, какъ ему приносятъ носилки, и онъ самъ на здоровый бокъ ложится на нихъ, вы замѣчаете, что выраженіе это смѣняется выраженіемъ какой-то восторженности и высокой невысказанной мысли: глаза горятъ ярче, зубы сжимаются, голова съ усиліемъ поднимается выше, и въ то время, какъ его поднимаютъ, онъ останавливаетъ носилки и съ трудомъ, дрожащимъ голосомъ говоритъ товарищамъ: „простите, братцы!“ еще хочетъ сказать что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ еще разъ: „простите, братцы!“ Въ это время товарищъ-матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на голову, которую подставляетъ ему раненый, и спокойно, равнодушно размахивая руками, возвращается къ своему орудію. „Это каждый день этакъ человѣкъ семь или восемь“, говоритъ вамъ морской офицеръ, отвѣчая на выраженіе ужаса, выражающагося на вашемъ лицѣ, зѣвая и свертывая папиросу изъ желтой бумаги...

. . . . . .

Итакъ, вы видѣли защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты и идете назадъ, почему-то не обращая никакого вниманія на ядра и пули, продолжающія свистать по всей дорогѣ до разрушеннаго театра,—идете съ спокойнымъ, возвысившимся духомъ. Главное, отрадное убѣжденіе, которое вы вынесли—это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа,—и эту невозможность видѣ-

ли вы не въ этомъ множествѣ траверсовъ, брустверовъ, хитросплетенныхъ траншей, минъ и орудій, однихъ на другихъ изъ которыхъ вы ничего не поняли, но видѣли ее въ глазахъ, рѣчахъ, пріемахъ, въ томъ, что называется духомъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало-напряженно и усиленно, что, вы убѣждены, они еще могутъ сдѣлать во сто разъ больше... они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей, такъ же спокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпрерывнаго труда, бдѣнія и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго,—любовь къ родинѣ. Только теперь разсказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не было укрѣпленій, не было войскъ, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся непріятелю,—о временахъ, когда этотъ герой, достойный древней Греціи—Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: „умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя“, и наши русскіе, неспособные къ фразерству, отвѣчали: „умремъ! ура“—только теперь разсказы про эти времена перестали быть для васъ прекраснымъ историческимъ преданіемъ, но сдѣлались достовѣрностью, фактомъ. Вы ясно поймете, вообразите себѣ тѣхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видѣли, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвышались духомъ и съ наслажденіемъ готовились къ смерти, не за городъ, а за родину. Надолго оставитъ въ Россіи великіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій...

Уже вечеръетъ. Солнце предъ самымъ закатомъ вышло изъза сѣрыхъ тучъ, покрывающихъ небо, и вдругъ багрянымъ свѣтомъ освѣтило лиловыя тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровною широкою зыбью, и бѣлыя строенія города, и народъ, движущійся по улицамъ. По водѣ разносятся звуки какого-то стариннаго вальса, который играетъ полковая музыка на бульварѣ, и звуки выстрѣловъ съ бастіоновъ, которые странно вторятъ имъ.

Севастополь
1855 г. 25 апр.

СЕВАСТОПОЛЬ.

ВЪ МАѢ 1855 ГОДА.

I.

Уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ просвистало первое ядро съ бастіоновъ Севастополя и взрыло землю на работахъ непріятеля, и съ тѣхъ поръ тысячи бомбъ, ядеръ и пуль не переставали летать съ бастіоновъ въ траншеи и изъ траншей на бастіоны, и ангелъ смерти не переставалъ парить надъ ними.

Тысячи людскихъ самолюбій успѣли оскорбиться, тысячи успѣли удовлетвориться, надуться, тысячи—успокоиться въ объятіяхъ смерти. Сколько розовыхъ гробовъ и полотняныхъ покрововъ! А все тѣ же звуки раздаются съ бастіоновъ, все такъ же съ невольнымъ трепетомъ и страхомъ смотрятъ въ ясный вечеръ французы изъ своего лагеря на желтоватую, изрытую землю бастіоновъ Севастополя, на черныя движущія по нимъ фигуры нашихъ матросовъ, и считаютъ амбразуры, изъ которыхъ сердито торчатъ чугунныя пушки; все такъ же въ трубу разсматриваетъ съ вышки телеграфа штурманскій унтеръ-офицеръ пестрыя фигуры французовъ, ихъ батареи, палатки, колонны, движущіяся по зеленой горѣ, и дымки, вспыхивающіе въ траншеяхъ,—и все съ тѣмъ же жаромъ стремятся съ различныхъ сторонъ свѣта разнородныя толпы людей, съ еще болѣе

разнородными желаніями, къ этому роковому мѣсту. А вопросъ, не рѣшенный дипломатами, все еще не рѣшается порохомъ и кровью.

II.

Въ осажденномъ городѣ Севастополѣ, на бульварѣ, около павильона играла полковая музыка, и толпы военнаго народа и женщинъ празднично двигались по дорожкамъ. Свѣтлое весеннее солнце вышло съ утра надъ англійскими работами, перешло на бастіоны, потомъ на городъ, на Николаевскую казарму, и, одинаково радостно свѣтя для всѣхъ, теперь спускалось къ далекому синему морю, которое, мѣрно колыхаясь, свѣтилось серебрянымъ блескомъ.

Высокій, немного сутуловатый пѣхотный офицеръ, натягивая на руку не совсѣмъ бѣлую, но опрятную перчатку, вышелъ изъ калитки одного изъ маленькихъ матросскихъ домиковъ, настроенныхъ на лѣвой сторонѣ Морской улицы, и, задумчиво глядя себѣ подъ ноги, направился въ гору къ бульвару. Выраженіе некрасиваго лица этого офицера не изобличало большихъ умственныхъ способностей, но простодушіе, разсудительность, честность и склонность къ порядочности. Онъ былъ дурно сложенъ, не совсѣмъ ловокъ и какъ-будто стыдливъ въ движеніяхъ. На немъ была мало поношенная фуражка, тонкая, немного страннаго лиловатаго цвѣта шинель, изъ-подъ борта которой виднѣлась золотая цѣпочка часовъ, панталоны со штрипками и чистые, блестящіе опойковые сапоги. Онъ долженъ былъ быть или нѣмецъ, ежели бы не изобличали черты лица его чистаго русскаго происхожденія, или адъютантъ, или квартирмейстеръ полковой (но тогда бы у него были шпоры), или офицеръ, на время кампаніи перешедшій изъ кавалеріи, а можетъ и изъ гвардіи. Онъ, дѣйствительно, былъ офицеръ, перешедшій изъ кавалеріи, и въ настоящую минуту, поднимаясь къ бульвару, думалъ о письмѣ, которое сейчасъ получилъ отъ бывшаго товарища, теперь отставного помѣщика, Т. губерніи, и жены его,

блѣдно-голубо-глазой Наташи, своей большой пріятельницы. Онъ вспомнилъ одно мѣсто письма, въ которомъ товарищъ пишетъ:

„Когда приносятъ намъ *Инвалидъ*, то *Пупка* (такъ отставной уланъ называлъ жену свою) бросается опрометью въ переднюю, хватаетъ газету и бѣжитъ съ ней на *эсъ* въ *бесѣдку*, *въ гостиную* (въ которой, помнишь, какъ славно мы проводили съ тобой зимніе вечера, когда полкъ стоялъ у насъ въ городѣ), и съ такимъ жаромъ читаетъ *ваши* геройскіе подвиги, что ты себѣ представить не можешь. Она часто про тебя говоритъ: „Вотъ Михайловъ, говоритъ она, такъ это *душка человѣкъ*. Я готова расцѣловать его, когда увижу. Онъ *сражается на бастіонахъ* и непремѣнно получитъ георгіевскій крестъ, и про него въ газетахъ напишутъ...“ и т. д., и т. д... такъ что я рѣшительно начинаю ревновать къ тебѣ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „до насъ газеты доходятъ ужасно поздно, а хотя изустныхъ новостей и много, не всѣмъ можно вѣрить. Напримѣръ, знакомыя тебѣ *барышни съ музыкой* разсказывали вчера, что ужъ будто Наполеонъ пойманъ нашими казаками и отосланъ въ Петербургъ; но ты понимаешь, какъ много я этому вѣрю. Разсказывалъ же намъ одинъ пріѣзжій изъ Петербурга (онъ у министра по особымъ порученіямъ, премилый человѣкъ, и теперь, какъ въ городѣ никого нѣтъ, такая для насъ *рисурсъ*, что ты себѣ представить не можешь...) такъ онъ говоритъ навѣрное, что наши заняли Евпаторію, *такъ что французамъ нѣтъ уже сообщенія съ Балаклавой*, и что у насъ при этомъ убито 200 человѣкъ, а у французомъ до 15 тысячъ. Жена была въ такомъ восторгѣ по этому случаю, что *кутила* цѣлую ночь, и говоритъ, что ты навѣрное, по ея предчувствію, былъ въ этомъ дѣлѣ и отличился“.

Несмотря на тѣ слова и выраженія, которыя я нарочно отмѣтилъ курсивомъ, и на весь тонъ письма, штабсъ-капитанъ Михайловъ съ невыразимо грустнымъ наслажденіемъ вспомнилъ о своемъ губернскомъ блѣдномъ другѣ и какъ онъ сиживалъ, бывало, съ нимъ по вечерамъ въ бесѣдкѣ и говорилъ о *чувствѣ*,

вспомнилъ о добромъ товарищѣ-уланѣ, какъ онъ сердился и ремизился, когда они, бывало, въ кабинетѣ составляли пульку по копейкѣ, какъ жена смѣялась надъ нимъ, — вспомнилъ о дружбѣ къ себѣ этихъ людей (можетъ-быть, ему казалось, что было что-то больше со стороны блѣднаго друга): всѣ эти лица съ своею обстановкой мелькнули въ его воображеніи въ удивительно сладкомъ, отрадно-розовомъ свѣтѣ, и онъ, улыбаясь своимъ воспоминаніямъ, дотронулся рукою до кармана, въ которомъ лежало это *милое* для него письмо.

Отъ воспоминаній штабсъ-капитанъ Михайловъ невольно перешелъ къ мечтамъ и надеждамъ. „И каково будетъ удивленіе и радость Наташи, — думалъ онъ, шагая по узенькому переулочку, — когда она вдругъ прочтетъ въ *Инвалидѣ* описаніе, какъ я первый влѣзъ на пушку и получилъ Георгія! Капитана я долженъ получить по старому представленію. Потомъ очень легко я въ этомъ же году могу получить майора по линіи, потому что много перебито, да и еще, вѣрно, много перебьютъ нашего брата въ эту кампанію. А потомъ опять будетъ дѣло, и мнѣ, какъ извѣстному человѣку, поручатъ полкъ... подполковникъ... Анну на шею... полковникъ...“ — и онъ былъ уже генераломъ, удостоивающимъ посѣщенія Наташу, вдову товарища, который, по его мечтамъ, умретъ къ этому времени, когда звуки бульварной музыки яснѣе долетѣли до слуха, толпы народа кинулись ему въ глаза, и онъ очутился на бульварѣ прежнимъ пѣхотнымъ штабсъ-капитаномъ.

III.

Онъ подошелъ сначала къ павильону, подлѣ котораго стояли музыканты, которымъ вмѣсто пюпитровъ другіе солдаты того же полка, раскрывъ, держали ноты и около которыхъ, больше смотря, чѣмъ слушая, составили кружокъ писаря, юнкера, няньки съ дѣтьми. Кругомъ павильона стояли, сидѣли и ходили большею частью моряки, адъютанты и офицеры въ бѣлыхъ перчат-

кахъ. По большой аллеѣ бульвара ходили всякихъ сортовъ офицеры и всякихъ сортовъ женщины, изрѣдка въ шляпкахъ, большею частью въ платочкахъ (были безъ платочковъ и безъ шляпокъ), но ни одной не было старой, а замѣчательно, что всѣ молодыя. Внизу, по тѣнистымъ пахучимъ аллеямъ бѣлыхъ акацій, ходили и сидѣли уединенныя группы.

Никто особенно радъ не былъ, встрѣтивъ на бульварѣ штабсъ-капитана Михайлова, исключая, можетъ-быть, его полка капитана Обжогова и капитана Сусликова, которые съ горячностью пожали ему руки; но первый былъ въ верблюжьихъ штанахъ, безъ перчатокъ, въ обношенной шинели и съ такимъ краснымъ, вспотѣвшимъ лицомъ, а второй кричалъ такъ громко и развязно, что совѣстно было ходить съ ними, особенно передъ офицерами въ бѣлыхъ перчаткахъ (изъ которыхъ съ однимъ адъютантомъ штабсъ-капитанъ Михайловъ кланялся, а съ другимъ штабсъ-офицеромъ могъ бы кланяться, потому что два раза встрѣчалъ его у общаго знакомаго). Притомъ же, что веселаго было ему гулять съ этими господами Обжоговымъ и Сусликовымъ, когда онъ безъ того по шести разъ на день встрѣчалъ и пожималъ имъ руки? Не для этого же онъ пришелъ *на музыку*.

Ему бы хотѣлось подойти къ адъютанту, съ которымъ онъ кланялся, и поговорить съ этими господами совсѣмъ не для того, чтобы капитаны Обжоговъ и Сусликовъ и поручикъ Пштецкій и другіе видѣли, что онъ говоритъ съ ними, но просто для того, что они пріятные люди, притомъ знаютъ всѣ новости—поразсказали бы.

Но отчего же штабсъ-капитанъ Михайловъ боится и не рѣшается подойти къ нимъ? „Что, ежели они вдругъ мнѣ не поклонятся,—думаетъ онъ,—или поклонятся и будутъ продолжать говорить между собою, какъ-будто меня нѣтъ, или вовсе уйдутъ отъ меня, и я тамъ останусь одинъ между *аристократами*?“ Слово аристократы (въ смыслѣ высшаго, отборнаго круга, въ какомъ бы то ни было сословіи) получило у насъ, въ Россіи, гдѣ бы, кажется, вовсе не должно было быть его,

съ нѣкотораго времени большую популярность и проникло во всѣ края и во всѣ слои общества, куда проникло только тщеславіе (а въ какія условія времени и обстоятельства не проникаетъ эта жалкая наклонность?): между купцами, между чиновниками, писарями, офицерами, въ Саратовъ, въ Мамадыши, въ Винницы, вездѣ, гдѣ есть люди. А такъ какъ въ осажденномъ городѣ Севастополѣ людей много, слѣдовательно и тщеславія много, т.-е. и *аристократы*, несмотря на то, что ежеминутно виситъ смерть надъ головой каждаго *аристократа* и *не-аристократа*.

Для капитана Обжогова штабсъ-капитанъ Михайловъ *аристократъ*, для штабсъ-капитана Михайлова адъютантъ Калугинъ *аристократъ*, потому что онъ адъютантъ и на „ты“ съ другимъ адъютантомъ. Для адъютанта Калугина графъ Нордовъ *аристократъ*, потому что онъ флигель-адъютантъ.

Тщеславіе, тщеславіе и тщеславіе вездѣ, даже на краю гроба и между людьми, готовыми къ смерти изъ-за высокаго убѣжденія! Тщеславіе! Должно-быть, оно есть характеристическая черта и особенная болѣзнь нашего вѣка. Отчего между прежними людьми не слышно было объ этой страсти, какъ объ оспѣ или холерѣ? Отчего въ нашъ вѣкъ есть только три рода людей: однихъ—принимающихъ начало тщеславія, какъ фактъ необходимо существующій, поэтому справедливый, и свободно подчиняющихся ему; другихъ—принимающихъ его какъ несчастное, но неопреодолимое условіе, и третьихъ—безсознательно-рабски дѣйствующихъ подъ его вліяніемъ? Отчего Гомеры и Шекспиры говорили про любовь, про славу, про страданія, а литература нашего вѣка есть только безконечная повѣсть снобовъ и тщеславія?

Штабсъ-капитанъ два раза въ нерѣшительности прошелъ мимо кружка *своихъ аристократовъ*, въ третій разъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и подошелъ къ нимъ. Кружокъ этотъ составляли четыре офицера: адъютантъ Калугинъ, знакомый Михайлова, адъютантъ князь Гальцинъ, бывшій даже немножко аристокра-

томъ для самого Калугина, полковникъ Нефердовъ, одинъ изъ такъ-называемыхъ *ста-двадцати-двухъ* свѣтскихъ людей (поступившихъ на службу въ эту кампанію изъ отставки) и ротмистръ Праскухинъ, тоже одинъ изъ этихъ ста-двадцати-двухъ. Къ счастію Михайлова, Калугинъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа (генералъ только что поговорилъ съ нимъ весьма довѣренно, и князь Гальцинъ, пріѣхавъ изъ Петербурга, остановился у него): онъ счелъ не унизительнымъ подать руку штабсъ-капитану Михайлову, чего не рѣшился, однако, сдѣлать Праскухинъ, весьма часто встрѣчавшійся на бастіонѣ съ Михайловымъ, неоднократно пившій его вино и водку и даже должный ему по преферансу двѣнадцать рублей съ полтиной. Не зная еще хорошенько князя Гальцина, ему не хотѣлось изобличать предъ нимъ свое знакомство съ простымъ пѣхотнымъ штабсъ-капитаномъ. Онъ слегка поклонился ему.

— Что, капитанъ, — сказалъ Калугинъ, — когда опять на бастіончикъ? Помните, какъ мы съ вами встрѣтились на Шварцевомъ редутѣ — жарко было? а?

— Да, жарко,—сказалъ Михайловъ, вспоминая о томъ, какъ онъ въ ту ночь, пробираясь по траншеѣ на бастіонъ, встрѣтилъ Калугина, который шелъ такимъ молодцомъ, бодро побрякивая саблей.

— Мнѣ, по-настоящему, приходится завтра итти: но у насъ боленъ,—продолжалъ Михайловъ,—одинъ офицеръ, такъ...

Онъ хотѣлъ разсказать, что чередъ былъ не его, но такъ какъ командиръ 8-й роты былъ нездоровъ, а въ ротѣ оставался прапорщикъ только, то онъ счелъ своею обязанностью предложить себя на мѣсто поручика Непшисецкаго и потому шелъ нынче на бастіонъ. Калугинъ не дослушалъ его.

— А я чувствую, что на-дняхъ что-нибудь будетъ, — сказалъ онъ князю Гальцину.

— А что, не будетъ ли нынче что-нибудь?—робко спросилъ Михайловъ, поглядывая то на Калугина, то на Гальцина.

Никто не отвѣчалъ ему. Князь Гальцинъ только сморщился

какъ-то, пустилъ глаза мимо его фуражки и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Славная дѣвочка эта въ красномъ платочкѣ. Вы ее не знаете, капитанъ?

— Это около моей квартиры, дочь одного матроса — отвѣчалъ штабсъ-капитанъ.

— Пойдемте, посмотримъ ее хорошенько.

И князь Гальцинъ взялъ подъ руку съ одной стороны Калугина, съ другой—штабсъ-капитана, впередъ увѣренный, что это не можетъ не доставить послѣднему большого удовольствія, что, дѣйствительно, было справедливо.

Штабсъ-капитанъ былъ суевѣренъ и считалъ большимъ грѣхомъ предъ дѣломъ заниматься женщинами; но въ этомъ случаѣ онъ притворился развратникомъ, чему видимо не вѣрили князь Гальцинъ и Калугинъ, и что чрезвычайно удивляло дѣвицу въ красномъ платочкѣ, которая не разъ замѣчала, какъ штабсъ-капитанъ краснѣлъ, проходя мимо ея окошка. Праскухинъ шелъ сзади и все толкалъ за руку князя Гальцина, дѣлая разныя замѣчанія на французскомъ языкѣ; но такъ какъ вчетверомъ нельзя было итти по дорожкѣ, онъ принужденъ былъ итти одинъ и только во второмъ кругѣ взялъ подъ руку подошедшаго сзади и заговорившаго съ нимъ извѣстнаго храбраго морскаго офицера *Сервягина*, желавшаго тоже присоединиться къ кружку *аристократовъ*. И извѣстный храбрецъ съ радостью просунулъ свою мускулистую честную руку за локоть, всѣмъ и самому *Сервягину хорошо* извѣстному за неслишкомъ *хорошаго* человѣка, Праскухину. Когда Праскухинъ объясняя князю Гальцину свое знакомство съ *этимъ* морякомъ, шепнулъ ему, что это былъ извѣстный храбрецъ, князь Гальцинъ, бывшій вчера на четвертомъ бастіонѣ и видѣвшій отъ себя въ двадцати шагахъ лопнувшую бомбу, считая себя не меньшимъ храбрецомъ, чѣмъ этотъ господинъ, и предполагая, что весьма много репутаціи пріобрѣтается задаромъ, не обратилъ на Сервягина никакого вниманія.

Штабсъ-капитану Михайлову такъ пріятно было гулять въ этомъ обществѣ, что онъ забылъ про *милое* письмо изъ Т. и про мрачныя мысли, осаждавшія его при предстоящемъ отправленіи на бастіонъ. Онъ пробылъ съ ними до тѣхъ поръ, пока они не заговорили исключительно между собой, избѣгая его взглядовъ, давая тѣмъ знать, что онъ можетъ итти, и наконецъ совсѣмъ ушли отъ него. Но штабсъ-капитанъ все-таки былъ доволенъ, и проходя мимо юнкера барона Песта, который былъ особенно гордъ и самонадѣянъ со вчерашней ночи, которую онъ въ первый разъ провелъ въ блиндажѣ пятаго бастіона, и считалъ себя, вслѣдствіе этого героемъ, онъ нисколько не огорчился подозрительно-высокомѣрнымъ выраженіемъ, съ которымъ юнкеръ вытянулся и снялъ предъ нимъ фуражку.

IV.

Но едва штабсъ-капитанъ перешагнулъ порогъ своей квартиры, какъ совсѣмъ другія мысли пошли ему въ голову. Онъ увидалъ свою маленькую комнатку съ земляным неровнымъ поломъ и кривыми окнами, залѣпленными бумагой, свою старую кровать съ прибитымъ надъ ней ковромъ, на которомъ изображена была амазонка и висѣли два тульскіе пистолета, грязную, съ ситцевымъ одѣяломъ постель юнкера, который жилъ съ нимъ; увидалъ своего Никиту, который со взбудораженными сальными волосами, почесываясь, всталъ съ полу; увидалъ свою старую шинель, личные сапоги и узелокъ, изъ котораго торчали конецъ сыра и горлышко портерной бутылки съ водкой, приготовленной для него на бастіонъ, и вдругъ вспомнилъ, что ему нынче на цѣлую ночь итти съ ротой въ ложементы.

„Навѣрное, мнѣ быть убитымъ нынче,—думалъ штабсъ-капитанъ,—я чувствую. И главное, что не мнѣ надо было итти, а я самъ вызвался. И ужъ это всегда убьютъ того, кто напрашивается. И чѣмъ боленъ этотъ проклятый Непшисецкій? Очень можетъ быть, что и вовсе не боленъ: а тутъ изъ-за него убьютъ человѣка, непремѣнно убьютъ. Впрочемъ ежели не убьютъ, то

вѣрно представятъ. Я видѣлъ, какъ полковому командиру понравилось, когда я сказалъ: позвольте мнѣ итти, ежели поручикъ Пепшисецкій боленъ. Ежели не выйдетъ майора, то Владиміра навѣрное. Вѣдь я ужъ тринадцатый разъ иду на бастіонъ. Охъ, 13 скверное число. Непремѣнно убьютъ, чувствую, что убьютъ; но надо же было кому-нибудь итти, нельзя съ прапорщикомъ ротѣ итти. А что-нибудь бы случилось, вѣдь это честь полка, честь арміи отъ этого зависитъ. Мой *долгъ* былъ итти... да, святой долгъ. А есть предчувствіе. Штабсъ-капитанъ забывалъ, что подобное предчувствіе въ болѣе или менѣе сильной степени, приходило ему не въ первый разъ, когда нужно было итти на бастіонъ, и не зналъ, что то же, въ болѣе или менѣе сильной степени предчувствіе испытываетъ всякій, кто идетъ въ дѣло. Успокоивъ себя понятіемъ долга, которое у штабсъ-капитана было особенно развито и сильно, онъ сѣлъ къ столу и сталъ писать прощальное письмо къ отцу. Черезъ десять минутъ, написавъ письмо, онъ всталъ отъ стола съ мокрыми отъ слезъ глазами и, мысленно читая всѣ молитвы, которыя зналъ, сталъ одѣваться. Пьяноватый и грубый слуга лѣниво подалъ ему новый сюртукъ (старый, который обыкновенно надѣвалъ штабсъ-капитанъ, идя на бастіонъ, не былъ починенъ).

— Отчего не починенъ сюртукъ? Тебѣ только бы все спать, этакой!—сердито сказалъ Михайловъ.

— Чего спать?—проворчалъ Никита:—день деньской бѣгаешь, какъ собака: умаешься небось, а тутъ не засни еще!

— Ты опять пьянъ, я вижу.

— Не на ваши деньги напился, что попрекаете.

— Молчи, болванъ! — крикнулъ штабсъ-капитанъ, готовый ударить человѣка, еще прежде разстроенный, а теперь окончательно выведенный изъ терпѣнія и огорченный грубостью Никиты, котораго онъ любилъ, баловалъ даже, и съ которымъ жилъ уже 12 лѣтъ.

— Болванъ? болванъ?—повторилъ слуга:—и что ругаетесь болваномъ, сударь? вѣдь теперь время какое? нехорошо ругать.

Михайловъ вспомнилъ, куда онъ идетъ, и ему стыдно стало.

— Вѣдь ты хоть кого выведешь изъ терпѣнія, Никита!—сказалъ онъ кроткимъ голосомъ.—Письмо это къ батюшкѣ на столѣ оставь, такъ и не трогай,—прибавилъ онъ, краснѣя.

— Слушаю-съ, — сказалъ Никита, расчувствовавшійся подъ вліяніемъ вина, которое онъ выпилъ, какъ говорилъ: *на свои деньги*, и съ видимымъ желаніемъ заплакать, хлопая глазами.

Когда же на крыльцѣ штабсъ-капитанъ сказалъ: „прощай, Никита!“ то Никита вдругъ разразился принужденными рыданіями и бросился цѣловать руки своего барина. „Прощайте баринъ!“ всхлипывая говорилъ онъ. Старуха - матроска, стоявшая на крыльцѣ, какъ женщина, не могла не присоединиться тоже къ этой чувствительной сценѣ, начала утирать глаза грязнымъ рукавомъ и приговаривать что-то о томъ, что уже на что господа, и тѣ какія муки принимаютъ, и что она, бѣдный человѣкъ, вдовой осталась, и разсказала въ сотый разъ пьяному Никитѣ о своемъ горѣ: какъ ея мужа убили еще въ первую *бандировку*, и какъ ея домишко весь разбили (тотъ, въ которомъ она жила, принадлежалъ не ей) и т. д. По уходѣ барина Никита закурилъ трубку, попросилъ хозяйскую дѣвочку сходить за водкой и весьма скоро пересталъ плакать, а, напротивъ, побранился со старухой за какую-то ведерку, которую она ему будто бы раздавила.

„А можетъ быть, только ранятъ,—разсуждалъ самъ со собою штабсъ-капитанъ, уже сумерками, подходя съ ротой къ бастіону“.—Но куда? какъ? сюда или сюда?—думалъ онъ мысленно, указывая на животъ и на грудь. — Вотъ ежели бы сюда (онъ думалъ о верхней части ноги) да кругомъ бы обошла. Ну, а какъ сюда да осколкомъ—кончено!“

Штабсъ-капитанъ по траншеямъ благополучно дошелъ до ложементовъ, разставилъ съ сапернымъ офицеромъ, уже въ совершенной темнотѣ, людей на работу и сѣлъ въ ямочку подъ брустверомъ. Стрѣльба была малая; только изрѣдка вспыхивали то у насъ, то у *него* молніи, и свѣтящаяся трубка бомбы прокла-

дывала огненную дугу на темномъ звѣздномъ небѣ. Но всѣ бомбы ложились далеко сзади и справа ложемента, въ которомъ въ ямочкѣ сидѣлъ штабсъ-капитанъ. Онъ выпилъ водки, закусилъ сыромъ, закурилъ папироску и, помолясь Богу, хотѣлъ заснуть немного.

V.

Князь Гальцинъ, подполковникъ Нефердовъ и Праскухинъ, котораго никто не звалъ, съ которымъ никто не говорилъ, но который не отставалъ отъ нихъ, всѣ съ бульвара пошли пить чай къ Калугину.

— Ну такъ ты мнѣ не досказалъ про Ваську Менделя,—говорилъ Калугинъ, снявъ шинель, сидя около окна на мягкомъ покойномъ креслѣ и разстегивая воротникъ чистой крахмальной голландской рубашки:—какъ же онъ женился?

— Умора, братецъ! je vous dis, il y avait un temps, on ne parlait que de ça à Petersbourg,—сказалъ, смѣясь, князь Гальцинъ, вскакивая отъ фортепьянъ, у которыхъ онъ сидѣлъ, и садясь на окно подлѣ окна Калугина:—просто умора. Ужъ я все это знаю подробно...

И онъ весело, умно и бойко сталъ разсказывать какую-то любовную исторію, которую мы пропустимъ, потому что она для насъ не интересна. Но замѣчательно то, что не только князь Гальцинъ, но и всѣ эти господа, расположившись здѣсь кто на окнѣ, кто задравъ ноги, кто за фортепьяно, казались совсѣмъ другими людьми, чѣмъ на бульварѣ: не было этой смѣшной надутости, высокомѣрности, которыя они выказывали пѣхотнымъ офицерамъ; здѣсь они были между своими въ натурѣ, особенно Калугинъ и князь Гальцинъ, очень милыми, веселыми и добрыми ребятами. Разговоръ шелъ о петербургскихъ сослуживцахъ и знакомыхъ.

— Что Масловскій?

— Который? лейбъ-уланъ или конногвардеецъ?

— Я ихъ обоихъ знаю. Конногвардеецъ при мнѣ маль-

чишка былъ, только что изъ школы вышелъ. Что старшій — ротмистръ?

— О! ужъ давно.

— Что все возится съ своею цыганкой?

— Нѣтъ, бросилъ...—и т. д. въ этомъ родѣ.

Потомъ князь Гальцинъ сѣлъ къ фортепьяно и славно спѣлъ цыганскую пѣсенку. Праскухинъ, хотя никто не просилъ его, сталъ вторить, и такъ хорошо, что его ужъ просили вторить, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ.

Человѣкъ вошелъ съ чаемъ со сливками и крендельками на серебряномъ подносѣ.

— Подай князю,—сказалъ Калугинъ.

— А вѣдь странно подумать,—сказалъ Гальцинъ, взявъ стаканъ и отходя къ окну:—что мы здѣсь въ осажденномъ городѣ: *Фортоплясы*, чай съ сливками, квартира такая, что я, право, желалъ бы такую имѣть въ Петербургѣ.

— Да ужъ ежели бы еще этого не было,—сказалъ всѣмъ недовольный старый подполковникъ:—просто было бы невыносимо это постоянное ожиданіе чего-то... видѣть, какъ каждый день бьютъ, бьютъ—и все нѣтъ конца, ежели при этомъ бы жить въ грязи и не было бы удобствъ.

— А какъ же наши пѣхотные офицеры,—сказалъ Калугинъ,—которые живутъ на бастіонахъ съ солдатами, въ блиндажѣ и ѣдятъ солдатскій борщъ,—какъ имъ-то?

— Какъ имъ-то? Они хоть, правда, по десяти дней бѣлья не перемѣняютъ, а это герои, удивительные люди.

Въ это время въ комнату вошелъ пѣхотный офицеръ.

— Я... мнѣ приказано... я могу ли явиться къ ген... къ его превосходительству отъ генерала N?—спросилъ онъ застѣнчиво, кланяясь.

Калугинъ всталъ, но, не отвѣчая на поклонъ офицера, съ оскорбительною учтивостью и натянутою офиціальною улыбкой спросилъ офицера, не угодно ли *имъ* подождать, и, не попросивъ его сѣсть, не обращая на него больше вниманія, повер-

нулся къ Гальцину и заговорилъ по-французски, такъ что бѣдный офицеръ, оставшись посрединѣ комнаты, рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ своею персоной.

— По крайне нужному дѣлу-съ—сказалъ офицеръ послѣ минутнаго молчанія.

— А! такъ пожалуйте,—сказалъ Калугинъ, надѣвая шинель и провожая его къ двери.

— Eh bien, messieurs, je crois, que cela chauffera cette nuit,—сказалъ Калугинъ, выходя отъ генерала.

— А? что? вылазка?—стали спрашивать всѣ.

— Ужъ не знаю—сами увидите,—отвѣчалъ Калугинъ съ таинственною улыбкой.

— И мой командиръ на бастіонѣ—стало-быть и мнѣ надо итти,—сказалъ Праскухинъ, надѣвая саблю.

Но никто не отвѣчалъ ему: онъ самъ долженъ былъ знать, итти ли ему или нѣтъ.

Праскухинъ и Нефердовъ вышли, чтобъ отправиться къ своимъ мѣстамъ: „Прощайте, господа!“ „До свиданья, господа! Еще нынче ночью увидимся!“ прокричалъ Калугинъ изъ окошка, когда Праскухинъ и Нефердовъ, нагнувшись на луки казачьихъ сѣделъ, прорысили по дорогѣ. Топотъ казачьихъ лошадей скоро стихъ въ темной улицѣ.

— Non, dites moi, est-ce qu'il y aura véritablement quelque chose cette nuit,—сказалъ Гальцинъ, лежа съ Калугинымъ на окошкѣ и глядя на бомбы, которыя поднимались надъ бастіонами.

— Тебѣ я могу разсказать, видишь ли... вѣдь ты былъ на бастіонахъ? (Гальцинъ сдѣлалъ знакъ согласія, хотя онъ былъ только разъ на 4-мъ бастіонѣ). Такъ противъ нашего люнета была траншея,—и Калугинъ, какъ человѣкъ не спеціальный, хотя и считавшій свои военныя сужденія весьма вѣрными, началъ, немного запутанно и перевирая фортификаціонныя выраженія, разсказывать положеніе нашихъ и непріятельскихъ работъ и планъ предполагавшагося дѣла.

— Однако, начинаютъ попукивать около ложементовъ. Ого, это наша или *его*? вотъ лопнула,—говорили они, лежа на окнѣ, глядя на огненныя линіи бомбъ, скрещивающіяся въ воздухѣ, на молніи выстрѣловъ, на мгновеніе освѣщавшія темно-синее небо, и бѣлый дымъ пороха, и прислушиваясь къ звукамъ все усиливающейся и усиливающейся стрѣльбы.

— Quel charmant coup d'oeil! а?—сказалъ Калугинъ, обращая вниманіе своего гостя на это дѣйствительно красивое зрѣлище.—Знаешь, не различишь звѣзды отъ бомбъ иногда.

— Да, я сейчасъ думалъ, что это звѣзда; а она опустилась... вотъ лопнула. А эта большая звѣзда—какъ ее зовутъ? точно какъ бомба.

— Знаешь, я до того привыкъ къ этимъ бомбамъ, что, я увѣренъ, въ Россіи въ звѣздную ночь мнѣ будетъ казаться, что это все бомбы: такъ привыкнешь.

— Однако, не пойти ли мнѣ на эту вылазку?—сказалъ князь Гальцинъ послѣ минутнаго молчанія.

— Полно, братецъ! и не думай; да я тебя и не пущу,—отвѣчалъ Калугинъ.—Еще успѣешь, братецъ!

— Серьезно? Такъ думаешь, что не надо ходить? а?..

Въ это время, въ томъ направленіи, по которому смотрѣли эти господа, за артиллерійскимъ гуломъ послышалась ужасная трескотня ружей, и тысячи маленькихъ огней, безпрестанно вспыхивая, заблестѣли по всей линіи.

— Вотъ оно, когда пошло настоящее!—сказалъ Калугинъ.—Этого звука ружейнаго я слышать не могу хладнокровно: какъ-то, знаешь, за душу беретъ. Вонъ и *ура*!—прибавилъ онъ, прислушиваясь къ дальнему протяжному гулу сотенъ голосовъ: „а-а-аа“, доносившихся до него съ бастіона.

— Чье это *ура*? ихъ или наше?

— Не знаю; но это ужъ рукопашная пошла, потому что стрѣльба затихла.

— Въ это время подъ окномъ къ крыльцу подскакалъ офицеръ съ казакомъ и слѣзъ съ лошади.

— Откуда?

— Съ бастіона. Генерала нужно.

— Пойдемте. Ну, что?

— Атаковали ложементы... заняли... Французы подвели огромные резервы... атаковали нашихъ... было только два баталіона,— говорилъ, запыхавшись, тотъ же самый офицеръ, который приходилъ вечеромъ, съ трудомъ переводя духъ, но совершенно развязно направляясь къ двери.

— Что жъ, отступили?—спросилъ Гальцинъ.

— Нѣтъ,—сердито отвѣчалъ офицеръ: — подоспѣлъ баталіонъ—отбили; но полковой командиръ убитъ, офицеровъ много, приказано просить подкрѣпленія...

И съ этими словами онъ съ Калугинымъ прошелъ къ генералу, куда уже мы не послѣдуемъ за нимъ.

Черезъ пять минутъ Калугинъ уже сидѣлъ верхомъ на казачьей лошади (и опять тою особенною quasi-казацкою посадкой, въ которой, я замѣчалъ, всѣ адъютанты видятъ почему-то что-то особенно пріятное) рысцой ѣхалъ на бастіонъ съ тѣмъ, чтобы передать туда нѣкоторыя приказанія и дождаться извѣстій объ окончательномъ результатѣ дѣла; а князь Гальцинъ, подъ вліяніемъ того тяжелаго волненія, которое производятъ обыкновенно близкіе признаки дѣла на зрителя, не принимающаго въ немъ участія, вышелъ на улицу и безъ всякой цѣли сталъ взадъ и впередъ ходить по ней.

VI.

Солдаты несли на носилкахъ и вели подъ руки раненыхъ. На улицѣ было совершенно темно; только рѣдко кое-гдѣ свѣтились окна въ госпиталѣ или у засидѣвшихся офицеровъ. Съ бастіоновъ доносился тотъ же грохотъ орудій и ружейной перепалки, и тѣ же огни вспыхивали на черномъ небѣ. Изрѣдка слышались топотъ лошади проскакавшаго ординарца, стонъ раненаго, шаги и говоръ носильщиковъ или женскій говоръ испу-

ганныхъ жителей, вышедшихъ на крылечко посмотрѣть на канонаду.

Въ числѣ послѣднихъ былъ и знакомый намъ Никита, старая матроска, съ которою онъ помирился уже, и десятилѣтняя дочь ея. „Господи, Мати Пресвятая Богородица!“ говорила про себя, вздыхая, старуха, глядя на бомбы, которыя, какъ огненные мячики, безпрестанно перелетали съ одной стороны на другую:—страсти-то, страсти какія! И-и-хи-хи! Такого и въ первую бандировку не было. Вишь гдѣ лопнула, проклятая, прямо надъ нашимъ домомъ въ слободкѣ“.

— Нѣтъ, это дальше, къ тетенкѣ Аринкѣ въ садъ все попадаютъ,—сказала дѣвочка.

— И гдѣ-то, гдѣ-то баринъ мой таперича?—сказалъ Никита нараспѣвъ и еще пьяный немного.—Ужъ какъ я люблю эвтаго барина своего, такъ самъ не знаю,—такъ люблю, что если, избави Богъ, да убьютъ его грѣшнымъ дѣломъ, такъ, вѣрите ли, тетенька, я послѣ эвтаго самъ не знаю, что могу надъ собою произвести,—ей Богу. Ужъ такой баринъ, что одно слово! Развѣ съ эвтими смѣнить, что тутъ въ карты играютъ? это что—тьфу! одно слово!—заключилъ Никита, указывая на свѣтящееся окно комнаты барина, въ которой, во время отсутствія штабсъ-капитана, юнкеръ Жвадчевскій позвалъ къ себѣ на кутежъ, по случаю полученія креста, гостей: подпоручика Угровича и подпоручика Непшисецкаго, который былъ нездоровъ флюсомъ...

— Звѣздочки-то, звѣздочки такъ и катятся!—глядя на небо, прервала дѣвочка молчаніе, послѣдовавшее за словами Никиты: — вонъ, вонъ еще скатилась. Къ чему это такъ? а маынька?

— Совсѣмъ разобьютъ домишко нашъ,—сказала старуха, вздыхая и не отвѣчая на вопросъ дѣвочки.

— А какъ мы нынче съ дяинькой ходили туда, маынька,—продолжала пѣвучимъ голосомъ разговорившаяся дѣвочка:—такъ большу-ущая такая ядро въ самой комнаткѣ подлѣ шкапа ле-

житъ; она сѣнцы, видно, пробила да въ горницу и влетѣла... такая большущая, что не поднимешь.

— У кого были мужья да деньги, такъ повыѣхали,—говорила старуха:—а тутъ послѣдній домишко и тотъ разбили. Вишь какъ, вишь какъ палитъ, злодѣй. Господи, Господи!

— А какъ намъ только выходить, какъ одна бомба прилети-итъ, какъ лопни-итъ, какъ засыпли-итъ землею, такъ даже чуть-чуть насъ съ дяинькой однимъ оскреткомъ не задѣло.

VII.

Все больше и больше раненыхъ на носилкахъ и пѣшкомъ, поддерживаемыхъ одни другими и громко разговаривающихъ между собой, встрѣчалось князю Гальцину.

— Какъ они подскачили, братцы мои,—говорилъ басомъ одинъ высокій солдатъ, несшій два ружья за плечами:—какъ подскачили, какъ крикнутъ: „Алла, Алла“ *), такъ другъ на друга и лѣзутъ. Однихъ бьешь, а другіе лѣзутъ — ничего не сдѣлаешь. Видимо-невидимо...

Но въ этомъ мѣстѣ разсказа Гальцинъ остановилъ его.

— Ты изъ бастіона?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Ну, что тамъ было? Разскажи.

— Да что было? Подступила ихъ ваше благородіе, *сила*, лѣзутъ на валъ, да и шабашъ. Одолѣли совсѣмъ, ваше благородіе!

— Какъ одолѣли? Да вѣдь вы отбили же?

— Гдѣ тутъ отбить, когда *его* вся *сила* подошла: перебилъ всѣхъ нашихъ, а сикурсу не подаютъ.

Солдатъ ошибался, потому что траншея была за нами; но это странность, которую всякій можетъ замѣтить: солдатъ, ра-

---

*) Наши солдаты, воюя съ турками, такъ привыкли къ этому крику враговъ, что теперь разсказываютъ, что французы тоже кричатъ „Алла!“

неный въ дѣлѣ, всегда считаетъ его проиграннымъ и ужасно кровопролитнымъ.

— Какъ же мнѣ говорили, что отбили?—съ досадой сказалъ Гальцинъ:—можетъ-быть, послѣ тебя отбили? Ты давно оттуда?

— Сейчасъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ солдатъ:—врядъ ли; должно за нимъ траншея осталась... совсѣмъ одолѣлъ.

— Ну, какъ вамъ не стыдно—отдали траншею. Это ужасно!—сказалъ Гальцинъ, огорченный этимъ равнодушіемъ.

— Что жъ, когда *сила*!—проворчалъ солдатъ.

— И, ваши благородіе,—заговорилъ въ это время солдатъ съ носилокъ, поровнявшихся съ ними:—какъ же не отдать, когда перебилъ всѣхъ почитай? Когда бы наша сила была, ни въ жисть бы не отдали. А то что сдѣлаешь? Я одного закололъ, а тутъ меня какъ ударитъ... О-охъ, легче, братцы, ровнѣе, братцы, ровнѣе иди... о-о-о!—застоналъ раненый.

— А въ самомъ дѣлѣ, кажется, много лишняго народа идетъ,—сказалъ Гальцинъ, останавливая опять того же высокаго солдата съ двумя ружьями.—Ты зачѣмъ идешь? Эй, ты, остановись!

Солдатъ остановился и лѣвой рукой снялъ шапку.

— Куда ты идешь и зачѣмъ? — закричалъ онъ на него строго.—Него...

Но въ это время совсѣмъ вплоть подойдя къ солдату, онъ замѣтилъ, что правая рука его была за обшлагомъ и въ крови выше локтя.

— Раненъ, ваше благородіе!

— Чѣмъ раненъ?

— Сюда-то, должно пулей,—сказалъ солдатъ, указывая на руку:—а ужъ здѣсь не могу знать, чѣмъ голову-то прошибло, и, нагнувъ ее, показалъ окровавленные и слипшіеся волоса на затылкѣ.

— А ружье другое чье?

— Стуцеръ французскій, ваше благородіе! отнялъ. Да я бы не пошелъ, кабы не эвтаго солдатика проводить; а то упадетъ

неравно,—прибавилъ онъ, указывая на солдата, который шелъ немного впереди, опираясь на ружье и съ трудомъ таща и передвигая лѣвую ногу.

Князю Гальцину вдругъ ужасно стыдно стало за свои несправедливыя подозрѣнія. Онъ почувствовалъ, что краснѣетъ, отвернулся и, уже больше не разспрашивая раненыхъ и не наблюдая за ними, пошелъ на перевязочный пунктъ.

Съ трудомъ пробившись на крыльцѣ между пѣшкомъ шедшими ранеными и носильщиками, входившими съ ранеными и выходившими съ мертвыми, Гальцинъ вошелъ въ первую комнату, взглянулъ и тотчасъ же невольно повернулся назадъ и выбѣжалъ на улицу: это было слишкомъ ужасно!

VIII.

Большая высокая темная зала, освѣщенная только четырьмя или пятью свѣчами, съ которыми доктора подходили осматривать раненыхъ, была буквально полна. Носильщики безпрестанно вносили раненыхъ, складывали ихъ одинъ подлѣ другого на полъ, на которомъ уже было такъ тѣсно, что несчастные толкались и мокли въ крови другъ друга, и шли за новыми. Лужи крови, видныя на мѣстахъ не занятыхъ, горячечное дыханіе нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ и испареніе рабочихъ съ носилками производили какой-то особенный тяжелый, густой, вонючій смрадъ, въ которомъ пасмурно горѣли свѣчи на различныхъ концахъ залы. Говоръ разнообразныхъ стоновъ, вздоховъ, хрипѣній, прерываемый иногда пронзительнымъ крикомъ, носился по всей комнатѣ. *Сестры*, со спокойными лицами и съ выраженіемъ не того пустого женскаго болѣзненно-слезнаго состраданія, а дѣятельнаго практическаго участія, то тамъ, то сямъ, шагая чрезъ раненыхъ, съ лѣкарствомъ, съ водой, бинтами, корпіей, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами. Доктора, съ засученными рукавами, стоя на колѣняхъ предъ ранеными, около которыхъ фельдшера держали свѣчи, осматри-

вали, ощупывали и зондировали раны, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцевъ. Одинъ изъ докторовъ сидѣлъ около двери за столикомъ и, въ ту минуту, какъ въ комнату вошелъ Гальцинъ, записывалъ уже 532.

— Иванъ Богаевъ, рядовой 3-й роты С. полка, fractura femuris complicata!—кричалъ другой изъ конца залы, ощупывая разбитую ногу.—Переверни-ка его.

— О-ой, отцы мои, вы наши отцы!—кричалъ солдатъ, умоляя, чтобъ его не трогали.

— Perforatio capitis.

— Семенъ Нефердовъ, подполковникъ N. пѣхотнаго полка. Вы немного потерпите, полковникъ; а то этакъ нельзя: я брошу,—говорилъ третій, ковыряя какимъ-то крючкомъ въ головѣ несчастнаго подполковника.

— Ай, не надо! Ой, ради Бога, скорѣй, скорѣй, ради а-а-а-а-а!

— Perforatio pectoris... Севастьянъ Середа, рядовой... какого полка? впрочемъ, не пишите: moritur. Несите его,—сказалъ докторъ, отходя отъ солдата, который, закативъ глаза, хрипѣлъ уже.

Человѣкъ сорокъ солдатъ-носильщиковъ, дожидаясь ноши перевязанныхъ въ госпиталь и мертвыхъ въ часовню, стояли у дверей и, молча, изрѣдка тяжело вздыхая, смотрѣли на эту картину...

IX.

По дорогѣ къ бастіону Калугинъ встрѣтилъ много раненыхъ; но, по опыту зная, какъ въ дѣлѣ дурно дѣйствуетъ на духъ человѣка это зрѣлище, онъ не только не останавливался разспрашивать ихъ, но, напротивъ, старался не обращать на нихъ никакого вниманія. Подъ горой ему попался ординарецъ, который маршъ-маршъ скакалъ съ бастіона.

— Зобкинъ! Зобкинъ! постойте на минутку.

— Ну, что?

— Вы откуда?

— Изъ ложементовъ.

— Ну, какъ тамъ? жарко?

— Ахъ, ужасно!

И ординарецъ поскакалъ дальше.

Дѣйствительно, хотя ружейной стрѣльбы было мало, канонада завязалась съ новымъ жаромъ и ожесточеніемъ.

„Ахъ, скверно!“ подумалъ Калугинъ, испытывая какое-то непріятное чувство, и ему тоже пришло предчувствіе, то-есть мысль очень обыкновенная,—мысль о смерти. Но Калугинъ былъ самолюбивъ и одаренъ деревянными нервами, то, что называютъ храбръ, однимъ словомъ. Онъ не поддался первому чувству и сталъ ободрять себя, вспомнилъ про одного адъютанта, кажется Наполеона, который, передавъ приказанія, маршъ-маршъ съ окрававленною головой подскакалъ къ Наполеону.

„Vous êtes blessé“? сказалъ ему Наполеонъ.—„Je vous demande pardon, sire, je suis mort“, и адъютантъ упалъ съ лошади и умеръ на мѣстѣ.

Ему показалось это очень хорошо, и онъ вообразилъ себя даже немножко этимъ адъютантомъ, потомъ ударилъ лошадь плетью, и принялъ еще болѣе лихую *казацкую посадку*, оглянулся на казака, который, стоя на стременахъ, рысилъ за нимъ, и совершеннымъ молодцомъ пріѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ надо было слѣзать съ лошади. Здѣсь онъ нашелъ четырехъ солдатъ, которые, усѣвшись на камешки, курили трубки.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—крикнулъ онъ на нихъ.

— Раненаго отводили, ваше благородіе, да отдохнуть присѣли,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, пряча за спину трубку, и снимая шапку.

— То-то отдохнуть!—маршъ къ своимъ мѣстамъ.

И онъ вмѣстѣ съ ними пошелъ по траншеѣ въ гору, на каждомъ шагу встрѣчая раненыхъ. Поднявшись въ гору, онъ повернулъ налѣво и, пройдя по ней нѣсколько шаговъ, очутился совершенно одинъ. Близехонько отъ него прожужжалъ осколокъ

и ударился въ траншею. Другая бомба поднялась предъ нимъ и, казалось, летѣла прямо на него. Ему вдругъ сдѣлалось страшно: онъ рысью пробѣжалъ шаговъ пять и прилегъ на землю. Когда же бомба лопнула, и далеко отъ него, ему стало ужасно досадно на себя, и онъ всталъ, оглядываясь, не видалъ ли кто-нибудь его паденія; но никого не было.

Ужъ разъ проникнувъ въ душу, страхъ не скоро уступаетъ мѣсто другому чувству. Онъ, который всегда хвастался, что никогда не нагибается, ускоренными шагами и чуть-чуть не ползкомъ пошелъ по траншеѣ. „Ахъ! не хорошо!“—подумалъ онъ, споткнувшись, — непремѣнно убьютъ“, и, чувствуя, какъ трудно дышалось ему и какъ потъ выступалъ по всему тѣлу, онъ удивлялся самому себѣ, но уже не пытался преодолѣвать своего чувства.

Вдругъ чьи-то шаги послышались впереди его. Онъ быстро разогнулся, поднялъ голову и, бодро побрякивая саблей, пошелъ уже не такими скорыми шагами, какъ прежде. Онъ не узнавалъ себя. Когда онъ сошелся со встрѣтившимся ему сапернымъ офицеромъ и матросомъ, и первый крикнулъ ему: „ложитесь!“ указывая на свѣтлую точку бомбы, которая, свѣтлѣе и свѣтлѣе, быстрѣе и быстрѣе приближаясь, шлепнулась около траншеи, онъ только немного и невольно, подъ вліяніемъ испуганнаго крика, нагнулъ голову и пошелъ дальше.

— Вишь какой бравый!—сказалъ матросъ, который преспокойно смотрѣлъ на падавшую бомбу и опытнымъ глазомъ сразу разсчелъ, что осколки ея не могутъ задѣть въ траншеѣ:—и ложиться не хочетъ.

Уже нѣсколько шаговъ только оставалось Калугину перейти черезъ площадку до блиндажа командира бастіона, какъ опять на него нашли затменіе и этотъ глупый страхъ; сердце забилось сильнѣе, кровь хлынула въ голову, и ему нужно было усиліе надъ собою, чтобы пробѣжать до блиндажа.

— Что вы такъ запыхались?—сказалъ генералъ, когда онъ ему передалъ приказанія.

— Шелъ скоро очень, ваше превосходительство!

— Не хотите ли вина стаканъ?

Калугинъ выпилъ стаканъ вина и закурилъ папиросу. Дѣло уже прекратилось; только сильная канонада продолжалась съ обѣихъ сторонъ. Въ блиндажѣ сидѣли генералъ N, командиръ бастіона и еще человѣкъ шесть офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Праскухинъ, и говорили про разныя подробности дѣла. Сидя въ этой уютной комнатѣ, обитой голубыми обоями, съ диваномъ, кроватью, столомъ, на которомъ лежали бумаги, стѣнными часами и образомъ, предъ которымъ горѣла лампада, глядя на эти признаки жилья и на толстыя аршинныя балки, составлявшія потолокъ, и слушая выстрѣлы, казавшіеся слабыми въ блиндажѣ, Калугинъ рѣшительно понять не могъ, какъ онъ два раза позволилъ себя одолѣть такой непростительной слабости. Онъ сердился на себя, и ему хотѣлось опасности, чтобы снова испытать себя.

— А вотъ я радъ, что и вы здѣсь, капитанъ,—сказалъ онъ морскому офицеру въ штабъ-офицерской шинели, съ большими усами и Георгіемъ, который вошелъ въ это время въ блиндажъ и просилъ генерала дать ему рабочихъ, чтобъ исправить на его батареѣ двѣ амбразуры, которыя были засыпаны.—Мнѣ генералъ приказалъ узнать,—продолжалъ Калугинъ, когда командиръ батареи пересталъ говорить съ генераломъ: — могутъ ли ваши орудія стрѣлять по траншеѣ картечью?

— Одно только орудіе можетъ,—угрюмо отвѣчалъ капитанъ.

— Все-таки пойдемте, посмотримъ.

Капитанъ нахмурился и сердито крякнулъ.

— Ужъ я всю ночь тамъ простоялъ, пришелъ хоть отдохнуть немного,—сказалъ онъ:—нельзя ли вамъ однимъ сходить? Тамъ мой помощникъ, лейтенантъ Карцъ, вамъ все покажетъ.

Капитанъ уже шесть мѣсяцевъ командовалъ этою одною изъ самыхъ опасныхъ батарей,—и даже, когда не было блиндажей, не выходя, съ начала осады, жилъ на бастіонѣ и между моряками имѣлъ репутацію храбрости. Поэтому-то отказъ его осо-

бенно поразилъ и удивилъ Калугина. „Вотъ репутаціи!“ подумалъ онъ.

— Ну, такъ я пойду одинъ, если вы позволите,—сказалъ онъ нѣсколько насмѣшливымъ тономъ капитану, который, однако, не обратилъ на его слова никакого вниманія.

Но Калугинъ не собразилъ того, что онъ въ разныя времена всего-на всего провелъ часовъ пятьдесятъ на бастіонахъ, тогда какъ капитанъ жилъ тамъ шесть мѣсяцевъ. Калугина еще возбуждали тщеславіе, желаніе блеснуть, надежда на награды, на репутацію и прелесть риска; капитанъ же ужъ прошелъ черезъ все это: сначала тщеславился, храбрился, рисковалъ, надѣялся на награды и репутацію и даже пріобрѣлъ ихъ, но теперь уже всѣ эти побудительныя средства потеряли для него силу, и онъ смотрѣлъ на дѣло иначе: исполнялъ въ точности свою обязанность; но, хорошо понимая, какъ мало ему оставалось случайностей жизни, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія на бастіонѣ, уже не рисковалъ этими случайностями безъ строгой необходимости, такъ что молодой лейтенантъ, съ недѣлю тому назадъ поступившій на батарею и показавшій теперь ее Калугину, съ которымъ они безполезно другъ предъ другомъ высовывались въ амбразуры и вылѣзали на банкеты, казался въ десять разъ храбрѣе капитана.

Осмотрѣвъ батарею и направляясь назадъ къ блиндажу, Калугинъ наткнулся въ темнотѣ на генерала, который со своими ординарцами шелъ на вышку.

— Ротмистръ Праскухинъ!—сказалъ генералъ:—сходите, пожалуйста, въ правый ложементъ и скажите второму баталіону М* полка, который тамъ на работѣ, чтобъ онъ оставилъ работу, не шумя вышелъ оттуда и присоединился къ своему полку, который стоитъ подъ горой въ резервѣ... Понимаете? сами отведите къ полку.

— Слушаю-съ.

И Праскухинъ рысью побѣжалъ къ ложементу.

Стрѣльба становилась рѣже.

X.

— Это второй баталіонъ М* полка?—спросилъ Праскухинъ, прибѣжавъ къ мѣсту и наткнувшись на солдатъ, которые въ мѣшкахъ носили землю.

— Такъ точно-съ.

— Гдѣ командиръ?

Михайловъ, полагая, что спрашиваютъ ротнаго командира, вылѣзъ изъ своей ямки и, принимая Праскухина за начальника, держа руку у казырька, подошелъ къ нему.

— Генералъ приказалъ... вамъ... извольте итти... поскорѣе... и, главное, потише... назадъ... не назадъ, а къ резерву,—говорилъ Праскухинъ, искоса поглядывая по направленію огней непріятеля.

Узнавъ Праскухина, опустивъ руку и разобравъ, въ чемъ дѣло, Михайловъ передалъ приказаніе, и баталіонъ зашевелился, забралъ ружья, надѣлъ шинели и двинулся.

Кто не испыталъ, тотъ не можетъ вообразить себѣ того наслажденія, которое ощущаетъ человѣкъ, уходя, послѣ трехъ часовъ бомбардированія, изъ такого опаснаго мѣста, какъ ложементы. Михайловъ въ эти три часа, уже нѣсколько разъ, не безъ основанія, считавшій свой *конецъ* неизбѣжнымъ, успѣлъ свыкнуться съ убѣжденіемъ, что его непремѣнно убьютъ, и что онъ уже не принадлежитъ этому міру. Несмотря на то, однако ему большого труда стоило удержать свои ноги, чтобъ они не бѣжали, когда онъ предъ ротой, рядомъ съ Праскухинымъ, вышелъ изъ ложементовъ.

— До свиданія,—сказалъ ему майоръ, командиръ другого баталіона, который оставался въ ложементахъ и съ которымъ они вмѣстѣ закусывали сыромъ, сидя въ ямочкѣ около бруствера,—счастливаго пути!

— И вамъ желаю счастливо отстоять. Теперь, кажется, затихло.

Но только что онъ успѣлъ сказать это, какъ непріятель,

должно-быть замѣтивъ движеніе въ ложементахъ, сталъ палить чаще и чаще. Наши стали отвѣчать ему, и опять поднялась сильная канонада. Звѣзды высоко, но не ярко блестѣли на небѣ. Ночь была темна хоть глазъ выколи; только огни выстрѣловъ и разрыва бомбъ мгновенно освѣщали предметы. Солдаты шли скоро и молча и невольно перегоняя другъ друга; только слышны были за безпрестанными раскатами выстрѣловъ мѣрный звукъ ихъ шаговъ по сухой дорогѣ, звуки столкнувшихся штыковъ или вздохъ и молитва какого-нибудь солдатика:—„Господи, Господи! что это такое!“ Иногда слышался стонъ раненаго и крики: „носилки!“ (Въ ротѣ, которою командовалъ Михайловъ, отъ одного артиллерійскаго огня выбыло въ ночь 26 человѣкъ). Вспыхивала молнія на мрачномъ далекомъ горизонтѣ, часовой съ бастіона кричалъ: „пу-шка!“, и ядро, жужжа надъ ротой, взрывало землю и выбрасывало камни.

„Чортъ возьми! какъ они тихо идутъ,—думалъ Праскухинъ, безпрестанно оглядываясь назадъ, шагая подлѣ Михайлова;—право, лучше побѣгу впередъ: вѣдь я передалъ приказаніе... Впрочемъ, нѣтъ: вѣдь могутъ разсказывать потомъ, что я трусъ. Что будетъ, то будетъ: пойду рядомъ“.

„И зачѣмъ онъ идетъ за мной,—думалъ, съ своей стороны, Михайловъ,—сколько я ни замѣчалъ, онъ всегда приноситъ несчастіе. Вотъ она летитъ, прямо сюда, кажется“.

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, они столкнулись съ Калугинымъ, который, бодро побрякивая саблей, шелъ къ ложементамъ, съ тѣмъ, чтобы по приказанію генерала узнать, какъ подвинулись тамъ работы. Но, встрѣтивъ Михайлова, онъ подумалъ, что чѣмъ ему самому подъ этимъ страшнымъ огнемъ итти туда, чего и не было ему приказано, онъ можетъ разспросить все подробно у офицера, который былъ тамъ. И, дѣйствительно, Михайловъ подробно разсказалъ про работы. Пройдя еще немного съ нимъ, Калугинъ повернулъ въ траншею, ведущую къ блиндажу.

— Ну, что новенькаго?—спросилъ офицеръ, который, ужиная, одинъ сидѣлъ въ комнатѣ.

— Да ничего; кажется, что ужъ больше дѣла не будетъ.

— Какъ не будетъ? напротивъ, генералъ сейчасъ опять пошелъ на вышку. Еще полкъ пришелъ. Да вотъ она... слышите? опять пошла ружейная. Вы не ходите. Зачѣмъ вамъ?—прибавилъ офицеръ, замѣтивъ движеніе, которое сдѣлалъ Калугинъ.

„А мнѣ по настоящему непремѣнно надо тамъ быть,—подумалъ Калугинъ,—но ужъ я и такъ нынче много подвергалъ себя опасности: стрѣльба ужасная".

— И въ самомъ дѣлѣ, я ихъ лучше здѣсь подожду,—сказалъ онъ.

Дѣйствительно, минутъ черезъ двадцать генералъ вернулся вмѣстѣ съ офицерами, которые были при немъ; въ числѣ ихъ былъ и юнкеръ баронъ Пестъ, но Праскухина не было. Ложементы были отбиты и заняты нами.

Получивъ подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ, Калугинъ вмѣстѣ съ Пестомъ вышелъ изъ блиндажа.

XI.

— У васъ шинель въ крови: неужели вы дрались въ рукопашномъ?—спросилъ его Калугинъ.

— Ахъ, ужасно! можете себѣ представить...

И Пестъ сталъ разсказывать, какъ велъ свою роту, какъ ротный командиръ убитъ, какъ онъ закололъ француза и какъ, если бы не онъ, дѣло было бы проиграно.

Основанія этого разсказа, что ротный командиръ былъ убитъ и что Пестъ убилъ француза, были справедливы; но, передавая подробности, юнкеръ выдумывалъ и хвасталъ.

Хвасталъ онъ невольно, потому что во время всего дѣла находился въ какомъ-то туманѣ и забытьѣ до такой степени, что все, что случилось, казалось ему случившимся гдѣ-то, когда-то и съ кѣмъ-то. Очень естественно, онъ старался воспроизвести эти подробности съ выгодной для себя стороны. Но вотъ какъ это было дѣйствительно:

Баталіонъ, къ которому прикомандированъ былъ юнкеръ для вылазки, часа два подъ огнемъ стоялъ около какой-то стѣнки; потомъ баталіонный командиръ впереди сказалъ что-то,—ротные командиры зашевелились, баталіонъ тронулся, вышелъ изъ-за бруствера и, пройдя шаговъ сто, остановился, построясь въ ротныя колонны. Песту сказали, чтобъ онъ сталъ на правомъ флангѣ второй роты.

Рѣшительно не отдавая себѣ отчета, гдѣ и зачѣмъ онъ былъ, юнкеръ сталъ на мѣсто и, съ невольно сдержаннымъ дыханіемъ и холодною дрожью, пробѣгавшей по спинѣ, безсознательно смотрѣлъ впередъ въ темную даль, ожидая чего-то страшнаго. Ему, впрочемъ, не столько страшно было, потому что стрѣльбы не было, сколько дико, странно было подумать, что онъ находился внѣ крѣпости, въ полѣ. Опять баталіонный командиръ впереди сказалъ что-то. Опять шопотомъ заговорили офицеры, передавая приказанія, и черная стѣна первой роты вдругъ опустилась. Приказано было лечь. Вторая рота легла также, и Пестъ, ложась, накололъ руку на какую-то колючку. Не легъ только одинъ командиръ второй роты. Его невысокая фигура, съ вытянутою шпагой, которою онъ размахивалъ не переставая говорить, двигалась передъ ротой.

— Ребята! смотри, молодцами у меня! Съ ружей не палить, а штыками ихъ, каналій! Когда я крикну: „ура“, за мной и не отставать... дружнѣй, главное дѣло... покажемъ себя, не ударимъ лицомъ въ грязь, а, ребята? За царя-батюшку!

— Какъ фамилія нашего ротнаго командира? — спросилъ Пестъ у юнкера, который лежалъ рядомъ съ нимъ:—какой онъ храбрый!

— Да, какъ въ дѣло, всегда...—отвѣчалъ юнкеръ.—Лисинковскій его фамилія.

Въ это время передъ самою ротой мгновенно вспыхнуло пламя, раздался трескъ, оглушившій всю роту, высоко въ воздухѣ зашуршали камни и осколки (по крайней мѣрѣ, секундъ черезъ пятьдесятъ одинъ камень упалъ сверху и отбилъ ногу солдату).

Это была бомба съ элевацiоннаго станка, и то, что она попала въ роту, доказывало, что французы замѣтили колонну.

— Бомбами пускать!.. Дай только добраться, тогда попробуешь штыка трехграннаго русскаго, проклятый!—заговорилъ ротный командиръ такъ громко, что баталiонный командиръ долженъ былъ приказать ему молчать и не шумѣть такъ много.

Вслѣдъ за этимъ первая рота встала, за ней вторая. Приказано было взять ружья наперевѣсъ, и баталiонъ пошелъ впередъ.—Пестъ былъ въ такомъ страхѣ, что рѣшительно не помнилъ, долго ли, куда и кто что. Онъ шелъ, какъ пьяный. Но вдругъ со всѣхъ сторонъ заблестѣлъ милliонъ огней, засвистѣло, затрещало что-то. Онъ закричалъ и побѣжалъ куда-то, потому что всѣ бѣжали и всѣ кричали. Потомъ онъ споткнулся и упалъ на что-то. Это былъ ротный командиръ (который былъ раненъ впереди роты и, принимая юнкера за француза, схватилъ его за ногу). Потомъ, когда онъ вырвалъ ногу и приподнялся, на него въ темнотѣ спиной наскочилъ какой-то человѣкъ и чуть опять не сбилъ съ ногъ; другой человѣкъ кричалъ: „коли его! что смотришь!“ Кто-то взялъ ружье и воткнулъ штыкъ во что-то мягкое. „Ah, Dieu!“ закричалъ кто-то страшнымъ, пронзительнымъ голосомъ, и тутъ только Пестъ понялъ, что онъ закололъ француза. Холодный потъ выступилъ у него по всему тѣлу, онъ затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и бросилъ ружье. Но это продолжалось только одно мгновенiе: ему тотчасъ же пришло въ голову, что онъ герой. Онъ схватилъ ружье, и, вмѣстѣ съ толпой крича „ура!“, побѣжалъ прочь отъ убитаго француза. Пробѣжавъ шаговъ двадцать, онъ прибѣжалъ въ траншею. Тамъ были наши и баталiонный командиръ.

— А я закололъ одного!—сказалъ онъ баталiонному командиру

— Молодцомъ, баронъ!

XII.

— А, знаете, Праскухинъ убитъ,—сказалъ Пестъ, провожая Калугина, который шелъ къ нему.

— Не можетъ быть!

— Какъ же: я самъ его видѣлъ.

— Прощайте, однако: мнѣ надо скорѣе.

„Я очень доволенъ, — думалъ Калугинъ, возвращаясь къ дому,—въ первый разъ на мое дежурство счастіе. Отличное дѣло: я и живъ, и цѣлъ, представленія будутъ отличныя и ужъ непремѣнно золотая сабля. Да, впрочемъ, я и стою ея".

Доложивъ генералу все, что нужно было, онъ пришелъ въ свою комнату, въ которой, ужъ давно вернувшись и дожидаясь его, сидѣлъ князь Гальцинъ, читая книгу, которую нашелъ на столѣ Калугина.

Съ удивительнымъ наслажденіемъ Калугинъ почувствовалъ себя дома, внѣ опасности, и, надѣвъ ночную рубашку, уже лежа въ постели, разсказалъ Гальцину подробности дѣла, передавая ихъ, весьма естественно, съ той точки зрѣнія, съ которой подробности эти доказывали, что онъ, Калугинъ, весьма дѣльный и храбрый офицеръ, на что, мнѣ кажется, излишне было бы намекать, потому что это всѣ знали и не имѣли никакого права и повода сомнѣваться, исключая, можетъ-быть, покойнаго ротмистра Праскухина, который, несмотря на то, что, бывало, считалъ за счастіе ходить подъ руку съ Калугинымъ, вчера только по секрету разсказывалъ одному пріятелю, что Калугинъ очень хорошій человѣкъ, но, между нами будь сказано, ужасно не любитъ ходить на бастіоны.

Только что Праскухинъ, идя рядомъ съ Михайловымъ, разошелся съ Калугинымъ и, подходя къ менѣе опасному мѣсту, начиналъ уже оживать немного, какъ онъ увидѣлъ молнію, ярко блеснувшую сзади себя, услыхалъ крикъ часоваго: „маркела!" и слова одного изъ солдатъ, шедшихъ сзади: „какъ разъ на бастіонъ прилетитъ!"

Михайловъ оглянулся. Свѣтлая точка бомбы, казалось, остановилась на своемъ зенитѣ въ томъ положеніи, когда рѣшительно нельзя опредѣлить ея направленіе. Но это продолжалось только мгновеніе: бомба быстрѣе и быстрѣе, ближе и ближе, такъ что

уже видны были искры трубки и слышно роковое посвистываніе, опускалась прямо въ средину баталіона.

— Ложись,—крикнулъ чей-то голосъ.

Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ. Праскухинъ, зажмурясь, слышалъ только, какъ бомба гдѣ-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часомъ—бомбу не рвало. Праскухинъ испугался: не напрасно ли онъ струсилъ? можетъ-быть, бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипитъ тутъ же. Онъ открылъ глаза и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Михайловъ, около самыхъ ногъ его, недвижимо лежалъ на землѣ. Но тутъ же глаза его на мгновеніе встрѣтились съ свѣтящеюся трубкой въ аршинъ отъ него крутившейся бомбы.

Ужасъ, — холодный, исключающій всѣ другія мысли и чувства, — ужасъ объялъ все существо его. Онъ закрылъ лицо руками.

Прошла еще секунда,—секунда, въ которую цѣлый міръ чувствъ, мыслей, надеждъ, воспоминаній промелькнулъ въ его воображеніи.

„Кого убьетъ—меня или Михайлова? или обоихъ вмѣстѣ? А коли меня, то куда? въ голову, такъ все кончено; а если въ ногу, то отрѣжутъ, и я попрошу, чтобы непремѣнно съ хлороформомъ,—и я могу еще живъ остаться. А можетъ-быть, одного Михайлова убьетъ: тогда я буду разсказывать, какъ мы рядомъ шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нѣтъ, ко мнѣ ближе... меня!“

Тутъ онъ вспомнилъ про двѣнадцать рублей, которые онъ былъ долженъ Михайлову; вспомнилъ еще про одинъ долгъ въ Петербургѣ, который давно надо было заплатить; цыганскій мотивъ, который онъ пѣлъ вечеромъ, пришелъ ему въ голову. Женщина, которую онъ любилъ, явилась ему въ воображеніи въ чепцѣ съ лиловыми лентами; человѣкъ, которымъ онъ былъ оскорбленъ пять лѣтъ тому назадъ и которому не отплатилъ за оскорбленіе, вспомнился ему, хотя вмѣстѣ нераздѣльно съ этимъ

и тысячами другихъ воспоминаній, чувство настоящаго—ожиданіе смерти—ни на мгновеніе не покидало его. „Впрочемъ, можетъ-быть, не лопнетъ“,—подумалъ онъ и съ отчаянною рѣшимостью хотѣлъ открыть глаза. Но въ это мгновеніе, еще сквозь закрытыя вѣки, глаза его поразилъ красный огонь; съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ средину груди; онъ побѣжалъ куда-то, споткнулся на подвернувшуюся подъ ноги саблю и упалъ на бокъ.

„Слава Богу! я только контуженъ“, было его первою мыслью, и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди; но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Въ глазахъ его мелькали солдаты, и онъ безсознательно считалъ ихъ: „одинъ, два, три солдата; а вотъ, въ подвернутой шинели, офицеръ“, думалъ онъ. Потомъ молнія блеснула въ его глазахъ, и онъ думалъ, изъ чего это выстрѣлили: изъ мортиры или изъ пушки? Должно-быть, изъ пушки. А вотъ еще выстрѣлили; а вотъ еще солдаты: пять, шесть, семь солдатъ, идутъ все мимо. Ему вдругъ стало страшно, что они раздавятъ его. Онъ хотѣлъ крикнуть, что онъ контуженъ; но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ небу, и ужасная жажда мучила его. Онъ чувствовалъ, какъ мокро было у него около груди: это ощущеніе мокроты напоминало ему о водѣ, и ему хотѣлось бы даже выпить то, чѣмъ это было мокро. „Вѣрно, я въ кровь разбился, какъ упалъ“, подумалъ онъ, и все болѣе и болѣе начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавятъ его, онъ собралъ всѣ силы и хотѣлъ закричать: „возьмите меня!“ Но вмѣсто этого застоналъ такъ ужасно, что ему страшно стало слушать себя. Потомъ какіе-то красные огни запрыгали у него въ глазахъ,—а ему показалось, что солдаты кладутъ на него камни; огни все прыгали рѣже и рѣже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не чувствовалъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ осколкомъ въ середину груди.

XIII.

Михайловъ, увидавъ бомбу, упалъ на землю и такъ же, какъ Праскухинъ, необъятно много передумалъ и перечувствовалъ въ эти двѣ секунды, во время которыхъ бомба лежала неразорванною. Онъ мысленно молился Богу и все твердилъ: „да будетъ воля Твоя! И зачѣмъ я пошелъ въ военную службу,—вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ онъ,—и еще перешелъ въ пѣхоту, чтобъ участвовать въ кампаніи. Не лучше ли было мнѣ оставаться въ уланскомъ полку въ городѣ Т., проводить время съ моимъ другомъ Наташей? А теперь вотъ что“. И онъ началъ считать: разъ, два, три, четыре, загадывая, что если разорветъ въ четъ, то онъ будетъ живъ, а въ нечетъ, то будетъ убитъ. „Все кончено: убитъ“, подумалъ онъ, когда бомбу разорвало (онъ не помнилъ, въ четъ или нечетъ), и онъ почувствовалъ ударъ и жестокую боль въ головѣ. „Господи! прости мои согрѣшенія“, проговорилъ онъ, всплеснувъ руками, приподнялся и безъ чувствъ упалъ навзничь.

Первое ощущеніе, когда онъ очнулся, была кровь, которая текла по носу, и боль въ головѣ, становившаяся гораздо слабѣе. „Это душа отходитъ,—подумалъ онъ,—что будетъ *тамъ?* Господи! пріими духъ мой съ миромъ. Только одно странно,—разсуждалъ онъ,—что умирая, я такъ ясно слышу шаги солдатъ и звуки выстрѣловъ“.

— Давай носилки... эй... ротнаго убило!—крикнулъ надъ его головой голосъ, который онъ невольно узналъ за голосъ барабанщика Игнатьева.

Кто-то взялъ его за плечи. Онъ попробовалъ открыть глаза и увидалъ надъ головой темно-синее небо, группы звѣздъ и двѣ бомбы, которыя летѣли надъ нимъ, догоняя одна другую; увидалъ Игнатьева, солдатъ съ носилками и ружьями, валъ, траншеи и вдругъ повѣрилъ, что онъ еще не на томъ свѣтѣ.

Онъ былъ камнемъ легко раненъ въ голову. Самое первое впечатлѣніе его было какъ будто сожалѣніе: онъ такъ было хо-

рошо и спокойно приготовился къ переходу *туда*, что на него непріятно подѣйствовало возвращеніе къ дѣйствительности, съ бомбами, траншеями и кровью; второе впечатлѣніе его была безсознательная радость, что онъ живъ, а третье—желаніе уйти скорѣе съ бастіона. Барабанщикъ платкомъ завязалъ голову своему командиру и, взявъ его подъ руку, повелъ къ перевязочному пункту.

„Куда и зачѣмъ я иду, однако?—подумалъ штабсъ-капитанъ, когда онъ опомнился немного.—Мой долгъ оставаться съ ротой, а не уходить впередъ,—тѣмъ болѣе, что и рота скоро выйдетъ изъ-подъ огня“, шепнулъ ему какой-то голосъ.

— Не нужно, братецъ,—сказалъ онъ, вырывая руку отъ услужливаго барабанщика:—я не пойду на перевязочный пунктъ; я останусь съ ротой.

И онъ повернулъ назадъ.

— Вамъ бы лучше перевязаться, ваше благородіе, какъ слѣдуетъ,—сказалъ Игнатьевъ:—вѣдь это сгоряча она только оказываетъ, что ничего; а то хуже бы не сдѣлать: вѣдь тутъ вонъ какая жарня идетъ... право, ваше благородіе!

Михайловъ остановился на минуту въ нерѣшимости и, кажется, послѣдовалъ бы совѣту Игнатьева, ежели бы не вспомнилось, какъ много тяжело раненыхъ на перевязочномъ пунктѣ. „Можетъ-быть, доктора улыбнутся моей царапинѣ“, подумалъ штабсъ-капитанъ и рѣшительно, несмотря на доводы барабанщика, пошелъ назадъ къ ротѣ.

— А гдѣ ординарецъ Праскухинъ, который шелъ со мной?—спросилъ онъ прапорщика, который велъ роту, когда они встрѣтились.

— Не знаю... убитъ, кажется,—неохотно отвѣчалъ прапорщикъ.

— Убитъ или раненъ, какъ же вы не знаете? вѣдь онъ съ нами шелъ. И отчего вы его не взяли?

— Гдѣ тутъ было брать, когда жарня этакая!

— Ахъ, какъ же это вы, Михаилъ Иванычъ,—сказалъ Ми-

хайловъ сердито:—какъ же бросить, ежели онъ живъ; да если и убитъ, такъ все-таки тѣло надо было взять.

— Гдѣ живъ, когда я вамъ говорю, я самъ подходилъ и видѣлъ!—сказалъ прапорщикъ.—Помилуйте! только бы своихъ уносить. Вонъ, каналья! ядрами теперь сталъ пускать,—прибавилъ онъ...

Михайловъ присѣлъ и схватился за голову, которая отъ движенія ужасно заболѣла у него.

— Нѣтъ непремѣнно надо сходить взять: можетъ-быть, онъ еще живъ,—сказалъ Михайловъ.—Это нашъ *долгъ*, Михаилъ Иванычъ!

Михаилъ Иванычъ не отвѣчалъ.

„Вотъ онъ не взялъ тогда, а теперь надо солдатъ посылать однихъ; а и посылать какъ? подъ этимъ страшнымъ огнемъ могутъ убить задаромъ“, думалъ Михайловъ.

— Ребята! надо сходить назадъ взять офицера, что раненъ тамъ въ канавѣ,—сказалъ онъ не слишкомъ громко и повелительно, чувствуя, какъ непріятно будетъ солдатамъ исполнять это приказаніе,—и дѣйствительно, такъ какъ онъ ни къ кому именно не обращался, никто не вышелъ, чтобъ исполнить его.

„И точно можетъ онъ уже умеръ и *не стоитъ* подвергать людей напрасной опасности; а виноватъ одинъ я, что не позаботился. Схожу самъ узнаю, живъ ли онъ. Это мой *долгъ*“, сказалъ самъ себѣ Михайловъ.

— Михаилъ Иванычъ! ведите роту, а я васъ догоню,—сказалъ онъ и, одною рукой подобравъ шинель, другою рукой дотрогиваясь безпрестанно до образа Митрофанія-угодника, въ котораго онъ имѣлъ особенную вѣру, рысью побѣжалъ по траншеѣ.

Убѣдясь въ томъ, что Праскухинъ былъ убитъ, Михайловъ, пыхтя и придерживая рукой сбившуюся повязку и голову, которая сильно начинала болѣть у него, потащился назадъ. Баталіонъ былъ уже подъ горой на мѣстѣ и почти внѣ выстрѣловъ, когда Михайловъ догналъ его. Я говорю: *почти* внѣ выстрѣловъ, потому что изрѣдка залетали и сюда шальныя бомбы.

„Однако, надо будетъ завтра сходить на перевязочный пунктъ записаться“, подумалъ штабсъ-капитанъ, въ то время, какъ пришедшій фельдшеръ перевязывалъ его.

XIV.

Сотни свѣжихъ окровавленныхъ тѣлъ людей, за два часа тому назадъ полныхъ разнообразныхъ, высокихъ и мелкихъ надеждъ и желаній, съ окоченѣлыми членами лежали на росистой цвѣтущей долинѣ, отдѣляющей бастіонъ отъ траншеи, и на ровномъ полу часовни мертвыхъ въ Севастополѣ, сотни людей, съ проклятіями и молитвами на пересохшихъ устахъ, ползли, ворочались и стонали, одни между трупами на цвѣтущей долинѣ, другіе на носилкахъ, на койкахъ и на окровавленномъ полу перевязочнаго пункта; а все такъ же, какъ и въ прежніе дни, загорѣлась зарница надъ Сапунъ-горою, поблѣднѣли мерцающія звѣзды, потянулъ бѣлый туманъ съ шумящаго темнаго моря, зажглась алая заря на востокѣ, разбѣжались багровыя длинныя тучки по свѣтло-лазурному горизонту, и все такъ же, какъ и въ прежніе дни, обѣщая радость, любовь и счастіе всему ожившему міру, выплывало могучее прекрасное свѣтило.

XV.

На другой день вечеромъ опять егерская музыка играла на бульварѣ, и опять офицеры, юнкера, солдаты и молодыя женщины празднично гуляли около павильона и по нижнимъ аллеямъ изъ цвѣтущихъ душистыхъ бѣлыхъ акацій.

Калугинъ, князь Гальцинъ и какой-то полковникъ ходили подъ руки около павильона и говорили о вчерашнемъ дѣлѣ. Главною путеводительною нитью разговора, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, было не самое дѣло, а то участіе, которое принималъ разсказывающій въ дѣлѣ. Лица и звукъ голосовъ ихъ имѣли серьезное, почти печальное выраженіе, какъ будто потери вчерашняго дня сильно трогали и огорчали кажда-

го; но сказать по правдѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не потерялъ очень близкаго человѣка, это выраженіе печали было выраженіе оффиціальное, которое они только считали обязанностью выказывать. Напротивъ, Калугинъ и полковникъ были бы готовы каждый день видѣть такое дѣло съ тѣмъ, чтобы только каждый разъ получать золотую саблю и генералъ-маіора, несмотря на то, что они были прекрасные люди. Я люблю, когда называютъ извергомъ какого-нибудь завоевателя, для своего честолюбія губящаго милліоны. Да спросите по совѣсти прапорщика Петрушова и подпоручика Антонова и т. д.: всякій изъ насъ маленькій Наполеонъ, маленькій извергъ и сейчасъ готовъ затѣять сраженіе, убить человѣкъ сотню для того только, чтобы получить лишнюю звѣздочку или треть жалованья.

— Нѣтъ, извините,—говорилъ полковникъ:—прежде началось на лѣвомъ флангѣ. *Вѣдь я былъ тамъ.*

— А можетъ-быть,—отвѣчалъ Калугинъ:—*я больше былъ на правомъ; я два раза туда ходилъ, одинъ разъ отыскивалъ генерала, а другой разъ такъ, посмотрѣть ложементы пошелъ. Вотъ гдѣ жарко было.*

— Да ужъ, вѣрно, Калугинъ знаетъ,—сказалъ полковнику князь Гальцинъ.—Ты знаешь, *мнѣ* нынче В.... про тебя говорилъ, что ты молодцомъ...

— Потери только, потери ужасныя,—сказалъ полковникъ:—*у меня въ полку четыреста* человѣкъ выбыло. Удивительно, *какъ я живъ вышелъ оттуда.*

Въ это время, навстрѣчу этимъ господамъ, на другомъ концѣ бульвара показалась фигура Михайлова, съ повязанною головой

— Что, вы ранены, капитанъ?—сказалъ Калугинъ.

— Да, немножко, камнемъ,—отвѣчалъ Михайловъ.

— Est-ce que le pavillon est baissé déjà?—спросилъ князь Гальцинъ, глядя на фуражку штабсъ-капитана и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Non, pas encore,—отвѣчалъ Михайловъ, которому хотѣлось показать, что онъ знаетъ и поговорить по-французски.

— Неужели продолжается еще перемиріе?—сказалъ Гальцинъ, учтиво обращаясь къ нему по-русски и тѣмъ говоря—какъ это показалось штабсъ-капитану — что вамъ, должно-быть, тяжело будетъ говорить по-французски, такъ не лучше ли ужъ просто?.. И съ этимъ адъютанты отошли отъ него. Штабсъ-капитанъ такъ же, какъ и вчера, почувствовалъ себя чрезвычайно одинокимъ и, поклонясь съ разными господами—съ одними не желая сходиться, а къ другимъ не рѣшаясь подойти, сѣлъ около памятника Казарскаго и закурилъ папиросу.

Баронъ Пестъ тоже пришелъ на бульваръ. Онъ разсказывалъ, что было на перемиріи и говорилъ съ французскими офицерами, что будто одинъ французскій офицеръ сказалъ ему: s'il n'avait pas fait clair encore pendant une demi-heure, les embuscades auraient été reprises, и какъ онъ отвѣчалъ ему: monsieur! je ne dis pas non, pour ne pas vous donner un démenti, и какъ это хорошо онъ сказалъ и т. д.

Въ сущности же, хотя и былъ на перемиріи, онъ не успѣлъ сказать тамъ ничего особеннаго, хотя ему и очень хотѣлось поговорить съ французами (вѣдь это ужасно весело говорить съ французами). Юнкеръ баронъ Пестъ долго ходилъ по линіи и все спрашивалъ французовъ, которые были ближе къ нему: de quel régiment êtes vous? Ему отвѣчали—и больше ничего. Когда же онъ зашелъ слишкомъ далеко за линію, то французскій часовой, не подозрѣвая, что этотъ солдатъ знаетъ по-французски, въ третьемъ лицѣ выругалъ его. „Il vient regarder nos travaux ce sacré...“ сказалъ онъ, вслѣдствіе чего, не находя больше интереса на перемиріи, юнкеръ баронъ Пестъ поѣхалъ домой и уже дорогой придумалъ тѣ французскія фразы, которыя теперь разсказывалъ. На бульварѣ были и капитанъ Зобовъ, который громко разговаривалъ, и капитанъ Обжоговъ въ растерзанномъ видѣ, и артиллерійскій капитанъ, который ни въ комъ не заискиваетъ, и счастливый въ любви юнкеръ, и всѣ тѣ же вчерашнія лица, и все съ тѣми же вѣчными побужденіями. Не доставало только Праскухина, Нефердова и еще

кой-кого, о которомъ здѣсь едва ли помнилъ и думалъ кто-нибудь теперь, когда тѣла ихъ еще не успѣли быть обмыты, убраны и зарыты въ землю.

XVI.

На нашемъ бастіонѣ и на французской траншеѣ выставлены бѣлые флаги, и между ними, въ цвѣтущей долинѣ, кучами лежатъ, безъ сапоговъ, въ сѣрыхъ и синихъ одеждахъ, изуродованные трупы, которые сносятъ рабочіе и накладываютъ на повозки. Запахъ мертваго тѣла наполняетъ воздухъ. Изъ Севастополя и изъ французскаго лагеря толпы народа высыпали смотрѣть на это зрѣлище и съ жаднымъ и благосклоннымъ любопытствомъ стремятся однѣ къ другимъ.

Послушайте, что говорятъ между собой эти люди.

Вотъ въ кружкѣ собравшихся около него русскихъ и французовъ, молоденькій офицеръ, хотя плохо, но достаточно хорошо, чтобъ его понимали, говорящій по-французски, разсматриваетъ гвардейскую сумку.

— Э сеси пуркуа се уазо ліе?—говорилъ онъ.

— Parce que c'est une giberne d'un régiment de la garde, monsieur, qui porte l'aigle impérial.

— Э ву де ла гардъ?

— Pardon, monsieur, du 6-ème de ligne

— Э сеси у аште?—спрашиваетъ офицеръ, указывая на деревянную желтую сигарочницу, въ которой французъ куритъ папиросу.

— A Balaclava, monsieur! C'est tout simple en bois de palme.

— Жоли,—говоритъ офицеръ, руководимый въ разговорѣ не столько собственнымъ произволомъ, сколько словами, которыя онъ знаетъ.

— Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre, vous m'obligerez.

И учтивый французъ выдуваетъ папироску и подаетъ офицеру сигарочницу съ маленькимъ поклономъ. Офицеръ даетъ

ему свою, и всѣ присутствующіе въ группѣ какъ французы, такъ и русскіе кажутся очень довольными и улыбаются.

Вотъ пѣхотный бойкій солдатъ, въ розовой рубашкѣ и шинели въ накидку, въ сопровожденіи другихъ солдатъ, которые, руки за спину, съ веселыми любопытными лицами стоятъ за нимъ, подошелъ къ французу и попросилъ у него огня закурить трубку. Французъ разжигаетъ, расковыриваетъ трубочку и высыпаетъ огня русскому.

— Табакъ *бунъ*,—говорилъ солдатъ въ розовой рубашкѣ,— и зрители улыбаются.

— Oui, bon tabac, tabac turc,—говоритъ французъ:—et chez vous autres, tabac—russe? bon?

— Русъ—бунъ, — говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, при чемъ присутствующіе покатываются со смѣху. — *Франце нѣтъ бунъ, бонжуръ мусье!* — говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, сразу ужъ выпуская весь свой зарядъ знаній языка и треплетъ француза по животу и смѣется. Французы тоже смѣются.

— Iis ne sont pas jolis ces b... de Russes,—говоритъ одинъ зуавъ изъ толпы французовъ.

— De quoi de ce qu'ils rient donc?—говоритъ другой, черный, съ итальянскимъ выговоромъ, подходя къ нашимъ.

— Кафтанъ бунъ,—говоритъ бойкій солдатъ, разсматривая шитыя полы зуава, и опять смѣются.

— Ne sors pas de ta ligne, à vos places, sacré nom! — кричитъ французскій капралъ, и солдаты съ видимымъ неудовольствіемъ расходятся.

— А вотъ, въ кружкѣ французскихъ офицеровъ, нашъ молодой кавалерійскій офицеръ такъ и разсыпается. Рѣчь идетъ о какомъ-то comte Sazonoff, que j'ai beaucoup connu, monsieur,— говоритъ французскій офицеръ съ однимъ эполетомъ—c'est un de ces vrais comtes russes, comme nous les aimons.

— Il y a un Sazonoff, que j'ai connu, — говоритъ кавалеристъ:—mais il n'est pas comte, à moins, que je sâche, un petit brun de votre âge à peu près.

— C'est ça, monsieur, c'est lui. Oh, que je voudrais le voir ce cher comte. Si vous le voyez, je vous prie bien de lui faire mes compliments.—Capitaine Latour,—говоритъ онъ кланяясь.

— N'est-ce pas terrible la triste besogne, que nous faisons? Ça chauffait cette nuit, n'est-ce pas? — говоритъ кавалеристъ, желая поддержать разговоръ и указывая на трупы.

— Oh, monsieur, c'est affreux! Mais quels gaillards vos soldats, quels gaillards! C'est un plaisir, que de se battre avec des gaillards comme eux.

— Il faut avouer que les vôtres ne se mouchent pas du pied non plus, — говоритъ кавалеристъ, кланяясь и воображая, что онъ очень милъ.

Но довольно.

Посмотрите лучше на этого десятилѣтняго мальчишку, который, въ старомъ — должно-быть отцовскомъ—картузѣ, въ башмакахъ на босу ногу и нанковыхъ штанишкахъ, поддерживаемыхъ одною помочью, съ самаго начала перемирія вышелъ за валъ и все ходилъ по лощинѣ, съ тупымъ любопытствомъ глядя на французовъ и на трупы, лежащіе на землѣ, и набиралъ полевые голубые цвѣты, которыми усыпана эта долина. Возвращаясь домой съ большимъ букетомъ, онъ, закрывъ носъ отъ запаха, который наносило на него вѣтромъ, остановился около кучки снесенныхъ тѣлъ и долго смотрѣлъ на одинъ страшный безголовый трупъ, бывшій ближе къ нему. Постоявъ довольно долго, онъ подвинулся ближе и дотронулся ногой до вытянутой окоченѣвшей руки трупа. Рука покачнулась немного. Онъ тронулъ ее еще разъ и крѣпче. Рука покачнулась немного и опять стала на свое мѣсто. Мальчикъ вдругъ вскрикнулъ, спряталъ лицо въ цвѣты и во весь духъ побѣжалъ прочь, къ крѣпости.

Да, на бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди, — христіане,

исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастія не обнимутся, какъ братья? Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія.

Вотъ я и сказалъ, что хотѣлъ сказать на этотъ разъ. Но тяжелое раздумье одолѣваетъ меня. Можетъ, не надо было говорить этого, можетъ-быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его.

Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны.

Ни Калугинъ съ своею блестящею храбростью—bravoure de gentilhomme—и тщеславіемъ, двигателемъ всѣхъ поступковъ, ни Праскухинъ, пустой, безвредный человѣкъ, хотя и павшій на брани за вѣру, престолъ и отечество, ни Михайловъ съ своею застѣнчивостью, ни Пестъ, ребенокъ безъ твердыхъ убѣжденій и правилъ, не могутъ быть ни злодѣями, ни героями повѣсти.

Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ АВГУСТѢ 1855 ГОДА.

I.

Въ концѣ августа по большой ущелистой севастопольской дорогѣ, между Дуванкой *) и Бахчисараемъ, шагомъ, въ густой и жаркой пыли, ѣхала офицерская телѣжка (та особенная, больше нигдѣ не встрѣчаемая телѣжка, составляющая нѣчто среднее между жидовскою бричкой, русскою повозкою и корзинкой).

Въ повозкѣ, спереди, на корточкахъ сидѣлъ денщикъ, въ нанковомъ сюртукѣ и сдѣлавшейся совершенно мягкою, бывшей офицерской фуражкѣ, подергивавшій возжами; сзади, на узлахъ и вьюкахъ, покрытыхъ солдатскою шинелью, сидѣлъ пѣхотный офицеръ въ лѣтней шинели. Офицеръ былъ, сколько можно было заключить о немъ въ сидячемъ положеніи, не высокъ ростомъ, но чрезвычайно широкъ, и не столько отъ плеча до плеча, сколько отъ груди до спины; онъ былъ широкъ и плотенъ, шея и затылокъ были у него очень развиты и напружены. Такъ называемой таліи—перехвата въ срединѣ туловища—у него не было, но и живота тоже не было; напротивъ, онъ былъ скорѣе худъ, особенно въ лицѣ, покрытомъ нездоровымъ желтоватымъ

---

*) Послѣдняя станція къ Севастополю.

загаромъ. Лицо его было бы красиво, если бы не какая-то одутловатость и мягкія, нестарческія, крупныя морщины, сливавшія и увеличившія черты и дававшія всему лицу общее выраженіе несвѣжести и грубости. Глаза у него были небольшіе, каріе, чрезвычайно бойкіе, даже наглые; усы очень густые, но не широкіе и обкусанные; а подбородокъ и особенно скулы покрыты были чрезвычайно крѣпкою, частою и черною двухдневною бородой. Офицеръ былъ раненъ 10 мая осколкомъ въ голову, на которой еще до сихъ поръ онъ носилъ повязку, и теперь, чувствуя себя уже съ недѣлю совершенно здоровымъ, изъ симферопольскаго госпиталя ѣхалъ къ полку, который стоялъ гдѣ-то тамъ, откуда слышались выстрѣлы,—но въ самомъ ли Севастополѣ, на Сѣверной или на Инкерманѣ, онъ еще ни отъ кого не могъ узнать хорошенько. Выстрѣлы уже слышались, особенно иногда, когда не мѣшали горы или доносилъ вѣтеръ, чрезвычайно ясно, часто и, казалось, близко: то какъ будто взрывъ потрясалъ воздухъ и невольно заставлялъ вздрагивать, то быстро другъ за другомъ слѣдовали менѣе сильные звуки, какъ барабанная дробь, перебиваемая иногда поразительнымъ гуломъ, то все сливалось въ какой-то перекатывающійся трескъ, похожій на громовые удары, когда гроза во всемъ разгарѣ и только что полилъ ливень. Всѣ говорили, да и слышно было, что бомбардированіе идетъ ужасное. Офицеръ погонялъ денщика: ему, казалось, хотѣлось какъ можно скорѣй пріѣхать. Навстрѣчу шелъ большой обозъ русскихъ мужиковъ, привозившихъ провіантъ въ Севастополь, и теперь шедшій оттуда, наполненный больными и ранеными солдатами въ сѣрыхъ шинеляхъ, матросами въ черныхъ пальто, волонтерами въ красныхъ фескахъ и ополченцами съ бородами. Офицерская повозка должна была остановиться въ густомъ, неподвижномъ облакѣ пыли, поднятомъ обозомъ, и офицеръ, щурясь и морщась отъ пыли, набивавшейся ему въ глаза и уши, смотрѣлъ на лица больныхъ и раненыхъ, двигавшихся мимо него.

— А это съ нашей роты солдатикъ слабый,—сказалъ ден-

щикъ, оборачиваясь къ барину и указывая на повозку, наполненную ранеными, въ это время поровнявшуюся съ ними.

На повозкѣ, спереди, сидѣлъ бокомъ русскій бородачъ, въ поярковой шляпѣ, и, локтемъ придерживая кнутовище, связывалъ кнутъ. За нимъ въ телѣгѣ тряслись человѣкъ пять солдатъ, въ разныхъ положеніяхъ. Одинъ, съ подвязанной рукой, съ шинелью въ накидку на рубахѣ, хотя худой и блѣдный, сидѣлъ бодро въ срединѣ телѣги и взялся было за шапку, увидавъ офицера, но потомъ, вспомнивъ, вѣрно, что онъ раненый, сдѣлалъ видъ, какъ будто только хотѣлъ почесать голову. Другой рядомъ съ нимъ лежалъ на самомъ днѣ повозки; видны были только двѣ руки, которыми онъ держался за грядки повозки, и поднятыя колѣни, какъ мочалы, мотавшіяся въ разныя стороны. Третій съ опухшимъ лицомъ и обвязанною головой, на которой сверху торчала солдатская шапка, сидѣлъ съ боку, спустивъ ноги къ колесу, и, облокотясь руками на колѣни, казалось, дремалъ. Къ нему-то и обратился проѣзжій офицеръ.

— Должниковъ!—крикнулъ онъ.

— Я-о!—отвѣчалъ солдатъ, открывая глаза и снимая фуражку, такимъ густымъ и отрывистымъ басомъ, какъ-будто человѣкъ двадцать солдатъ крикнули вмѣстѣ.

— Когда ты раненъ, братецъ?

Оловянные заплывшіе глаза солдата оживились: онъ, видимо, узналъ своего офицера.

— Здравія желаемъ, вашбородіе!—тѣмъ же отрывистымъ басомъ проговорилъ онъ.

— Гдѣ нынче полкъ стоитъ?

— Въ Севастополѣ стояли, въ середу переходить хотѣли, вашбородіе.

— Куда?

— Неизвѣстно... должно, на Сивѣрную, вашбородіе! Нынче, вашбородіе, — прибавилъ онъ протяжнымъ голосомъ и надѣвая шапку: — уже скрость палить сталъ, все больше съ бомбовъ, ажно въ бухту доноситъ; нынче такъ бьетъ, что бѣда, ажно...

Дальше нельзя было слышать, что говорилъ солдатъ; но по выраженію его лица и позы видно было, что онъ, съ нѣкоторою злобой страдающаго человѣка, говорилъ вещи неутѣшительныя.

Проѣзжій офицеръ, поручикъ Козельцовъ, былъ офицеръ недюжинный. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые живутъ такъ-то и дѣлаютъ то-то потому, что такъ живутъ и дѣлаютъ другіе: онъ дѣлалъ все, что ему хотѣлось, а другіе ужъ дѣлали то же самое и были увѣрены, что это хорошо. Его натура была довольно богата мелкими дарами: онъ хорошо пѣлъ, игралъ на гитарѣ, говорилъ очень бойко и писалъ весьма легко особенно казенныя бумаги, на которыя набилъ руку въ свою бытность баталіоннымъ адъютантомъ; но болѣе всего замѣчательна была его натура самолюбивою энергіей, которая, хотя и болѣе всего основанная на этой мелкой даровитости, была сама по себѣ черта рѣзкая и поразительная. У него было одно изъ тѣхъ самолюбій, которое до такой степени слилось съ жизнью и которое чаще всего развивается въ однихъ мужскихъ и особенно военныхъ кружкахъ, что онъ не понималъ другого выбора, какъ первенствовать или уничтожаться, и что самолюбіе было двигателемъ даже его внутреннихъ побужденій: онъ самъ съ собой любилъ первенствовать надъ людьми, съ которыми себя сравнивалъ.

— Какъ же! очень буду слушать, что *москва* *) болтаетъ!— пробормоталъ поручикъ, ощущая какую-то тяжесть апатіи на сердцѣ и туманность мыслей, оставленныхъ въ немъ видомъ транспорта раненыхъ и словами солдата, значеніе которыхъ невольно усиливалось и подтверждалось звуками бомбардированія.—*Смѣшная эта москва*... Пошелъ, Николаевъ! трогай же... Что ты заснулъ!—прибавилъ онъ нѣсколько ворчливо на денщика, поправляя полы шинели.

---

*) Во многихъ армейскихъ полкахъ офицеры, полупрезрительно, полуласкательно, называютъ солдата *москва* или еще *присяга*.

Возжи задергались, Николаевъ зачмокалъ, и повозка покатилась рысью.

— Только покормимъ минутку и сейчасъ, нынче же... дальше,—сказалъ офицеръ.

II.

Уже въѣзжая въ улицу развалennыхъ остатковъ каменныхъ стѣнъ татарскихъ домовъ Дуванки, поручикъ Козельцовъ былъ задержанъ транспортомъ бомбъ и ядеръ, шедшихъ въ Севастополь и столпившихся на дорогѣ.

Два пѣхотныхъ солдата сидѣли въ самой пыли на камняхъ развалennаго забора, около дороги, и ѣли арбузъ съ хлѣбомъ.

— Далече идете, землячокъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ, пережевывая хлѣбъ, солдату, который, съ небольшимъ мѣшкомъ за плечами, остановился около нихъ.

— Въ роту идемъ изъ губерніи,—отвѣчалъ солдатъ, глядя въ сторону отъ арбуза и поправляя мѣшокъ за спиной.—Мы вотъ, почитай, что третью недѣлю при сѣнѣ ротномъ находились, а теперь вишь потребовали всѣхъ; да не извѣстно, въ какомъ мѣстѣ полкъ находится въ теперешнее время. Сказываютъ, что на Корабельную заступили наши въ прошлой недѣлѣ. Вы не слыхали, господа?

— Въ городу, братъ, стоитъ, въ городу,—проговорилъ другой, старый фурштадскій солдатъ, копавшій складнымъ ножомъ въ неспѣломъ, бѣлесомъ арбузѣ.—Мы вотъ только съ полдня оттелѣ идемъ. Такая страсть, братецъ ты мой.

— А что такъ, господа?

— Рази не слышишь, нынче кругомъ палитъ, ажъ и мѣста цѣлаго нѣтъ. Что нашего брата перебилъ, и сказать нельзя!

И говорившій махнулъ рукой и поправилъ шапку.

Прохожій солдатъ задумчиво покачалъ головой, почмокалъ языкомъ, потомъ досталъ изъ голенища трубочку, не наклады-

вая, расковырялъ пригорѣлый табакъ, зажегъ кусочекъ трута у курившаго солдата и приподнялъ шапочку.

— Никто, какъ Богъ, господа! прощенья просимъ!—сказалъ онъ и, встряхнувъ за спиною мѣшокъ, пошелъ по дорогѣ.

— Эхъ, обождалъ бы лучше! — сказалъ убѣдительно ковырявшій арбузъ.

— Все одно!—пробормоталъ прохожій, пролѣзая между колесъ столпившихся повозокъ.

III.

Станція была полна народомъ, когда Козельцовъ подъѣхалъ къ ней. Первое лицо, встрѣтившееся ему еще на крыльцѣ, былъ худощавый, очень молодой человѣкъ, смотритель, который продолжалъ перебраниваться съ слѣдовавшими за нимъ двумя офицерами.

— И не то, что трое сутокъ, и десятеро сутокъ подождете! и генералы ждутъ, батюшка! — говорилъ смотритель, съ желаніемъ кольнуть проѣзжающихъ:—а я вамъ не запрягусь же.

— Такъ никому не давать лошадей, коли нѣту!.. А зачѣмъ далъ какому-то лакею съ вещами?—кричалъ старшій изъ двухъ офицеровъ, со стаканомъ чаю въ рукахъ и видимо избѣгая мѣстоименія, но давая чувствовать, что очень легко и *ты* сказать смотрителю.

— Вѣдь вы сами разсудите, господинъ смотритель, — говорилъ съ запинками другой, молоденькій офицеръ,—намъ не для своего удовольствія нужно ѣхать. Вѣдь мы тоже, стало быть, нужны, коли насъ требовали. А то я, право, генералу непремѣнно скажу. А то вѣдь это что жъ... вы, значитъ, не уважаете офицерскаго званія.

— Вы всегда испортите! — перебилъ его съ досадою старшій:—вы только мѣшаете мнѣ; надо умѣть съ нимъ говорить. Вотъ онъ и потерялъ уваженіе. Лошадей сію минуту! — я говорю.

— И радъ бы, батюшка, да гдѣ ихъ взять-то?..

Смотритель помолчалъ немного и вдругъ разгорячился и, размахивая руками, началъ говорить:

— Я, батюшка, самъ понимаю и все знаю; да что станете дѣлать! Вотъ дайте мнѣ только (на лицахъ офицеровъ выразилась надежда)... дайте только до конца мѣсяца дожить — и меня здѣсь не будетъ. Лучше на Малаховъ курганъ пойду, чѣмъ здѣсь оставаться, ей-Богу! Пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ. На всей станціи теперь ни одной повозки крѣпкой нѣтъ, и клочка сѣна ужъ третій день лошади не видали.

И смотритель скрылся въ воротахъ.

Козельцовъ вмѣстѣ съ офицерами вошелъ въ комнату.

— Что жъ!—совершенно спокойно сказалъ старшій офицеръ младшему, хотя за секунду предъ тѣмъ онъ казался разъяреннымъ: — ужъ три мѣсяца ѣдемъ, подождемъ еще. Не бѣда— успѣемъ.

Дымная, грязная комната была такъ полна офицерами и чемоданами, что Козельцовъ едва нашелъ мѣсто на окнѣ, гдѣ и присѣлъ; вглядываясь въ лица и вслушиваясь въ разговоры, онъ началъ дѣлать папироску. Направо отъ двери, около кривого сальнаго стола, на которомъ стояло два самовара съ позеленѣлою кое-гдѣ мѣдью и разложенъ былъ сахаръ въ разныхъ бумагахъ, сидѣла главная группа: молодой безусый офицеръ, въ новомъ, стеганомъ архалукѣ, наливалъ чайникъ; человѣка четыре такихъ же молоденькихъ офицеровъ находились въ разныхъ углахъ комнаты: одинъ изъ нихъ, подложивъ подъ голову какую-то шубу, спалъ на диванѣ; другой, стоя у стола, рѣзалъ жареную баранину безрукому офицеру, сидѣвшему у стола. Два офицера, одинъ—въ адъютантской шинели, другой—въ пѣхотной, но тонкой и съ сумкой черезъ плечо, сидѣли около лежанки, и, по одному тому, какъ они смотрѣли на другихъ и какъ тотъ, который былъ съ сумкой, курилъ сигару, видно было, что они не фронтовые пѣхотные офицеры, и что они довольны этимъ. Не то, чтобы видно было презрѣніе въ ихъ манерѣ, но какое-то самодовольное спокойствіе, основан-

нос частью на деньгахъ, частью на близкихъ сношеніяхъ съ генералами—сознаніе превосходства, доходящаго даже до желанія скрыть его. Еще молодой, губастый докторъ и артиллеристъ съ нѣмецкою физіономіей сидѣли почти на ногахъ молодого офицера, спавшаго на диванѣ, и считали деньги. Человѣка четыре денщиковъ—одни дремали, другіе возились съ чемоданами и узлами около двери. Козельцовъ между всѣми лицами не нашелъ ни одного знакомаго; но онъ съ любопытствомъ сталъ вслушиваться въ разговоры. Молодые офицеры, которые, какъ онъ тотчасъ же по одному виду рѣшилъ, только что ѣхали изъ корпуса, понравились ему и, главное, напомнили, что братъ его, тоже изъ корпуса, на-дняхъ долженъ былъ пріѣхать въ одну изъ батарей Севастополя. Въ офицерѣ же съ сумкой, котораго лицо онъ видалъ гдѣ-то, ему все казалось противно и нагло. Онъ даже съ мыслью: „осадить его, если бъ онъ вздумалъ что-нибудь сказать“, перешелъ отъ окна къ лежанкѣ и сѣлъ на нее. Вообще, какъ чистый фронтовой и хорошій офицеръ, не любилъ онъ „штабныхъ“, за которыхъ съ перваго взгляда призналъ этихъ двухъ офицеровъ.

IV.

— Однако, это ужасно какъ досадно, — говорилъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ, что такъ уже близко, а нельзя доѣхать. Можетъ быть, нынче будетъ дѣло, а насъ не будетъ.

Въ пискливомъ тонѣ голоса и въ пятновидномъ свѣжемъ румянцѣ, набѣжавшемъ на молодое лицо этого офицера въ то время, какъ онъ говорилъ, видна была эта милая молодая робость человѣка, который безпрестанно боится, что не такъ выходитъ его каждое слово.

Безрукій офицеръ съ улыбкой посмотрѣлъ на него.

— Поспѣете еще, повѣрьте,—сказалъ онъ.

Молодой офицеръ съ уваженіемъ посмотрѣлъ на исхудалое лицо безрукаго, неожиданно просвѣтлѣвшее улыбкою, замолчалъ

и снова занялся чаемъ. Дѣйствительно, въ лицѣ безрукаго офицера, въ его позѣ и особенно въ его пустомъ рукавѣ шинели выражалось много того спокойнаго равнодушія, которое можно объяснить такъ, что при всякомъ дѣлѣ или разговорѣ онъ смотрѣлъ, какъ-будто говоря: „все это прекрасно, все это я знаю и все это я могу сдѣлать, если бъ я захотѣлъ только".

— Какъ же мы рѣшимъ,—сказалъ снова молодой офицеръ своему товарищу въ архалукѣ: — ночуемъ здѣсь или поѣдемъ на своей лошади.

Товарищъ отказался ѣхать.

— Вы можете себѣ представить, капитанъ,—продолжалъ разливавшій чай, обращаясь къ безрукому и поднимая ножикъ, который уронилъ тотъ,—намъ сказали, что лошади ужасно дороги въ Севастополѣ, мы и купили сообща лошадь въ Симферополѣ.

— Дорого, я думаю, съ васъ содрали?

— Право, не знаю, капитанъ; мы заплатили съ повозкой девяносто рублей. Это очень дорого?—прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ и къ Козельцову, который смотрѣлъ на него.

— Недорого, коли молодая лошадь,—сказалъ Козельцовъ.

— Не правда ли? а намъ говорили, что дорого... Только она хромая немножко, но это пройдетъ. Намъ говорили, она крѣпкая такая.

— Вы изъ какого корпуса?—спросилъ Козельцовъ, который хотѣлъ узнать о братѣ.

— Мы теперь изъ дворянскаго полка, насъ шесть человѣкъ, мы всѣ ѣдемъ въ Севастополь по собственному желанію,—говорилъ словоохотливый офицерикъ: — только мы не знаемъ, гдѣ наши батареи: одни говорятъ, что въ Севастополѣ, а вотъ они говорили, что въ Одессѣ.

— Въ Симферополѣ развѣ нельзя было узнать? — спросилъ Козельцовъ.

— Не знаютъ... Можете себѣ представить, нашъ товарищъ ходилъ тамъ въ канцелярію: ему грубостей наговорили... можете собѣ представить, какъ непріятно... Угодно вамъ готовую

папироску,—сказалъ онъ въ это время безрукому офицеру, который хотѣлъ достать свою сигарочницу.

Онъ съ какимъ-то подобострастнымъ восторгомъ услуживалъ ему.

— А вы тоже изъ Севастополя? — продолжалъ онъ. — Ахъ, Боже мой, какъ это удивительно! Вѣдь какъ мы всѣ въ Петербургѣ думали о васъ, о всѣхъ герояхъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ Козельцову съ уваженіемъ и добродушной лаской.

— Какъ же, вамъ, можетъ, назадъ придется ѣхать? — спросилъ поручикъ.

— Вотъ этого-то мы и боимся. Можете себѣ представить, что мы, какъ купили лошадь и обзавелись всѣмъ нужнымъ — кофейникъ спиртовой и еще разныя мелочи необходимыя,—у насъ денегъ совсѣмъ не осталось,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ и оглядываясь на своего товарища:—такъ что, если ѣхать назадъ, мы ужъ и не знаемъ, какъ быть.

— Развѣ вы не получили подъемныхъ денегъ?—спросилъ Козельцовъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ шопотомъ:—только намъ обѣщали тутъ дать.

— А свидѣтельство у васъ есть?

— Я знаю, что главное—свидѣтельство, но мнѣ въ Москвѣ сенаторъ одинъ—онъ мнѣ дядя—какъ я у него былъ, сказалъ, что тутъ дадутъ: а то бы онъ самъ мнѣ далъ. Такъ дадутъ тамъ?

— Непремѣнно дадутъ.

— И я думаю, что тамъ дадутъ, — сказалъ онъ такимъ тономъ, который доказывалъ, что, спрашивая на тридцати станціяхъ одно и то же и вездѣ получая различные отвѣты, онъ уже никому не вѣрилъ хорошенько.

V.

— Кто борщу требовалъ? — провозгласила довольно грязная хозяйка, толстая женщина лѣтъ сорока, съ миской щей входя въ комнату.

Разговоръ тотчасъ же замолкъ, и всѣ, бывшіе въ комнатѣ, устремили глаза на харчевницу. Одинъ офицеръ даже подмигнулъ на нее другому.

— Ахъ, это Козельцовъ спрашивалъ,—сказалъ молодой офицеръ:—надо его разбудить. Вставай обѣдать, сказалъ онъ, подходя къ спавшему на диванѣ и толкая его за плечо.

Молодой мальчикъ лѣтъ семнадцати, съ веселыми черными глазами и румянцемъ во всю щеку, вскочилъ энергически съ дивана и, протирая глаза, остановился по серединѣ комнаты.

— Ахъ, извините, пожалуйста,—сказалъ онъ доктору, котораго, вставая, толкнулъ.

Поручикъ Козельцовъ тотчасъ же узналъ брата и подошелъ къ нему.

— Не узнаешь?—сказалъ онъ, улыбаясь.

— А-а-а!—закричалъ меньшой братъ:—вотъ удивительно!—и сталъ цѣловать брата.

Они поцѣловались три раза, но на третьемъ разѣ запнулись, какъ-будто обоимъ пришла мысль: зачѣмъ же непремѣнно нужно три раза?

— Ну, какъ я радъ,—сказалъ старшій, вглядываясь въ брата.—Пойдемъ на крыльцо—поговоримъ.

— Пойдемъ, пойдемъ. Я не хочу борщу... ѣшь ты, Федерсонъ!—сказалъ онъ товарищу.

— Да вѣдь ты хотѣлъ ѣсть.

— Не хочу ничего.

Когда они вышли на крыльцо, меньшой все спрашивалъ у брата: „ну, что ты, какъ, разскажи“, и все говорилъ, какъ онъ радъ его видѣть, но самъ ничего не разсказывалъ.

Когда прошло минутъ пять, во время которыхъ они успѣли помолчать немного, старшій братъ спросилъ, отчего меньшой вышелъ не въ гвардію, какъ этого всѣ ожидали.

— Поскорѣе въ Севастополь хотѣлось: вѣдь если здѣсь счастливо пойдетъ, такъ можно еще скорѣе выиграть, чѣмъ въ гвардіи: тамъ въ десять лѣтъ въ полковники, а здѣсь Тотлебенъ

такъ въ два года изъ подполковниковъ въ генералы. Ну, а убьютъ, такъ что жъ дѣлать!

— Вотъ ты какой!—сказалъ братъ, улыбаясь.

— А главное, знаешь ли что, братъ,—сказалъ меньшой, улыбаясь и краснѣя, какъ-будто сбирался сказать что-нибудь очень стыдное: — все это пустяки; главное я затѣмъ просился, что все-таки какъ-то совѣстно жить въ Петербургѣ, когда тутъ умираютъ за отечество. Да и съ тобой мнѣ хотѣлось быть,— прибавилъ онъ еще застѣнчивѣе.

— Какой ты смѣшной,—сказалъ старшій братъ, доставая папиросницу и не глядя на него.—Жалко только, что мы не вмѣстѣ будемъ.

— А что, скажи по правдѣ, страшно на бастіонахъ?—спросилъ вдругъ младшій.

— Сначала страшно, потомъ привыкнешь — ничего. Самъ увидишь.

— А вотъ еще что скажи: какъ ты думаешь, возьмутъ Севастополь? Я думаю, что ни за что не возьмутъ.

— Богъ знаетъ.

— Одно только досадно... Можешь вообразить, какое несчастіе; у насъ вѣдь дорбгой цѣлый узелъ украли, и у меня въ немъ киверъ былъ, такъ что я теперь въ ужасномъ положеніи и не знаю, какъ я буду являться.

Козельцовъ второй, Владиміръ, былъ очень похожъ на брата Михайлу, но похожъ такъ, какъ похожъ распускающійся розанъ на отцвѣтшій шиповникъ. Волоса у него были тоже русые, но густые и вьющіеся на вискахъ. На бѣломъ, нѣжномъ затылкѣ у него была русая косичка — признакъ счастія, какъ говорятъ нянюшки. По нѣжному бѣлому цвѣту кожи лица не стоялъ, а вспыхивалъ, выдавая всѣ движенія души, полнокровный молодой румянецъ. Тѣ же глаза, какъ и у брата, были у него открытѣе и свѣтлѣе, что особенно казалось оттого, что они часто покрывались легкою влагой. Русый пушекъ пробивался по щекамъ и надъ красными губами, весьма часто складывавшимися въ за-

стѣнчивую улыбку и открывавшими бѣлые блестящіе зубы. Стройный, широкоплечій, въ разстегнутой шинели, изъ-подъ которой виднѣлась красная рубашка съ косымъ воротомъ, съ папироской въ рукахъ, облокотясь на перила крыльца, съ наивной радостью въ лицѣ и жестѣ, какъ онъ стоялъ передъ братомъ, это былъ такой пріятно-хорошенькій мальчикъ, что все бы такъ и смотрѣлъ на него. Онъ чрезвычайно радъ былъ брату, съ уваженіемъ и гордостью смотрѣлъ на него, воображая его героемъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ разсужденіи свѣтскаго образованія, умѣнья говорить по-французски, быть въ обществѣ важныхъ людей, танцовать и т. д., онъ немножко стыдился за него, смотрѣлъ свысока и даже надѣялся, ежели можно, образовать его. Всѣ впечатлѣнія его еще были изъ Петербурга, изъ дома одной барыни, любившей хорошенькихъ и бравшей его къ себѣ на праздники, и изъ дома сенатора въ Москвѣ, гдѣ онъ разъ танцовалъ на большомъ балѣ.

VI.

Наговорясь почти досыта и дойдя наконецъ до того чувства, которое часто испытываешь, что общаго мало, хотя и любишь другъ друга, братья помолчали довольно долго.

— Такъ бери же свои вещи и ѣдемъ сейчасъ,—сказалъ старшій.

Младшій вдругъ покраснѣлъ и замялся.

— Прямо въ Севастополь ѣхать?—спросилъ онъ послѣ минуты молчанія.

— Ну, да. Вѣдь у тебя немного вещей, я думаю уложимъ.

— Прекрасно! сейчасъ и поѣдемъ,—сказалъ младшій со вздохомъ и пошелъ въ комнату.

Но, не отворяя двери, онъ остановился въ сѣняхъ, печально опустивъ голову, и началъ думать:

„Сейчасъ прямо въ Севастополь, подъ бомбы... ужасно! Однако, все равно, когда-нибудь надо же было. Теперь, по крайней мѣрѣ, съ братомъ...“

Дѣло въ томъ, что только теперь, при мысли, что, сѣвъ въ телѣжку, онъ, не вылѣзая изъ нея, будетъ въ Севастополѣ, и что никакая случайность уже не можетъ задержать его, ему ясно представилась опасность, которой онъ искалъ, и онъ смутился при одной мысли о близости ея. Кое-какъ успокоивъ себя, онъ вошелъ въ комнату; но прошло четверть часа, а онъ все не выходилъ къ брату, такъ что этотъ послѣдній отворилъ, наконецъ, дверь, чтобы вызвать его. Меньшой Козельцовъ, въ положеніи провинившагося школьника, говорилъ о чемъ-то съ офицеромъ П. Когда братъ отворилъ дверь, онъ совершенно растерялся.

— Сейчасъ, сейчасъ я выйду! — заговорилъ онъ, махая рукой брату.—Подожди меня, пожалуйста, тамъ.

Черезъ минуту онъ вышелъ, дѣйствительно, и съ глубокимъ вздохомъ подошелъ къ брату.

— Можешь себѣ представить, я не могу съ тобой ѣхать, братъ, сказалъ онъ.

— Какъ? что за вздоръ!

— Я тебѣ всю правду скажу, Миша! У насъ ужъ ни у кого денегъ нѣтъ, и мы всѣ должны этому штабсъ-капитану, что ты тамъ видѣлъ. Ужасно стыдно!

Старшій братъ нахмурился и долго не прерывалъ молчанія.

— Много долженъ? — спросилъ онъ, исподлобья взглядывая на брата.

— Много... нѣтъ, не очень много; но совѣстно ужасно. Онъ на трехъ станціяхъ за меня платилъ, и сахаръ все его шелъ... такъ что я не знаю... да и въ преферансъ мы играли... я ему немножко остался долженъ.

— Это скверно, Володя! Ну, что бы ты сдѣлалъ, если бы меня не встрѣтилъ?—сказалъ строго, не глядя на брата, старшій.

— Да я думалъ, братецъ, что получу эти подъемныя въ Севастополѣ, такъ отдамъ. Вѣдь можно такъ сдѣлать; да и лучше ужъ завтра я съ нимъ пріѣду.

Старшій братъ досталъ кошелекъ и съ нѣкоторымъ дрожаніе-

смъ пальцевъ досталъ оттуда двѣ десятирублевыя и одну трехрублевую бумажку.

— Вотъ мои деньги,—сказалъ онъ.—Сколько ты долженъ?

Сказавъ, что это были всѣ его деньги, Козельцовъ говорилъ не совсѣмъ правду: у него было еще четыре золотыхъ, зашитыхъ на всякій случай въ обшлагѣ, но которыхъ онъ далъ себѣ слово ни за что не трогать.

Оказалось, что Козельцовъ и съ преферансомъ, и сахаромъ былъ долженъ только восемь рублей. Старшій братъ далъ ихъ ему, замѣтивъ только, что этакъ нельзя, когда денегъ нѣтъ, еще въ преферансъ играть.

— На что жъ ты игралъ?

Младшій братъ не отвѣчалъ ни слова. Вопросъ брата показался ему сомнѣніемъ въ его честности. Досада на самого себя, стыдъ въ поступкѣ, который могъ подавать такія подозрѣнія, и оскорбленіе отъ брата, котораго онъ такъ любилъ, произвели на впечатлительную натуру такое сильное, болѣзненное чувство, что онъ ничего не отвѣчалъ. Чувствуя, что не въ состояніи будетъ удержаться отъ слезливыхъ звуковъ, которые подступали ему къ горлу, онъ взялъ не глядя деньги и пошелъ къ товарищамъ.

VII.

Николаевъ, подкрѣпившій себя въ Дуванкѣ двумя крышками водки, купленными у солдата, продававшаго ее на мосту, подергивалъ возжами, повозка подпрыгивала по каменной, кое-гдѣ тѣнистой дорогѣ, ведущей вдоль Бельбека къ Севастополю, а братья, поталкиваясь нога объ ногу, хотя всякую минуту думали другъ о другѣ, упорно молчали.

„Зачѣмъ онъ меня оскорбилъ,—думалъ меньшой,—развѣ онъ не могъ не говорить про это? Точно какъ будто онъ думалъ, что я воръ, да и теперь, кажется, сердится, такъ что мы ужъ навсегда разстроились. А какъ бы намъ славно было вдвоемъ въ Севастополѣ! Два брата, дружные между собой, оба сража-

ются съ врагомъ: одинъ старшій уже, хотя не очень образованный, но храбрый воинъ, и другой молодой... но тоже молодецъ... Черезъ недѣлю я бы всѣмъ доказалъ, что я ужъ не очень молоденькій! Я и краснѣть перестану, въ лицѣ будетъ мужество, да и усы небольшіе, но порядочные вырастутъ къ тому времени,—и онъ ущипнулъ себя за пушокъ, показавшійся у краевъ рта. „Можетъ-быть, мы нынче пріѣдемъ и сейчасъ же попадемъ въ дѣло вмѣстѣ съ братомъ. А онъ долженъ быть упорный и очень храбрый, такой, что много не говоритъ, а дѣлаетъ лучше другихъ. Я бы желалъ знать,—продолжалъ онъ,—нарочно или нѣтъ онъ прижимаетъ меня къ самому краю повозки. Онъ, вѣрно, чувствуетъ, что мнѣ неловко, и дѣлаетъ видъ, что будто не замѣчаетъ меня. Вотъ мы нынче пріѣдемъ,—продолжалъ онъ разсуждать, прижимаясь къ краю повозки и боясь пошевелиться, чтобы не дать замѣтить брату, что ему неловко,—и вдругъ прямо на бастіонъ: я съ орудіями, а братъ съ ротой, и вмѣстѣ пойдемъ. Только вдругъ французы бросятся на насъ. Я стрѣлять, стрѣлять: перебью ужасно много; но они все-таки бѣгутъ прямо на меня. Ужъ стрѣлять нельзя и, конечно, мнѣ нѣтъ спасенія; только вдругъ братъ выбѣжитъ впередъ съ саблей, и я схвачу ружье, и мы вмѣстѣ съ солдатами побѣжимъ. Французы бросятся на брата. Я побѣгу, убью одного француза, другого, и спасаю брата. Меня ранятъ въ одну руку, я схвачу ружье въ другую и все-таки бѣгу. Только брата убьютъ пулей подлѣ меня; я остановлюсь на минутку, посмотрю на него этакъ грустно, поднимусь и закричу: „за мной! отмстимъ! Я любилъ брата больше всего на свѣтѣ,—я скажу,—и потерялъ его. Отмстимъ, уничтожимъ враговъ или всѣ умремъ тутъ!“ Всѣ закричатъ, бросятся за мной. Тутъ все войско французское выйдетъ, самъ Пелиссье. Мы всѣхъ перебьемъ; но, наконецъ, меня ранятъ другой разъ, третій разъ, и я упаду при смерти. Тогда всѣ прибѣгутъ ко мнѣ. Горчаковъ придетъ и будетъ спрашивать, чего я хочу. Я скажу, что ничего не хочу,—только чтобы меня положили рядомъ съ братомъ, что

я хочу умереть съ нимъ. Меня принесутъ и положатъ подлѣ окровавленнаго трупа брата. Я приподнимусь и скажу только: „да, вы не умѣли цѣнить двухъ человѣкъ, которые истинно любили отечество; теперь они оба пали... да проститъ вамъ Богъ!“ и умру“.

Кто знаетъ, въ какой мѣрѣ сбудутся эти мечты!

— Что, ты былъ когда-нибудь въ схваткѣ? — спросилъ онъ вдругъ у брата, совершенно забывъ, что не хотѣлъ говорить съ нимъ.

— Нѣтъ, ни разу,—отвѣчалъ старшій,—у насъ двѣ тысячи человѣкъ изъ полка выбыло, все на работахъ, и я раненъ тоже на работѣ. Война совсѣмъ не такъ дѣлается, какъ ты думаешь, Володя!

Слово „Володя“ тронуло меньшого брата: ему захотѣлось объясниться съ братомъ, который вовсе и не думалъ, что оскорбилъ Володю.

— Ты на меня не сердишься, Миша? — сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— За что?

— Нѣтъ, такъ... что у насъ было такъ... ничего.

— Нисколько,—отвѣчалъ старшій, поворачиваясь къ нему и похлопывая его по ногѣ.

— Такъ ты меня извини, Миша, если я тебя огорчилъ.

И меньшой братъ отвернулся, чтобы скрыть слезы, которыя вдругъ выступили у него изъ глазъ.

VIII.

— Неужели это уже Севастополь?—спросилъ меньшой братъ, когда они поднялись на гору.

И передъ ними открылись бухта съ мачтами кораблей, море съ непріятельскимъ далекимъ флотомъ, бѣлыя приморскія батареи, казармы, водопроводы, доки и строенія города, и бѣлыя, лиловыя облака дыма, безпрестанно поднимавшіяся по желтымъ

горамъ, окружающимъ городъ и стоявшимъ въ синемъ небѣ, при розоватыхъ лучахъ солнца, уже съ блескомъ отражавшагося и спускавшагося къ горизонту темнаго моря.

Володя безъ малѣйшаго содроганія увидѣлъ это страшное мѣсто, про которое онъ такъ много думалъ; напротивъ, онъ съ эстетическимъ наслажденіемъ и героическимъ чувствомъ самодовольства, что вотъ и онъ черезъ полчаса будетъ тамъ, смотрѣлъ на это, дѣйствительно, прелестно-оригинальное зрѣлище, и смотрѣлъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ до самого того времени, пока они не пріѣхали на Сѣверную, въ обозъ полка брата, гдѣ должны были узнать навѣрное о мѣстѣ расположенія полка и батареи.

Офицеръ, завѣдывавшій обозомъ, жилъ около такъ называемаго новаго городка, — досчатыхъ бараковъ, построенныхъ матроскими семействами, въ палаткѣ, соединенной съ довольно большимъ балаганомъ, построеннымъ изъ зеленыхъ дубовыхъ вѣтокъ, не успѣвшихъ еще совершенно засохнуть.

Братья застали офицера передъ грязнымъ столомъ, на которомъ стоялъ стаканъ холоднаго чаю, подносъ съ водкой и крошками сухой икры и хлѣба, въ одной желтовато-грязной рубашкѣ, считающаго на большихъ счетахъ огромную кипу ассигнацій. Но прежде, чѣмъ говорить о личности офицера и его разговорѣ, необходимо пристально взглянуть на внутренность его балагана и познакомиться хотя немного съ его образомъ жизни и занятіями. Новый балаганъ былъ такъ великъ, прочно заплетенъ и удобно построенъ, со столиками и лавочками, плетеными изъ дерна, какъ строятъ только для генераловъ или полковыхъ командировъ; бока и верхъ, чтобъ листъ не сыпался, были завѣшены тремя коврами, хотя весьма уродливыми, но новыми и, вѣрно, дорогими. На желѣзной кровати, стоявшей подъ главнымъ ковромъ, съ изображенною на ней амазонкой, лежали плюшевое, ярко красное одѣяло, грязная прорванная подушка и енотовая шуба; на столѣ стояло зеркало въ серебряной рамѣ, серебряная, ужасно грязная щетка, изломанный, набитый масля

ными волосами роговой гребень, серебряный подсвѣчникъ, бутылка ликера, съ золотымъ, краснымъ, огромнымъ ярлыкомъ, золотые часы съ изображеніемъ Петра I, два золотыя пера, коробочка съ какими-то капсюлями, корка хлѣба и набросанныя старыя карты, и пустыя и полныя бутылки подъ кроватью. Офицеръ этотъ завѣдывалъ обозомъ полка и продовольствіемъ лошадей. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ его большой пріятель, комиссіонеръ, занимающійся операціями. Онъ въ то время, какъ вошли братья, спалъ въ палаткѣ, обозный же офицеръ дѣлалъ счеты казенныхъ денегъ передъ концомъ мѣсяца. Наружность обознаго офицера была очень красивая и воинственная: большой ростъ, большіе усы, благородная плотность. Непріятны были въ немъ только какая-то потность и опухлость всего лица, почти скрывавшая маленькіе сѣрые глаза (какъ-будто онъ весь былъ налитъ портеромъ), и чрезвычайная нечистоплотность, отъ жидкихъ масляныхъ волосъ до большихъ босыхъ ногъ въ какихъ-то горностаевыхъ туфляхъ.

— Денегъ-то, денегъ-то!—сказалъ Козельцовъ 1-й, входя въ балаганъ и съ невольною жадностью устремляя глаза на кучу ассигнацій:—хоть бы половину взаймы дали, Василій Михайлычъ!

Обозный офицеръ покоробился, увидавъ гостя и, сбирая деньги, не поднимаясь, поклонился.

— Охъ, коли бы мои были! казенныя, батюшка... А это кто съ вами?—сказалъ онъ, укладывая деньги въ шкатулку, которая стояла около него, и глядя на Володю.

— Это мой братъ, изъ корпуса пріѣхалъ. Да вотъ мы заѣхали узнать у васъ, гдѣ полкъ стоитъ.

— Садитесь, господа, — сказалъ онъ, вставая, не обращая вниманія на гостей и уходя въ палатку.—Выпить не хотите ли? портерку, можетъ-быть?—сказалъ онъ.

— Не мѣшаетъ, Василій Михайлычъ!

Володя былъ пораженъ величіемъ обознаго офицера, его небрежною манерой и уваженіемъ, съ которымъ обращался къ нему братъ.

„Должно-быть, это очень хорошій у нихъ офицеръ, котораго всѣ почитаютъ: вѣрно, простой, но гостепріимный и храбрый“, подумалъ онъ, скромно и робко садясь на диванъ.

— Такъ гдѣ же нашъ полкъ стоитъ? — спросилъ черезъ палатку старшій братъ.

— Что?

Онъ повторилъ вопросъ.

— Нынче у меня Зейферъ былъ: онъ разсказывалъ, что перешли на пятый бастіонъ.

— Навѣрное?

— Коли я говорю, стало-быть вѣрно; а впрочемъ, чортъ его знаетъ! Онъ и соврать не дорого возьметъ. Что жъ, будете портеръ пить?— сказалъ обозный офицеръ все изъ-за палатки.

— А пожалуй, выпью,—сказалъ Козельцовъ.

— А вы выпьете, Осипъ Игнатьевичъ? — продолжалъ голосъ въ палаткѣ, вѣрно, обращаясь къ спавшему комиссіонеру.

— Полноте спать: ужъ пятый часъ.

— Что вы пристаете ко мнѣ! я не сплю, — отвѣчалъ лѣнивый тоненькій голосокъ.

— Ну, вставайте: мнѣ безъ васъ скучно.

И обозный офицеръ вышелъ къ гостямъ.

— Дай портеру симферопольскаго!—крикнулъ онъ.

Денщикъ, съ гордымъ выраженіемъ лица, какъ показалось Володѣ, вошелъ въ балаганъ и, толкнувъ Володю, досталъ портеръ изъ-подъ лавки.

Бутылка портера уже была выпита и разговоръ продолжался довольно долго въ томъ же родѣ, когда полы палатки распахнулись, и изъ нея выступилъ невысокій, свѣжій мужчина, въ синемъ халатѣ съ кисточками, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой. Онъ явился, поправляя свои черные усики, и, глядя куда-то на коверъ, едва замѣтнымъ движеніемъ плеча отвѣтилъ на поклоны офицеровъ.

— Дай-ка и я выпью стаканчикъ!—сказалъ онъ, садясь подлѣ

стола.—Что это, вы изъ Петербурга ѣдете, молодой человѣкъ?—сказалъ онъ, ласково обращаясь къ Володѣ.

— Да-съ, въ Севастополь ѣду.

— Сами просились?

— Да-съ.

— И что вамъ за охота, господа! я не понимаю! — продолжалъ комиссіонеръ. — Я бы теперь, кажется, пѣшкомъ готовъ уйти, если бы пустили, въ Петербургъ. Опостылѣла, ей-Богу, эта жизнь проклятая!

— Чѣмъ же тутъ плохо вамъ?—сказалъ старшій Козельцовъ, обращаясь къ нему:—еще вамъ бы не жизнь здѣсь!

Комиссіонеръ посмотрѣлъ на него и отвернулся.

— Эта опасность, лишенія, ничего достать нельзя,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Володѣ. — И что вамъ за охота, я рѣшительно васъ не понимаю, господа! Хоть бы выгоды какія-нибудь были, а то такъ. Ну, хорошо ли это, въ ваши лѣта, вдругъ останетесь калѣкой на всю жизнь?

— Кому нужны доходы, а кто изъ чести служитъ! — съ досадой въ голосѣ опять вмѣшался Казельцовъ старшій.

— Что за честь, когда нечего ѣсть! — презрительно смѣясь, сказалъ комиссіонеръ, обращаясь къ обозному офицеру, который тоже засмѣялся при этомъ.—Заведи-ка изъ „Лучіи“: мы послушаемъ, — сказалъ онъ, указывая на коробочку съ музыкой: — я люблю ее.

— Что, онъ хорошій человѣкъ, этотъ Василій Михайловичъ?—спросилъ Володя у брата, когда они, уже въ сумерки, вышли изъ балагана и поѣхали дальше къ Севастополю.

— Ничего, только такъ скупъ, что ужасъ! А комиссіонера этого я видѣть не могу, я его побью когда-нибудь.

IX.

Володя не то чтобъ былъ не въ духѣ, когда, уже почти ночью подъѣзжалъ къ большому мосту чрезъ бухту, но онъ

ощущалъ какую-то тяжесть на сердцѣ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, было такъ мало сообразно съ его прошедшими, недавними впечатлѣніями: паркетная свѣтлая, большая зала экзамена, веселые, добрые голоса и смѣхъ товарищей, новый мундиръ, любимый царь, котораго онъ семь лѣтъ привыкъ видѣть, и который, прощаясь съ ними, со слезами называлъ ихъ дѣтьми своими, — и такъ мало все, что онъ видѣлъ, было похоже на его прекрасныя, радужныя, великодушныя мечты.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали!—сказалъ старшій братъ, когда они подъѣхали къ Михайловской батареѣ, выйдя изъ повозки.— Если насъ пропустятъ по мосту, мы сейчасъ же пойдемъ въ Николаевскія казармы. Ты тамъ останься до утра, а я пойду въ полкъ—узнаю, гдѣ твоя батарея стоитъ, и завтра приду за тобой.

— Зачѣмъ же? лучше вмѣстѣ пойдемъ,—сказалъ Володя.— И я пойду съ тобой на бастіонъ. Вѣдь уже все равно: привыкать надо. Если ты пойдешь, и я могу.

— Лучше не ходить.

— Нѣтъ, пожалуйста: я по крайней мѣрѣ, узнаю, какъ...

— Мой совѣтъ: не ходить, а пожалуй...

Небо было чисто и темно; звѣзды и безпрестанно движущіеся огни бомбъ и выстрѣловъ уже ярко свѣтились во мракѣ. Большое бѣлое зданіе батареи и начало моста выдавались изъ темноты. Буквально, каждую секунду нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ и взрывовъ, быстро слѣдуя другъ за другомъ, или вмѣстѣ, громче и отчетливѣе потрясали воздухъ. Изъ-за этого гула, какъ-будто вторя ему, слышалось пасмурное ворчаніе бухты. Съ моря тянулъ вѣтерокъ и пахло сыростью. Братья подошли къ мосту. Какой-то ополченецъ стукнулъ неловко ружьемъ на руку и крикнулъ:

— Кто идетъ?

— Солдатъ.

— Не велѣно пущать!

— Да какъ же? намъ нужно.

— Офицера спросите.

Офицеръ, дремавшій, сидя на якорѣ, приподнялся и велѣлъ пропустить.

— Туда можно, оттуда нельзя. Куда лѣзешь? всѣ разомъ!— крикнулъ онъ на полковыя повозки, высоко наложенныя турами, которыя толпились у выѣзда.

Спускаясь на первый понтонъ, братья столкнулись съ солдатами, которые, громко разговаривая, шли оттуда.

— Когда онъ аммуничныя получилъ, значитъ онъ въ расчетѣ съ полностью—вотъ что.

— Эхъ, братцы!—сказалъ другой голосъ:—какъ на Сѣверную перевалишь, свѣтъ увидишь, ей-Богу; совсѣмъ воздухъ другой.

— Говори больше! — сказалъ первый: — намеднись тутъ же прилетѣла окаянная: двумъ матросамъ ноги пооборвала, такъ...

Братья прошли первый понтонъ, дожидаясь повозки, и остановились на второмъ, который мѣстами уже заливало водой. Вѣтеръ, казавшійся слабымъ въ полѣ, здѣсь былъ весьма силенъ и порывистъ; мостъ качало, и волны, съ шумомъ ударялись о бревна и разрѣзаясь на якоряхъ и канатахъ, заливали доски. Направо туманно-враждебно шумѣло и чернѣло море, отдѣляясь безконечною, ровною, черной линіей отъ звѣзднаго, свѣтло-сѣроватаго въ сіяніи горизонта; далеко гдѣ-то свѣтились огни на непріятельскомъ флотѣ; налѣво чернѣла темная масса нашего корабля и слышались удары волнъ о борта его: виднѣлся пароходъ, шумно и быстро двигающійся отъ Сѣверной. Огонь разорвавшейся около него бомбы освѣтилъ мгновенно высоко наваленныя туры на палубѣ, двухъ человѣкъ, стоящихъ на верху и бѣлую пѣну и брызги зеленоватыхъ волнъ, разрѣзанныхъ пароходомъ. У края моста сидѣлъ, опустивъ ноги въ воду, какой-то человѣкъ въ одной рубахѣ и чинилъ что-то въ понтонѣ. Впереди, надъ Севастополемъ носились тѣ же огни, и громче, и громче долетали страшные звуки. Набѣжавшая волна съ моря разлилась по правой сторонѣ моста и замочила ноги Володѣ; два солдата, шлепая ногами по водѣ, прошли

мимо него. Что-то вдругъ съ трескомъ освѣтило мостъ впереди, ѣдущую по немъ повозку и верхового, и осколки, со свистомъ поднимая брызги, попадали въ воду.

— А, Михайло Семенычъ!— сказалъ верховой, останавливая лошадь противъ старшаго Козельцова: — что, уже совсѣмъ поправились?

— Какъ видите. Куда васъ Богъ несетъ?

— На Сѣверную за патронами: вѣдь я нынче за полкового адъютанта... штурма ждемъ съ часу на часъ.

— А гдѣ же Марцовъ?

— Вчера ногу оторвало... въ городѣ, въ комнатѣ спалъ... Можетъ, вы его знаете?

— Полкъ на пятомъ, правда?

— Да, на мѣсто м....цовъ заступили. Вы зайдете на перевязочный пунктъ: тамъ наши есть—васъ проводятъ.

— Ну, а квартирка моя на Морской цѣла?

— И, батюшка! ужъ давно всю разбили бомбами. Вы не узнаете теперь Севастополя: ужъ женщинъ ни души нѣтъ, ни трактировъ, ни музыки; вчера послѣднее заведеніе переѣхало. Теперь ужасно грустно стало... Прощайте!

И офицеръ рысью поѣхалъ дальше.

Володѣ вдругъ сдѣлалось ужасно страшно: ему все казалось, что сейчасъ пролетитъ ядро или осколокъ и ударитъ его прямо въ голову. Этотъ сырой мракъ, всѣ звуки эти, особенно ворчливый плескъ волнъ, казалось, все говорило ему, чтобъ онъ не шелъ дальше, что не ждетъ его здѣсь ничего добраго, что нога его ужъ никогда больше не ступитъ на землю по ту сторону бухты, чтобы сейчасъ же онъ вернулся и бѣжалъ куда-нибудь какъ можно дальше отъ этого страшнаго мѣста смерти. „Но, можетъ, ужъ поздно, ужъ рѣшено теперь“, подумалъ онъ, содрогаясь частью отъ этой мысли, частью оттого, что вода прошла ему сквозь сапоги и мочила ноги.

Володя глубоко вздохнулъ и отошелъ немного въ сторону отъ брата.

„Господи! неужели же меня убьютъ, именно меня? Господи, помилуй меня?“—сказалъ онъ шопотомъ и перекрестился.

— Ну, пойдемъ, Володя! — сказалъ старшій братъ, когда повозочка въѣхала на мостъ.—Видѣлъ бомбу?

На мосту встрѣчались братьямъ повозки съ ранеными, съ турами, одна съ мебелью, которую везла какая-то женщина. На той же сторонѣ никто не задержалъ ихъ.

Инстинктивно, придерживаясь стѣнки Николаевской батареи, братья, молча, прислушиваясь къ звукамъ бомбъ, лопавшихся уже тутъ надъ головами, и къ реву осколковъ, валившихся сверху, пришли къ тому мѣсту батареи, гдѣ образъ. Тутъ узнали они, что пятая легкая, въ которую былъ назначенъ Володя, стоитъ на Корабельной, и рѣшили вмѣстѣ, несмотря на опасность, идти ночевать къ старшему брату на пятый бастіонъ, а оттуда завтра въ батарею. Повернувъ въ коридоръ, шагая черезъ ноги спящихъ солдатъ, которые лежали вдоль всей стѣны батареи, они, наконецъ, пришли на перевязочный пунктъ.

X.

Войдя въ первую комнату, обставленную койками, на которыхъ лежали раненые, и пропитанную тяжелымъ, отвратительно-ужаснымъ госпитальнымъ запахомъ, они встрѣтили двухъ сестеръ милосердія, выходившихъ имъ навстрѣчу.

Одна женщина, лѣтъ пятидесяти, съ черными глазами и строгимъ выраженіемъ лица, несла бинты и корпію и отдавала приказанія молодому мальчику, фельдшеру, который шелъ за ней; другая, весьма хорошенькая дѣвушка, лѣтъ двадцати, съ блѣднымъ и нѣжнымъ бѣлокурымъ личикомъ, какъ-то особенно милобезпомощно смотрѣвшимъ изъ-подъ бѣлаго чепчика, руки въ карманахъ передничка, шла подлѣ старшей и, казалась, боялась отставать отъ нея.

Козельцовъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, не знаютъ ли онѣ, гдѣ Марцовъ, которому вчера оторвало ногу.

— Это, кажется, П. полка? — спросила старшая. — Что онъ вамъ родственникъ?

— Нѣтъ-съ, товарищъ.

— Проводите ихъ, — сказала она молодой сестрѣ по французски:—вотъ сюда,—и сама подошла съ фельдшеромъ къ раненому.

— Пойдемъ же... что ты смотришь! — сказалъ Козельцовъ Володѣ, который, поднявъ брови съ какимъ-то страдальческимъ выраженіемъ, не въ силахъ оторваться, смотрѣлъ на раненыхъ.— Пойдемъ же.

Володя пошелъ съ братомъ, но все продолжая оглядываться и безсознательно повторяя:

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!

— Вѣрно, они недавно здѣсь?—спросила сестра у Козельцова, указывая на Володю, который, ахая и вздыхая, шелъ за ними по коридору.

— Только что пріѣхалъ.

Хорошенькая сестра посмотрѣла на Володю и вдругъ заплакала. „Боже мой, Боже мой! когда это все кончится?“ сказала она, съ отчаяніемъ въ голосѣ. Они вошли въ офицерскую палату. Марцовъ лежалъ навзничь, закинувъ жилистыя, обнаженныя до локтей руки за голову, съ выраженіемъ на желтомъ лицѣ человѣка, который стиснулъ зубы, чтобы не кричать отъ боли. Цѣлая нога была въ чулкѣ высунута изъ-подъ одѣяла, и видно было, какъ онъ на ней судорожно перебиралъ пальцами.

— Ну, что, какъ вамъ?—спросила сестра, своими тоненькими нѣжными пальцами, на одномъ изъ которыхъ Володя замѣтилъ золотое кольцо, поднимая его немного плѣшивую голову и поправляя подушку. — Вотъ ваши товарищи пришли васъ провѣдать.

— Разумѣется, больно,—сердито сказалъ онъ. — Оставьте! такъ хорошо,— пальцы въ чулкѣ зашевелились еще быстрѣе.— Здравствуйте! Какъ васъ зовутъ? Извините... — сказалъ онъ, обращаясь къ Козельцову—Ахъ, да! виноватъ! тутъ все забу-

дешь,—сказалъ онъ, когда тотъ сказалъ ему свою фамилію.—Вѣдь мы съ тобой вмѣстѣ жили,—прибавилъ онъ, безъ всякаго выраженія удовольствія вопросительно глядя на Володю.

— Это мой братъ, нынче пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Гм! А я-то вотъ и полный выслужилъ,—сказалъ онъ, морщась.—Ахъ, какъ больно!... Да ужъ лучше бы конецъ скорѣе.

Онъ вздернулъ ноги и, продолжая съ усиленною быстротой шевелить пальцами, закрылъ лицо руками.

— Его надо оставить,—сказала шопотомъ сестра, со слезами на глазахъ:—ужъ онъ очень плохъ.

Братья еще на Сѣверной рѣшили итти на 5 бастіонъ; но, выходя изъ Николаевской батареи, они какъ-будто условились не подвергаться напрасной опасности и, ничего не говоря объ этомъ предметѣ, рѣшили итти каждому порознь.

— Только какъ ты найдешь, Володя?—сказалъ старшій.—Впрочемъ, Николаевъ тебя проводитъ на Корабельную, а я пойду одинъ и завтра у тебя буду.

Больше ничего не было сказано въ это послѣднее прощанье между двумя братьями.

XI.

Громъ пушекъ продолжался съ тою же силой, но Екатерининская улица, по которой шелъ Володя, со слѣдовавшимъ за нимъ молчаливымъ Николаевымъ, была пустынна и тиха. Во мракѣ виднѣлась ему только широкая улица, съ бѣлыми, во многихъ мѣстахъ разрушенными, стѣнами большихъ домовъ, и каменный тротуаръ, по которому онъ шелъ; изрѣдка встрѣчались солдаты и офицеры. Проходя по лѣвой сторонѣ около адмиралтейства, при свѣтѣ какого-то яркаго огня, горѣвшаго за стѣной, онъ увидалъ насаженныя вдоль тротуара акаціи, съ зелеными подпорками, и жалкіе запыленные листья этихъ акацій. Шаги свои и Николаева, тяжело дыша шедшаго за нимъ, онъ слышалъ явственно. Онъ ничего не думалъ: хорошенькая сестра милосердія, нога Марцова съ движущимися въ чулкѣ

пальцами, мракъ, бомбы и различные образы смерти смутно носились въ его воображеніи. Вся его молодая впечатлительная душа сжалась и ныла подъ вліяніемъ сознанія одиночества и всеобщаго равнодушія къ его участи въ опасности. „Убьютъ, буду мучиться, страдать и никто не заплачетъ!“ И все это вмѣсто исполненной энергіи и сочувствія жизни героя, о которой онъ мечталъ такъ славно. Бомбы лопались и свистали все ближе и ближе, Николаевъ вздыхалъ чаще, не нарушая молчанія. Проходя черезъ мостъ, ведущій на Корабельную, онъ увидѣлъ, какъ что-то, свистя, влетѣло недалеко отъ него въ бухту, на секунду багрово освѣтило лиловыя волны, исчезло и потомъ съ брызгами поднялось оттуда.

— Вишь, не задохлась!—сказалъ хрипло Николаевъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ, невольно и неожиданно для себя, какимъ-то тоненькимъ, пискливымъ голоскомъ.

Встрѣчались носилки съ ранеными, опять полковыя повозки съ турами; какой-то полкъ встрѣтился на Корабельной; верховые проѣзжали мимо. Одинъ изъ нихъ былъ офицеръ съ казакомъ. Онъ ѣхалъ рысью, но увидавъ Володю, пріостановилъ лошадь около него, вглядѣлся ему въ лицо, отвернулся и поѣхалъ прочь, ударивъ плетью по лошади. „Одинъ, одинъ; всѣмъ все равно, есть ли я или нѣтъ“, подумалъ мальчикъ, и ему безъ шутокъ захотѣлось плакать.

Поднявшись на гору, мимо какой-то высокой бѣлой стѣны, онъ вошелъ въ улицу разбитыхъ маленькихъ домиковъ, безпрестанно освѣщаемыхъ бомбами. Пьяная, растерзанная женщина, выходя изъ калитки съ матросомъ, наткнулась на него.

— Потому, коли бы онъ былъ благородный чуаекъ,—пробормотала она,—пардонъ, ваше благородіе офицеръ!

Сердце все больше и больше ныло у бѣднаго мальчика; а на черномъ горизонтѣ чаще и чаще вспыхивала молнія и бомбы чаще и чаще свистѣли и лопались около него. Николаевъ вздохнулъ и вдругъ началъ говорить какимъ-то, какъ показалось Володѣ, испуганно-сдержаннымъ голосомъ.

— Вотъ все торопились изъ губерніи ѣхать. Ѣхать да ѣхать. Есть куда торопиться!

— Да что жъ, коли братъ ужъ здоровъ теперь,—отвѣчалъ Володя, надѣясь хоть разговоромъ разогнать ужасное чувство, овладѣвшее имъ.

— Здоровъ! Какое его здоровье, когда онъ вовсе боленъ! Которые и настояще здоровые-то, и тѣмъ лучше бы жить въ ошпиталѣ въ этакое время. Что тутъ-то радости много, что ли? Либо ногу, либо руку оторветъ—вотъ те и все! Долго ли до грѣха! Ужъ на что здѣсь, въ городу, не то, что на бакстіонѣ, и то страсть какая. Идешь—молитвы всѣ перечитываешь. Ишь, бестія, такъ мимо тебя и дзанкнетъ!—прибавилъ онъ, обращая вниманіе на звукъ близко прожужжавшаго осколка.—Вотъ теперича,—продолжалъ Николаевъ:—велѣлъ ваше благородіе проводить. Наше дѣло извѣстно, что приказано, то долженъ исполнять; а вѣдь повозку такъ на какого-то солдатишку бросили, и узелъ развязанъ... Иди да иди; а что изъ имѣнія пропадетъ, Николаевъ отвѣчай.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, они вышли на площадь. Николаевъ молчалъ и вздыхалъ.

— Вонъ антилерія ваша стоитъ, ваше благородіе!—сказалъ онъ вдругъ:—у часового спросите: онъ вамъ покажетъ.

И Володя, пройдя нѣсколько шаговъ, пересталъ слышать за собой звуки вздоховъ Николаева.

Онъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно, окончательно однимъ. Это сознаніе одиночества въ опасности передъ смертью, какъ ему казалось, ужасно тяжелымъ холоднымъ камнемъ легло ему на сердце. Онъ остановился посреди площади, оглянулся, не видитъ-ли его кто-нибудь, схватился за голову и съ ужасомъ проговорилъ и подумалъ: „Господи! неужели я трусъ, подлый, гадкій, ничтожный трусъ... неужели за отечество, за царя, за котораго съ наслажденіемъ мечталъ умереть недавно? Нѣтъ! я несчастное, жалкое созданіе!“ И Володя, съ истиннымъ чув-

ствомъ отчаянія и разочарованія въ самомъ себѣ, спросилъ у часового домъ батарейнаго командира и пошелъ по указанному направленію.

XII.

Жилище батарейнаго командира, которое указалъ ему часовой, былъ небольшой двухъэтажный домикъ, со входомъ со двора. Въ одномъ изъ оконъ, залѣпленномъ бумагой, свѣтился слабый огонекъ свѣчки. Денщикъ сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку. Онъ пошелъ доложить батарейному командиру и ввелъ Володю въ комнату. Въ комнатѣ между двухъ оконъ, подъ разбитымъ зеркаломъ, стоялъ столъ, заваленный казенными бумагами, нѣсколько стульевъ и желѣзная кровать съ чистою постелью и маленькимъ коврикомъ около нея.

Около самой двери стоялъ красивый мужчина съ большими усами—фельдфебель,—въ тесакѣ и шинели, на которой висѣли крестъ и венгерская медаль. По серединѣ комнаты взадъ и впередъ ходилъ невысокій, лѣтъ сорока штабъ-офицеръ, съ подвязанною распухшею щекой, въ тонкой старенькой шинели.

— Честь имѣю явиться, прикомандированный въ 5-ю легкую, прапорщикъ Козельцовъ 2-й,—проговорилъ Володя заученную фразу, входя въ комнату.

Батарейный командиръ сухо отвѣтилъ на поклонъ и, не подавая руки, пригласилъ его садиться.

Володя робко опустился на стулъ подлѣ письменнаго стола, и сталъ перебирать въ пальцахъ ножницы, попавшіяся ему въ руки. Батарейный командиръ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову, только изрѣдка поглядывая на руки, вертѣвшія ножницы, молча продолжалъ ходить по комнатѣ, съ видомъ человѣка, припоминающаго что-то.

Батарейный командиръ былъ довольно толстый человѣкъ, съ большою плѣшью на маковкѣ, густыми усами, пущенными прямо и закрывавшими ротъ, и пріятными карими глазами. Руки у него были красивыя, чистыя и пухлыя, ножки очень вывернутыя и

ступавшія съ увѣренностью и нѣкоторымъ щегольствомъ, показывавшимъ, что батарейный командиръ былъ человѣкъ незастѣнчивый.

— Да,—сказалъ онъ, останавливаясь противъ фельдфебеля:—ящичнымъ надо будетъ съ завтрашняго дня еще по гарнцу прибавить: а то онѣ у насъ худы. Какъ ты думаешь?

— Что жъ, прибавить можно, ваше высокоблагородіе! Теперь все подешевле овесъ сталъ,—отвѣчалъ фельдфебель, шевеля пальцы на рукахъ, которые онъ держалъ по швамъ, но которые очевидно любили жестомъ помогать разговору.—А еще фуражиръ нашъ Франчукъ вчера мнѣ изъ обоза записку прислалъ, ваше высокоблагородіе, что осей непремѣнно намъ нужно будетъ тамъ купить—говорятъ, дешевы. Такъ какъ изволите приказать?

— Что жъ, купить: вѣдь у него деньги есть.—И батарейный командиръ снова сталъ ходить по комнатѣ.—А гдѣ ваши вещи?—спросилъ онъ вдругъ у Володи, останавливаясь противъ него.

Бѣднаго Володю такъ одолѣвала мысль, что онъ трусъ, что въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ онъ находилъ презрѣніе къ себѣ, какъ къ жалкому трусу. Ему показалось, что батарейный командиръ уже проникъ его тайну и подтруниваетъ надъ нимъ. Онъ, смутившись, отвѣчалъ, что вещи на Графской и что завтра братъ обѣщалъ ихъ доставить ему.

Но подполковникъ не дослушалъ его и, обратясь къ фельдфебелю, спросилъ:

— Гдѣ бы намъ помѣстить прапорщика?

— Прапорщика-съ?—сказалъ фельдфебель, еще больше смущая Володю бѣглымъ, брошеннымъ на него взглядомъ, выражавшимъ какъ-будто вопросъ: „что это за прапорщикъ?“—Да вотъ-съ внизу, ваше высокоблагородіе, у штабсъ-капитана могутъ помѣститься ихъ благородіе,—продолжалъ онъ, подумавъ немного:—теперь штабсъ-капитанъ на баксіонѣ, такъ ихняя койка пустая остается.

— Такъ вотъ не угодно ли-съ покамѣстъ?—сказалъ батарейный командиръ.—Вы, я думаю, устали, а завтра лучше устроимъ.

Володя всталъ и поклонился.

— Не угодно ли чаю?—сказалъ батарейный командиръ, когда онъ уже подходилъ къ двери.—Можно самоваръ поставить.

Володя поклонился и вышелъ. Полковничій денщикъ провелъ его внизъ и ввелъ въ голую грязную комнату, въ которой валялся разный хламъ и стояла желѣзная кровать безъ бѣлья и одѣяла. На кровати, накрывшись толстою шинелью, спалъ какой-то человѣкъ въ розовой рубашкѣ.

Володя принялъ его за солдата.

— Петръ Николаичъ! — сказалъ денщикъ, толкая за плечо спящаго.—Тутъ прапорщикъ лягутъ... Это нашъ юнкеръ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ прапорщику.

— Ахъ, не безпокойтесь, пожалуйста!—сказалъ Володя; но юнкеръ, высокій, плотный, молодой мужчина, съ красивою, но весьма глупою физіономіей, всталъ съ кровати, накинулъ шинель и, видимо, не проснувшись еще хорошенько, вышелъ изъ комнаты.

— Ничего, я на дворѣ лягу,—пробормоталъ онъ.

XIII.

Оставшись наединѣ съ своими мыслями, первымъ чувствомъ Володи былъ страхъ того безпорядочнаго, безотраднаго состоянія, въ которомъ находилась душа его. Ему захотѣлось заснуть и забыть все окружающее и, главное, самого себя. Онъ потушилъ свѣчку, легъ на постель и, снявъ съ себя шинель, закрылся ею съ головою, чтобъ избавиться отъ страха темноты, которому онъ еще съ дѣтства былъ подверженъ. Но вдругъ ему пришла мысль, что прилетитъ бомба, пробьетъ крышу и убьетъ его. Онъ сталъ вслушиваться; надъ самою его головой слышались шаги батарейнаго командира.

„Впрочемъ, если и прилетитъ,—подумалъ онъ,—то прежде убьетъ наверху, а потомъ меня; по крайней мѣрѣ не меня одного“. Эта мысль успокоила его немного; онъ сталъ было за-

сыпать. „Ну что, если вдругъ ночью возьмутъ Севастополь, и французы ворвутся сюда? Чѣмъ я буду защищаться?“ — Онъ опять всталъ и походилъ по комнатѣ. Страхъ дѣйствительной опасности подавилъ таинственный страхъ мрака. Кромѣ сѣдла и самовара въ комнатѣ ничего твердаго не было. „Я подлецъ, я трусъ, мерзкій трусъ!“ вдругъ подумалъ онъ и снова перешелъ къ тяжкому чувству презрѣнія, отвращенія даже къ самому себѣ. Онъ снова легъ и старался не думать. Тогда впечатлѣнія дня невольно возникали въ воображеніи, при неперестающихъ звукахъ, заставляющихъ дрожать стекла въ единственномъ окнѣ, и снова напоминали объ опасности: то ему грезились раненые и кровь, то бомбы и осколки, которые влетаютъ въ комнату, то хорошенькая сестра милосердія, дѣлающая ему, умирающему, перевязку и плачущая надъ нимъ, то мать его, провожающая его въ уѣздномъ городѣ и горячо со слезами молящаяся передъ чудотворною иконой, и снова сонъ кажется ему невозможенъ. Но вдругъ мысль о Богѣ всемогущемъ, который все можетъ сдѣлать и услышать всякую молитву, ясно пришла ему въ голову. Онъ сталъ на колѣни, перекрестился и сложилъ руки такъ, какъ его въ дѣтствѣ еще учили молиться. Этотъ жестъ вдругъ перенесъ его къ давно забытому отрадному чувству.

„Если нужно умереть, нужно, чтобы меня не было, сдѣлай это, Господи,—подумалъ онъ,—поскорѣе сдѣлай это; но если нужна храбрость, нужна твердость, которыхъ у меня нѣтъ, дай мнѣ ихъ, избави отъ стыда и позора, которыхъ я не могу переносить, но научи, что мнѣ дѣлать, чтобъ исполнить Твою волю“.

Дѣтская, запуганная, ограниченная душа вдругъ возмужала, просвѣтлѣла и увидѣла новые, обширные, свѣтлые горизонты. Много еще передумалъ и перечувствовалъ онъ въ то короткое время, пока продолжалось это чувство. Онъ заснулъ скоро покойно и безпечно, подъ звуки продолжавшагося гула бомбардированія и дрожанія стеколъ.

Господи Великій! только Ты одинъ слышалъ и знаешь тѣ

простыя, но жаркія и отчаянныя мольбы невѣдѣнія, смутнаго раскаянія, просьбы исцѣленія тѣла и просвѣтлѣнія души, которыя восходили къ Тебѣ изъ этого страшнаго мѣста смерти, отъ генерала, за секунду передъ этимъ думавшаго о Георгіи на шею и со страхомъ чующаго близость Твою, до простого солдата, повалившагося на голомъ полу Николаевской батареи и просящаго Тебя дать ему тамъ безсознательно предчувствуемую имъ награду за всѣ страданія!...

XIV.

Старшій Козельцовъ, встрѣтивъ на улицѣ солдата своего полка, съ нимъ вмѣстѣ направился прямо къ 5-му бастіону.

— Подъ стѣнкой держитесь, ваше благородіе!—сказалъ солдатъ.

— А что?

— Опасно, ваше благородіе: вонъ она ужъ черезъ несетъ,— сказалъ солдатъ, прислушиваясь къ звуку просвистѣвшаго ядра, ударившагося о сухую дорогу по той сторонѣ улицы.

Козельцовъ, не слушая солдата, бодро пошелъ посреди улицы.

Все тѣ же были улицы, тѣ же, даже болѣе частые огни, звуки, стоны, встрѣчи съ ранеными и тѣ же батареи, бруствера и траншеи, какіе были весною, когда онъ былъ въ Севастополѣ; но все это почему-то было теперь грустнѣе и вмѣстѣ энергичнѣе; пробоинъ въ домахъ больше, огней въ окнахъ уже совсѣмъ нѣтъ, исключая Кущина дома (госпиталя), женщины ни одной не встрѣчается, на всемъ лежитъ не прежній характеръ привычки и безпечности, а какая-то печать тяжелаго ожиданія и усталости.

Но вотъ уже послѣдняя траншея, вотъ и голосъ солдатика II. полка, узнавшаго своего прежняго ротнаго командира, вотъ и третій баталіонъ стоитъ въ темнотѣ, прижавшись у стѣнки, изрѣдка, на мгновеніе освѣщаемый выстрѣлами и слышный сдержаннымъ говоромъ, побрякиваніемъ ружей.

— Гдѣ командиръ полка?—спросилъ Козельцовъ.

— Въ блиндажѣ, у флотскихъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ услужливый солдатикъ.—Пожалуйте, я васъ провожу.

Изъ траншей въ траншею солдатъ привелъ Козельцова къ канавкѣ въ траншеѣ. Въ канавкѣ сидѣлъ матросъ, покуривая трубочку; за нимъ виднѣлась дверь, въ щели которой просвѣчивалъ огонь.

— Можно войти?

— Сейчасъ доложу,—и матросъ вошелъ въ дверь.

Два голоса говорили за дверью.

— Если Пруссія будетъ продолжать держать нейтралитетъ,— говорилъ одинъ голосъ:—то Австрія тоже...

— Да что Австрія,—говорилъ другой, — когда славянскія земли... ну, проси.

Козельцовъ никогда не былъ въ этомъ блиндажѣ. Онъ поразилъ его своею щеголеватостью. Полъ былъ паркетный, ширмочки закрывали дверь. Двѣ кровати стояли по стѣнамъ, въ углу стояла большая, въ золотой ризѣ, икона Божіей Матери и передъ ней горѣла розовая лампадка. На одной изъ кроватей спалъ морякъ, совершенно одѣтый, на другой, передъ столомъ, на которомъ стояли двѣ бутылки начатаго вина, сидѣли разговаривавшіе—новый полковой командиръ и адъютантъ. Хотя Козельцовъ далеко былъ не трусъ и рѣшительно ни въ чемъ не былъ виноватъ ни передъ правительствомъ, ни передъ полковымъ командиромъ, но онъ робѣлъ при видѣ полковника, бывшаго недавняго своего товарища: такъ гордо всталъ этотъ полковникъ и выслушалъ его. „Странно,—подумалъ Козельцовъ, глядя на своего командира, — только семь недѣль, какъ онъ принялъ полкъ, а какъ ужъ во всемъ его окружающемъ, въ его одеждѣ, осанкѣ, взглядѣ видна власть полкового командира. Давно ли, думалъ онъ, этотъ самый Батрищевъ кучивалъ съ нами, носилъ по недѣлямъ ситцевую немаркую рубашку и ѣдалъ, никого не приглашая къ себѣ, вѣчные битки и вареники? а теперь! и въ глазахъ это выраженіе холодной гордости, которая гово-

ритъ вамъ: хотя я тебѣ и товарищъ, потому что я полковой командиръ новой школы, но повѣрь, что я знаю, какъ ты готовъ бы полъ жизни отдать за то только, чтобы быть на моемъ мѣстѣ!“

— Вы долгонько лѣчились,—сказалъ полковникъ Козельцову холодно, глядя на него.

— Боленъ былъ, полковникъ! еще и теперь рана хорошенько не закрылась.

— Такъ вы напрасно пріѣхали,—глядя съ недовѣрчивымъ взглядомъ на полную фигуру офицера, сказалъ полковникъ.— Вы можете, однако, исполнять службу?

— Какъ же-съ, я могу-съ.

— Ну, я очень радъ-съ. Такъ вы примите отъ прапорщика Зайцева девятую роту—вашу прежнюю; сейчасъ же вы получите приказъ.

— Слушаю-съ.

— Потрудитесь, когда вы пойдете, послать ко мнѣ полкового адъютанта,—заключилъ полковой командиръ, легкимъ поклономъ давая чувствовать, что аудіенція кончена.

Выйдя изъ блиндажа, Козельцовъ нѣсколько разъ промычалъ что-то и подернулъ плечами, какъ-будто ему было отчего-то больно, неловко или досадно, и досадно не на полкового командира (не за что), а самъ собою, всѣмъ окружающимъ онъ былъ какъ-будто недоволенъ.

XV.

Козельцовъ, прежде чѣмъ итти къ своимъ офицерамъ, пошелъ поздороваться съ своею ротой и посмотрѣть, гдѣ она стоитъ. Бруствера изъ туровъ, фигуры траншей, пушки, мимо которыхъ онъ проходилъ, даже осколки, бомбы, на которые онъ спотыкался по дорогѣ,—все это, безпрестанно освѣщаемое огнями выстрѣловъ, было ему хорошо знакомо; все это живо врѣзалось у него въ памяти, три мѣсяца тому назадъ, въ продолженіе двухъ недѣль, которыя онъ безвыходно провелъ на этомъ са-

момъ бастіонѣ. Хотя много было ужаснаго въ этомъ воспоминаніи, но какая-то прелесть прошедшаго примѣшивалась къ нему, и онъ съ удовольствіемъ, какъ-будто пріятны были проведенныя здѣсь двѣ недѣли, узнавалъ знакомые мѣста и предметы. Рота была расположена по оборонительной стѣнкѣ къ 6-му бастіону.

Козельцовъ вошелъ въ длинный, совершенно открытый со стороны входа блиндажъ, въ которомъ, ему сказали, стоитъ 9-я рота. Буквально ноги некуда было поставить во всемъ блиндажѣ: такъ онъ отъ самаго входа наполненъ былъ солдатами. Въ одной сторонѣ его свѣтилась сальная кривая свѣчка, которую лежа держалъ солдатикъ, освѣщая книгу, которую по складамъ читалъ другой. Около свѣчки, въ смрадномъ полусвѣтѣ блиндажа, видны были поднятыя головы, жадно слушающія чтеца. Книжка была азбука. Входя въ блиндажъ, Козельцовъ услышалъ слѣдующее:

„Мо-ли-тва послѣ уче-нія. Благодарю Те-бя Соз-да-телю..."

— Снимите со свѣчки-то!—сказалъ голосъ.—Книжка славная.—Богъ... мой...—продолжалъ чтецъ.

Когда Козельцовъ спросилъ фельдфебеля, чтецъ замолкъ, солдаты зашевелились, закашляли, засморкались, какъ всегда послѣ сдержаннаго молчанія, фельдфебель, застегиваясь, поднялся около группы чтеца и, шагая черезъ и по ногамъ тѣхъ, которымъ некуда было убрать ихъ, вышелъ къ офицеру.

— Здравствуй, братъ? Что, это все наша рота?

— Здравія желаемъ! съ пріѣздомъ, ваше благородіе — отвѣчалъ фельдфебель, весело и дружелюбно глядя на Козельцова.— Какъ здоровьемъ поправились, ваше благородіе? Ну и слава Богу. А то мы безъ васъ соскучились.

Видно было сейчасъ, что Козельцова любили въ ротѣ.

Въ глубинѣ блиндажа послышались голоса: „старый ротный пріѣхалъ, что раненый былъ, Козельцовъ Михаилъ Семенычъ", и т. п.; нѣкоторые даже пододвинулись къ нему, барабанщикъ поздоровался.

— Здравствуй, Обанчукъ!—сказалъ Козельцовъ: — цѣлъ?— Здорово, ребята!—сказалъ онъ потомъ, возвышая голосъ.

— Здравія желаемъ!—загудѣло въ блиндажѣ.

— Какъ поживаете, ребята?

— Плохо, ваше благородіе: одолѣваетъ французъ, — такъ дурно бьетъ изъ-за шанцевъ, да и шабашъ! а въ поле не выходитъ.

— Авось, на мое счастіе, Богъ дастъ и выйдутъ въ поле, ребята!—сказалъ Козельцовъ.—Ужъ мнѣ съ вами не въ первый разъ: опять поколотимъ.

— Рады стараться, ваше благородіе!—сказало нѣсколько голосовъ.

— Что же, они, точно смѣлые,—сказалъ голосъ.

— Ужасно какіе смѣлые!—сказалъ барабанщикъ, не громко, но такъ, что слышно было, обращаясь къ другому солдату, какъ-будто оправдываясь передъ нимъ въ словахъ ротнаго командира и убѣждая его, что въ этихъ словахъ ничего не было хвастливаго и неправдоподобнаго.

Отъ солдатиковъ Козельцовъ перешелъ въ оборонительную казарму, къ товарищамъ офицерамъ.

XVI.

Въ большой комнатѣ казармы было пропасть народа: морскіе, артиллерійскіе и пѣхотные офицеры. Одни спали, другіе разговаривали, сидя на какомъ-то ящикѣ и лафетѣ крѣпостной пушки; третьи, составляя самую большую и шумную группу за сводомъ, сидѣли на полу, на двухъ разостланныхъ буркахъ, пили портеръ и играли въ карты.

— А! Козельцовъ, Козельцовъ! хорошо, что пріѣхалъ, молодецъ!.. Что рана?—послышалось съ разныхъ сторонъ.—И здѣсь видно было, что его любятъ и рады его пріѣзду.

Пожавъ руки знакомымъ, Козельцовъ присоединился къ шумной группѣ, составившейся изъ нѣсколькихъ офицеровъ, играв-

шихъ въ карты. Между ними были тоже его знакомые. Красивый худощавый брюнетъ, съ длиннымъ сухимъ носомъ и большими усами, продолжавшимися отъ щекъ, металъ банкъ бѣлыми сухими пальцами, на одномъ изъ которыхъ былъ большой золотой перстень съ гербомъ. Онъ металъ прямо и неаккуратно, видимо чѣмъ-то взволнованный,—только желая казаться небрежнымъ. Подлѣ него, по правую руку, лежалъ, облокотясь, сѣдой майоръ и съ афектаціей хладнокровія понтировалъ по полтиннику и тотчасъ же расплачивался. По лѣвую руку, на корточкахъ, сидѣлъ красный, съ потнымъ лицомъ офицерикъ, принужденно улыбался и шутилъ. Когда били его карты, онъ шевелилъ безпрестанно одной рукой въ пустомъ карманѣ шароваръ. Онъ игралъ большой маркой, но очевидно уже не на чистыя, что именно и коробило красиваго брюнета. По комнатѣ, держа въ рукахъ большую кипу ассигнацій, ходилъ плѣшивый, съ огромнымъ носомъ и ртомъ, худой и блѣдный офицеръ и все ставилъ вабанкъ на наличныя деньги и выигрывалъ.

Козельцовъ выпилъ водки и подсѣлъ къ играющимъ.

— Понтирните-ка, Михаилъ Семеновичъ,—сказалъ ему банкометъ:—денегъ пропасть, я чай, привезли.

— Откуда у меня деньгамъ быть! напротивъ, послѣднія въ городѣ спустилъ.

— Какъ же! вздули ужъ вѣрно кого-нибудь въ Симферополѣ.

— Право, мало,—сказалъ Козельцовъ, но, видимо не желая, чтобъ ему вѣрили, разстегнулся и взялъ въ руки старыя карты.

— Попытаться нечто: чѣмъ чортъ не шутитъ! и комаръ бываетъ, что, знаете, какія штуки дѣлаетъ. Выпить только надо для храбрости.

И въ непродолжительномъ времени онъ, выпивъ другую рюмочку водки и нѣсколько портера, проигрывалъ послѣдніе три рубля.

На маленькомъ вспотѣвшемъ офицерѣ было написано полтораста рублей.

— Нѣтъ, не везетъ,—сказалъ онъ, небрежно приготавливая новую карту.

— Потрудитесь прислать,—сказалъ ему банкометъ, на минуту останавливаясь метать и взглядывая на него.

— Позвольте завтра прислать, — отвѣчалъ потный офицеръ, вставая и усиленно перебирая рукой въ пустомъ карманѣ.

— Гм!—промычалъ банкометъ и злостно бросая направо, налѣво, дометалъ талію.—Однако, этакъ нельзя,—сказалъ онъ, положивъ карты:—я бастую. Этакъ нельзя, Захаръ Иванычъ,—прибавилъ онъ:—мы играли на чистыя, а не на мѣлокъ.

— Что жъ, развѣ вы во мнѣ сомнѣваетесь? Странно, право!

— Съ кого прикажете получить?—пробормоталъ майоръ, выигравшій что-то рублей восемь.—Я прислалъ уже больше двадцати рублей, а выигралъ,—ничего не получаю.

— Откуда же и я заплачу?—сказалъ банкометъ:—когда на столѣ денегъ нѣтъ.

— Я знать не хочу! — закричалъ майоръ, поднимаясь: — я играю съ вами, а не съ ними.

Потный офицеръ вдругъ разгорячился.

— Я говорю, что заплачу завтра: какъ же вы смѣете мнѣ говорить дерзость?

— Я говорю, что хочу! такъ не дѣлаютъ—вотъ что!—кричалъ майоръ.

— Полноте, Ѳедоръ Ѳедоровичъ!—заговорили всѣ, удерживая майора.

Но опустимъ скорѣе занавѣсу надъ этою сценой. Завтра, нынче же, можетъ-быть, каждый изъ этихъ людей весело и гордо пойдетъ навстрѣчу смерти и умретъ твердо и спокойно; но одна отрада жизни въ тѣхъ, ужасающихъ самое холодное воображеніе, условіяхъ, отсутствія всего человѣческаго и безнадежности выхода изъ нихъ, одна отрада есть забвеніе, уничтоженіе сознанія. На днѣ души каждаго лежитъ та благородная искра, которая сдѣлаетъ изъ него героя; но искра эта устаетъ горѣть ярко—придетъ роковая минута, она вспыхнетъ пламенемъ и освѣтитъ великія дѣла.

XVII.

На другой день бомбардированіе продолжалось съ тою же силою. Часовъ въ одиннадцать утра, Володя Козельцовъ сидѣлъ въ кружкѣ батарейныхъ офицеровъ и, уже успѣвъ немного привыкнуть къ нимъ, всматривался въ новыя лица, наблюдалъ, разспрашивалъ и разсказывалъ. Скромная, нѣсколько притязательная на ученость, бесѣда артиллерійскихъ офицеровъ внушала ему уваженіе и нравилась. Стыдливая же, невинная и красивая наружность Володи располагала къ нему офицеровъ. Старшій офицеръ въ батареѣ, капитанъ, невысокій, рыжеватый мужчина, съ хохолкомъ и гладенькими височками, воспитанный по старымъ преданіямъ артиллеріи, дамскій кавалеръ и будто бы ученый, разспрашивалъ Володю о знаніяхъ его въ артиллеріи, новыхъ изобрѣтеніяхъ, ласково подтрунивая надъ его молодостью и хорошенькимъ личикомъ и вообще обращаясь съ нимъ, какъ отецъ съ сыномъ, что очень пріятно было Володѣ. Подпоручикъ Дяденко молодой офицеръ, говорившій хохлацкимъ выговоромъ, въ оборванной шинели и съ взъерошенными волосами, хотя и говорилъ весьма громко и безпрестанно ловилъ случаи о чемъ-нибудь желчно поспорить и имѣлъ рѣзкія движенія, все-таки нравился Володѣ, который подъ этою грубою внѣшностью не могъ не видѣть въ немъ очень хорошаго и чрезвычайно добраго человѣка. Дяденко предлагалъ безпрестанно Володѣ свои услуги и доказывалъ ему, что всѣ орудія въ Севастополѣ поставлены не по правиламъ. Поручикъ Черновицкій, съ высокоподнятыми бровями, хотя и былъ учтивѣе всѣхъ и одѣтъ въ сюртукъ довольно чистый, хотя и не новый, но тщательно заплатанный и выказывалъ золотую цѣпочку на атласномъ жилетѣ, не нравился Володѣ. Онъ все разспрашивалъ, что дѣлаютъ государь и военный министръ, и разсказывалъ ему съ ненатуральнымъ восторгомъ подвиги храбрости, совершонные въ Севастополѣ, жалѣлъ о томъ, какъ мало было истинныхъ патріотовъ, вообще выказывалъ много знанія, ума и

благородныхъ чувствъ; но почему-то все это казалось Володѣ непріятнымъ и неестественнымъ. Главное, онъ замѣчалъ, что прочіе офицеры почти не говорили съ Черновицкимъ. Юнкеръ Влангъ, котораго онъ разбудилъ вчера, тоже былъ тутъ. Онъ ничего не говорилъ, но, скромно сидя въ уголкѣ, смѣялся, когда было что-нибудь смѣшное, вспоминалъ, когда забывали что-нибудь, подавалъ водку и дѣлалъ папиросы для всѣхъ офицеровъ. Скромныя ли, учтивыя манеры Володи, который обращался съ нимъ такъ же, какъ и съ офицеромъ, и не помыкалъ имъ, какъ мальчишкой, или пріятная наружность плѣнили Влангу, какъ называли его солдаты, склоняя почему-то въ женскомъ родѣ его фамилію, только онъ не спускалъ своихъ добрыхъ большихъ глазъ съ лица новаго офицера, предугадывалъ и предупреждалъ всѣ его желанія и все время находился въ какомъ-то любовномъ экстазѣ, который, разумѣется, замѣтили и подняли на смѣхъ офицеры.

Передъ обѣдомъ смѣнился штабсъ-капитанъ съ бастіона и присоединился къ ихъ обществу. Штабсъ-капитанъ Краутъ былъ бѣлокурый, красивый, бойкій офицеръ, съ большими рыжими усами и бакенбардами; онъ говорилъ по-русски отлично, но слишкомъ правильно и красиво для русскаго. Въ службѣ и въ жизни онъ былъ такъ же, какъ въ языкѣ: онъ служилъ прекрасно, былъ отличный товарищъ, самый вѣрный человѣкъ по денежнымъ отношеніямъ; но просто, какъ человѣкъ, именно оттого, что все было какъ-то хорошо, чего-то не доставало. Какъ всѣ русскіе нѣмцы, по странной противоположности съ идеальными нѣмецкими нѣмцами, онъ былъ „praktisch“ въ высшей степени.

— Вотъ онъ, нашъ герой является!—сказалъ капитанъ, въ то время, какъ Краутъ, размахивая руками и побрякивая шпорами, входилъ въ комнату.—Чего хотите, Фридрихъ Крестьянычъ: чаю или водки?

— Я ужъ приказалъ себѣ чайку поставить,—отвѣчалъ онъ:—а водочки покамѣсть хватить можно для услажденія души. Очень

пріятно познакомиться; прошу насъ любить и жаловать,—сказалъ онъ Володѣ, который, вставъ, поклонился ему:—штабсъ-капитанъ Краутъ... Мнѣ на бастіонѣ фейерверкеръ сказывалъ, что вы прибыли еще вчера.

— Очень вамъ благодаренъ за вашу постель: я ночевалъ на ней.

— Покойно ли вамъ только было? тамъ одна ножка сломана; да все некому починить—въ осадномъ-то положеніи,—ее подкладывать надо.

— Ну, что, счастливо отдежурили?—спросилъ Дяденко.

— Да, ничего; только Скворцову досталось, да лафетъ одинъ вчера починили. Вдребезги разбили станину.

Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить: видно было, что онъ весь находился подъ вліяніемъ пріятнаго чувства человѣка, только что вышедшаго изъ опасности.

— Что, Дмитрій Гаврилычъ,—сказалъ онъ, потрясая капитана за колѣнки:—какъ поживаете, батюшка? что ваше представленіе—молчитъ еще.

— Ничего еще нѣтъ.

— Да и не будетъ ничего,—заговорилъ Дяденко:—я вамъ доказывалъ это прежде.

— Отчего же не будетъ?

— Оттого, что не такъ написали реляцію.

— Ахъ вы, спорщикъ, спорщикъ!—сказалъ Краутъ, весело улыбаясь:—настоящій хохолъ неуступчивый! Ну, вотъ вамъ на зло же, выйдетъ вамъ поручика.

— Нѣтъ не выйдетъ.

— Влангъ! принесите-ка мнѣ мою трубочку, да набейте,—сказалъ онъ, обратясь къ юнкеру, который тотчасъ же охотно побѣжалъ за трубкой.

Краутъ всѣхъ оживилъ: разсказывалъ про бомбардированіе, разспрашивалъ, что безъ него дѣлалось, заговаривалъ со всѣми.

XVIII.

— Ну, какъ? вы ужъ устроились у насъ?—спросилъ Краутъ у Володи...—Извините, какъ ваше имя и отечество? у насъ, вы знаете, ужъ такой обычай въ артиллеріи. Лошадку верховую пріобрѣли?

— Нѣтъ,—сказалъ Володя:—я не знаю, какъ быть. Я капитану говорилъ; у меня лошади нѣтъ, да и денегъ тоже нѣтъ, покуда я не получу фуражныхъ и подъемныхъ. Я хочу просить покамѣстъ лошади у батарейнаго командира, да боюсь, какъ бы онъ не отказалъ мнѣ.

— Аполлонъ Сергѣичь-то! — онъ произвелъ губами звукъ, выражающій сильное сомнѣніе, и посмотрѣлъ на капитана:— врядъ!

— Что жъ? откажетъ, не бѣда,—сказалъ капитанъ:—тутъ-то лошади, по правдѣ, и не нужно, а все попытать можно; я спрошу нынче.

— Какъ! вы его не знаете,—вмѣшался Дяденко,—другое что откажетъ, а имъ ни за что... хотите пари?..

— Ну, да вѣдь ужъ извѣстно, вы всегда противорѣчите.

— Оттого противорѣчу, что я знаю: онъ на другое скупъ, а лошадь дастъ, потому что ему нѣтъ разсчета отказать.

— Какъ нѣтъ разсчета, когда ему здѣсь по восьми рублей овесъ обходится!—сказалъ Краутъ:—разсчетъ-то есть не держать лишней лошади!

— Вы просите себѣ Скворца, Владиміръ Семенычъ! — сказалъ Влангъ, вернувшійся съ трубкой Краута: — отличная лошадка.

— Съ которой вы въ Сорокахъ въ канаву упали? А? Влангa?—замѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Нѣтъ, да что жъ вы говорите, по восьми рублей овесъ,— продолжалъ спорить Дяденко:—когда у него справка по десяти съ полтиной; разумѣется не разсчетъ.

— А еще бы у него ничего не оставалось! Небось вы будете

батарейнымъ командиромъ, такъ въ городъ не дадите лошади съѣздить!

— Когда я буду батарейнымъ командиромъ, у меня будутъ, батюшка, лошади по четыре гарнчика кушать, доходовъ не буду собирать, не бойтесь.

— Поживемъ, посмотримъ, — сказалъ штабсъ-капитанъ: — и вы будете такъ же поступать, и они, какъ будутъ батареей командовать, тоже,—прибавилъ онъ указывая на Володю.

— Отчего же вы думаете, Фридрихъ Крестьянычъ, что и они захотятъ воспользоваться? — вмѣшался Черновицкій; — можетъ у нихъ состояніе есть: такъ зачѣмъ же они станутъ пользоваться?

— Нѣтъ-съ, ужъ я... извините меня, капитанъ, — сказалъ Володя покраснѣвъ до ушей, — ужъ я это считаю неблагородно.

— Эге! какой онъ бѣдовый!—сказалъ Краутъ.

— Да это все равно: я только думаю, что если не мои деньги, то я не могу ихъ брать.

— А я вамъ вотъ что скажу, молодой человѣкъ,—началъ болѣе серьезнымъ тономъ штабсъ-капитанъ:—вы знаете ли, что когда вы командуете батареей, то вы, если хорошо поведете дѣла, ну и ладно; въ солдатское продовольствіе батарейный командиръ не вмѣшивается: ужъ это такъ искони ведется въ артиллеріи. Если вы дурной хозяинъ, у васъ ничего не останется. Теперь, вы должны издерживать, противъ положенія, на ковку разъ (онъ загнулъ одинъ палецъ), на аптеку—два (онъ загнулъ другой палецъ), на канцелярію—три, на подручныхъ лошадей по пятисотъ цѣлковыхъ платятъ, батюшка—это четыре, вы должны воротники перемѣнить солдатамъ, на уголь у васъ много выходитъ, столъ вы держите для офицеровъ. Если батарейный командиръ, вы должны жить прилично: вамъ и коляску нужно, и шубу, и другое, и третье, и десятое... да что и говорить.

— А главное,—подхватилъ капитанъ, молчавшій все время,—

вотъ что, Владиміръ Семенычъ: вы представьте себѣ, что человѣкъ, какъ я, напримѣръ, служитъ двадцать лѣтъ сперва на двухъ, а потомъ на трехстахъ рубляхъ жалованья: какъ не дать ему хоть за его службу кусокъ хлѣба подъ старость?

— Э! да что тутъ! — снова заговорилъ штабсъ-капитанъ:- вы не торопитесь судить, а поживите-ка да послужите.

Володѣ ужасно стало совѣстно и стыдно за то, что онъ такъ необдуманно сказалъ, и онъ пробормоталъ что-то и молча продолжалъ слушать, какъ Дяденко съ величайшимъ азартомъ принялся спорить и доказывать противное.

Споръ былъ прерванъ приходомъ денщика полковника, который звалъ кушать.

— А вы нынче скажите Аполлону Сергѣевичу, чтобъ онъ вина поставилъ,—сказалъ Черновицкій, застегиваясь, капитану.— И что онъ скупится? убьютъ, никому не достанется!

— Да вы сами скажите.

— Нѣтъ ужъ. Вы старшій офицеръ: надо порядокъ во всемъ.

XIX.

Столъ былъ отодвинутъ отъ стѣны и грязною скатертью накрытъ въ той самой комнатѣ, въ которой вчера Володя являлся полковнику. Батарейный командиръ нынче подалъ ему руку и разспрашивалъ про Петербургъ и про дорогу.

— Ну-съ, господа, кто водку пьетъ, милости просимъ.— Прапорщики не пьютъ,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

Вообще батарейный командиръ казался нынче вовсе не такимъ суровымъ, какъ вчера; напротивъ, онъ имѣлъ видъ добраго гостепріимнаго хозяина и старшаго товарища между офицерами. Но, несмотря на то, всѣ офицеры, отъ стараго капитана до прапорщика Дяденки, по одному тому, какъ они говорили, учтиво глядя въ глаза командиру, и какъ робко подходили другъ за другомъ пить водку, показывали къ нему большое уваженіе.

Обѣдъ состоялъ изъ большой миски щей, въ которои плавали жирные куски говядины и огромное количество перцу и лавроваго листа, польскихъ зразовъ съ горчицей и колдуновъ съ не совсѣмъ свѣжимъ масломъ. Салфетокъ не было, ложки были жестяныя и деревянныя, стакановъ было два, и на столѣ стоялъ только графинъ воды съ отбитымъ горлышкомъ; но обѣдъ былъ не скученъ: разговоръ не умолкалъ. Сначала рѣчь шла объ инкерманскомъ сраженіи, въ которомъ участвовала батарея, и изъ котораго каждый разсказывалъ свои впечатлѣнія и соображенія о причинахъ неудачи, и умолкалъ, когда начиналъ говорить самъ батарейный командиръ; потомъ разговоръ естественно перешелъ къ недостаточности калибра легкихъ орудій, къ новымъ облегченнымъ пушкамъ, при чемъ Володя успѣлъ показать свои знанія въ артиллеріи. Но на настоящемъ ужасномъ положеніи Севастополя разговоръ не останавливался, какъ-будто каждый слишкомъ много думалъ объ этомъ предметѣ, чтобъ еще говорить о немъ. Тоже объ обязанностяхъ службы, которыя долженъ былъ нести Володя, къ его удивленію и огорченію, совсѣмъ не было рѣчи, какъ-будто онъ пріѣхалъ въ Севастополь только затѣмъ, чтобы разсказывать объ облегченныхъ орудіяхъ и обѣдать у батарейнаго командира. Во время обѣда, недалеко отъ дома, въ которомъ они сидѣли, упала бомба. Полъ и стѣны задрожали, какъ отъ землетрясенія, и окна застлало пороховымъ дымомъ.

— Вы этого, я думаю, въ Петербургѣ не видали; а здѣсь часто бываютъ такіе сюрпризы, — сказалъ батарейный командиръ.

— Посмотрите, Влангъ, гдѣ это лопнуло.

Влангъ посмотрѣлъ и донесъ, что на площади, и о бомбѣ больше рѣчи не было.

Передъ самымъ концомъ обѣда, старичокъ, батарейный писарь, вошелъ въ комнату съ тремя запечатанными конвертами и подалъ ихъ батарейному командиру. „Вотъ этотъ весьма нужный, сейчасъ казакъ привезъ отъ начальника артиллеріи“.

Всѣ офицеры съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ смотрѣли на опытные въ этомъ дѣлѣ пальцы батарейнаго командира, сламывавшіе печать конверта и достававшіе *весьма нужную* бумагу. „Что это могло быть?“ дѣлалъ себѣ вопросъ каждый. Могло быть совсѣмъ выступленіе на отдыхъ изъ Севастополя, могло быть назначеніе всей батареи на бастіоны.

— Опять!—сказалъ батарейный командиръ, сердито швырнувъ на столъ бумагу.

— О чемъ, Аполлонъ Сергѣичъ?— спросилъ старшій офицеръ.

— Требуютъ офицера съ прислугой на какую-то тамъ мортирную батарею. У меня и такъ всего четыре человѣка офицеровъ и прислуги полной въ строй не выходитъ,—ворчалъ батарейный командиръ:—а тутъ требуютъ еще.—Однако, надо кому-нибудь итти, господа,—сказалъ онъ, помолчавъ немного:—приказано въ семь часовъ быть на рогаткѣ... Послать фельдфебеля! Кому же итти, господа? рѣшайте,—повторилъ онъ.

— Да вотъ они еще нигдѣ не были,—сказалъ Черновицкій, указывая на Володю.

Батарейный командиръ ничего не отвѣтилъ.

— Да я желалъ бы,—сказалъ Володя, чувствуя, какъ холодный потъ выступалъ у него на спинѣ и шеѣ.

— Нѣтъ зачѣмъ!—перебилъ капитанъ.—Разумѣется, никто не откажется, но и напрашиваться неслѣдъ; а коли Аполлонъ Сергѣичъ предоставляетъ это намъ, то кинуть жребій, какъ и тотъ разъ дѣлали.

Всѣ согласились. Краутъ нарѣзалъ бумажекъ, скаталъ ихъ и насыпалъ въ фуражку. Капитанъ шутилъ и даже рѣшился при этомъ случаѣ просить вина у полковника, для храбрости, какъ онъ сказалъ. Дяденко сидѣлъ мрачный, Володя улыбался чему-то. Черновицкій увѣрялъ, что непремѣнно ему достанется, Краутъ былъ совершенно спокоенъ.

Володѣ первому дали выбирать. Онъ взялъ одну бумажку, которая была подлиннѣе, но тутъ же ему пришло въ голову

перемѣнить,—взялъ другую, поменьше и тоньше, и, развернувъ, прочелъ на ней: „итти“.

— Мнѣ,—сказалъ онъ, вздохнувъ.

— Ну, и съ Богомъ. Вотъ вы и обстрѣляетесь сразу, — сказалъ батарейный, съ доброю улыбкой глядя на смущенное лицо прапорщика:—только поскорѣй собирайтесь. А чтобы вамъ веселѣе было, Влангъ пойдетъ за вами за орудійнаго фейерверкера.

XX.

Влангъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ назначеніемъ, живо побѣжалъ собираться и, одѣтый, пришелъ помогать Володѣ и все уговаривалъ его взять съ собой и койку, и шубу, старыя „Отечественныя записки“, и кофейникъ спиртовой, и другія ненужныя вещи. Капитанъ посовѣтовалъ Володѣ прочесть сначала по „Руководству“ *) о стрѣльбѣ изъ мортиръ и выписать тотчасъ же оттуда таблицы. Володя тотчасъ же принялся за дѣло и, къ удивленію и радости своей, замѣтилъ, что хотя чувства страха опасности и еще болѣе того, что онъ будетъ трусомъ, безпокоили еще его немного, но далеко не въ той степени, въ какой это было накапунѣ. Отчасти причиной тому было вліяніе дня и дѣятельности, отчасти, и, главное то, что страхъ, какъ и каждое сильное чувство, не можетъ въ одной степени продолжаться долго. Однимъ словомъ, онъ уже успѣлъ перебояться. Часовъ въ семь, только что солнце начинало прятаться за Николаевскою казармой, фельдфебель вошелъ къ нему и объявилъ, что люди готовы и дожидаются.

— Я *Влангу* списокъ отдалъ. Вы у него извольте спросить, ваше благородіе!—сказалъ онъ.

Человѣкъ двадцать артиллерійскихъ солдатъ, въ тесакахъ безъ принадлежности, стояли за угломъ дома. Володя вмѣстѣ съ юнкеромъ подошли къ нимъ. „Сказать ли имъ маленькую

*) *Руководство для артиллерійскихъ офицеровъ*, изданное Безакомъ.

рѣчь, или просто сказать: здорово, ребята! или ничего не сказать?“ подумалъ онъ.—„Да и отчего жъ не сказать: здорово, ребята! это должно даже“. И онъ смѣло крикнулъ своимъ звучнымъ голоскомъ: „здорово, ребята!“ Солдаты весело отозвались: молодой, свѣжій голосъ пріятно прозвучалъ въ ушахъ каждаго. Володя бодро шелъ впередъ солдатъ, и, хотя сердце у него стучало такъ, какъ будто онъ пробѣжалъ во весь духъ нѣсколько верстъ, походка у него была легкая и лицо веселое. Подходя уже къ самому Малахову кургану, поднимаясь на гору, онъ замѣтилъ, что Влангъ, ни на шагъ не отстававшій отъ него и дома казавшійся такимъ храбрымъ, безпрестанно сторонился и нагибалъ голову, какъ будто всѣ бомбы и ядра, уже очень часто свистѣвшія тутъ, летали прямо на него. Нѣкоторые изъ солдатиковъ дѣлали то же, и вообще, на большой части ихъ лицъ выражалась если не боязнь, то безпокойство. Эти обстоятельства окончательно успокоили и ободрили Володю.

„Такъ вотъ и я на Малаховомъ курганѣ, который я воображалъ въ тысячу разъ страшнѣе! И я могу итти, не кланяясь ядрамъ, и трушу даже гораздо меньше другихъ! Такъ я не трусъ?“ подумалъ онъ съ наслажденіемъ и даже нѣкоторымъ восторгомъ самодовольства.

Однако, это чувство было скоро поколеблено зрѣлищемъ, на которое онъ наткнулся въ сумеркахъ на Корниловской батареѣ, отыскивая начальника бастіона. Четыре человѣка матросовъ, около бруствера, за ноги и за руки держали окровавленный трупъ какого-то человѣка безъ сапогъ и шинели и раскачивали, желая перекинуть черезъ брустверъ. (На второй день бомбардированія не вездѣ успѣвали убирать тѣла на бастіонахъ и выкидывали ихъ въ ровъ, чтобъ они не мѣшали на батареяхъ.) Володя съ минуту остолбенѣлъ, увидалъ какъ трупъ ударился на вершину бруствера и потомъ скатился оттуда въ канаву; но на его счастіе тутъ же начальникъ бастіона встрѣтился ему, отдалъ приказанія и далъ проводника на батарею и въ блиндажъ, назначенный для прислуги. Не будемъ разсказывать,

сколько еще опасностей, разочарованій испыталъ нашъ герой въ тотъ же вечеръ: какъ, вмѣсто такой стрѣльбы, которую онъ видѣлъ на Волковомъ полѣ, при всѣхъ условіяхъ точности и порядка, которыя онъ надѣялся найти здѣсь, онъ нашелъ двѣ разбитыя мортирки, изъ которыхъ одна была смята ядромъ въ дулѣ, а другая стояла на щепкахъ разбитой платформы, какъ онъ не могъ до утра добиться рабочихъ, чтобы починить платформу, какъ ни одинъ зарядъ не былъ того вѣса, который означенъ былъ въ „Руководствѣ", какъ ранили двухъ солдатъ его команды, и какъ двадцать разъ онъ былъ на волоскѣ отъ смерти. По счастію, въ помощь ему назначенъ былъ огромнаго роста комендоръ, морякъ, сначала осады бывшій при мортирахъ и убѣдившій его въ возможности дѣйствовать изъ нихъ, съ фонаремъ водившій его ночью по всему бастіону, точно какъ по своему огороду, и обѣщавшій къ завтрему все устроить. Блиндажъ, къ которому привелъ его проводникъ, была вырытая въ каменномъ грунтѣ, въ двѣ кубическія сажени, продолговатая яма, накрытая аршинными дубовыми бревнами. Въ ней-то онъ помѣстился со всѣми своими солдатами. Влангъ первый, какъ только увидалъ въ аршинъ низенькую дверь блиндажа, опрометью, прежде всѣхъ, вбѣжалъ въ нее и, чуть не разбившись о каменный полъ, забился въ уголъ, изъ котораго уже не выходилъ больше. Володя же, когда всѣ солдаты помѣстились вдоль стѣнъ на полу, и нѣкоторые закурили трубочки, разбилъ свою кровать въ углу, зажегъ свѣчку и, закуривъ папироску, легъ на койку. Надъ блиндажемъ слышались безпрестанные выстрѣлы, но не слишкомъ громко, исключая одной пушки, стоявшей рядомъ и потрясавшей блиндажъ своимъ громомъ. Въ самомъ блиндажѣ было тихо; только солдаты, еще дичась новаго офицера, изрѣдка переговаривались, прося одинъ другого посторониться или огоньку трубочку закурить, крыса скреблась гдѣ-то между камнями, или Влангъ, не пришедшій еще въ себя и еще дико смотрѣвшій кругомъ, вздыхалъ вдругъ громкимъ вздохомъ. Володя на своей кровати, въ набитомъ

пародомъ тихомъ уголкѣ и освѣщенномъ одною свѣчкой, испытывалъ то чувство уютности, которое было у него, когда ребенкомъ, играя въ прятки, бывало, онъ залѣзалъ въ шкапъ или подъ юбку матери и, не переводя дыханія, слушалъ, боялся мрака и вмѣстѣ наслаждался чѣмъ-то. Ему было и жутко немножко, и весело.

XXI.

Минутъ черезъ десять солдатики поосмѣлились и поразговорились. Поближе къ огню и кровати офицера расположились люди позначительнѣе: — два фейерверкера — одинъ сѣдой, старый, со всѣми медалями и крестами, исключая георгіевскаго; другой—молодой изъ кантанистовъ, курившій верченыя папиросы. Барабанщикъ, какъ и всегда, взялъ на себя обязанность прислуживать офицеру. Бомбардиры и кавалеры сидѣли поближе, а ужъ тамъ, въ тѣни около входа, помѣстились *покорные*. Между ними-то и начался разговоръ. Поводомъ къ нему былъ шумъ быстро ввалившагося въ блиндажъ человѣка.

— Что, братъ, на улицѣ не посидѣлъ? или не весело дѣвки играютъ?—сказалъ одинъ голосъ.

— Такія пѣсни играютъ чудныя, что въ деревнѣ никогда не слыхивали,—сказалъ, смѣясь, тотъ, который вбѣжалъ въ блиндажъ.

— А не любитъ Васинъ бомбовъ, ахъ, не любитъ!—сказалъ одинъ изъ аристократическаго угла.

— Что жъ! когда нужно, совсѣмъ другая статья!—сказалъ медленно голосъ Васина, который когда говорилъ, то всѣ другіе замолкали. — 24-го числа такъ палили по крайности; а то что жъ дурно-то? даромъ убьетъ, и начальство за это нашему брату спасибо не говоритъ.

При этихъ словахъ Васина всѣ засмѣялись.

— Вотъ Мельниковъ, тотъ, небось, все на дворѣ сидитъ,—сказалъ кто-то.

— А пошлите его сюда, Мельникова-то,—прибавилъ старый фейерверкеръ:—и въ самомъ дѣлѣ убьютъ такъ, понапрасну.

— Что это за Мельниковъ?—спросилъ Володя.

— А такой у насъ, ваше благородіе, глупый солдатикъ есть. Онъ ничего какъ есть не боится и теперь все на дворѣ ходитъ. Вы его изволите посмотрѣть: онъ и изъ себя-то на *ведмѣдя* похожъ.

— Онъ заговоръ знаетъ,—сказалъ медлительный голосъ Васина изъ другого угла.

Мельниковъ вошелъ въ блиндажъ. Это былъ толстый (что чрезвычайная рѣдкость между солдатами), рыжій, красный мужчина, съ огромнымъ выпуклымъ лбомъ и выпуклыми ясно-голубыми глазами.

— Что, ты боишься бомбъ?—спросилъ Володя.

— Чего бояться бомбовъ-то!—отвѣчалъ Мельниковъ, пожимаясь и почесываясь:—меня изъ бомбы не убьютъ, я знаю.

— Такъ ты бы захотѣлъ тутъ жить?

— А, извѣстно, захотѣлъ бы. Тутъ весело! — сказалъ онъ, вдругъ расхохотавшись.

— О, такъ тебя надо на вылазку взять! хочешь, я скажу генералу?—сказалъ Володя, хотя онъ не зналъ здѣсь ни одного генерала.

— А какъ не хотѣть! хочу!

И Мельниковъ спрятался за другихъ.

— Давайте въ носки, ребята! У кого карты есть? — послышался его торопливый голосъ.

Дѣйствительно, скоро въ заднемъ углу завязалась игра,— слышались удары по носу, смѣхъ и козырянье. Володя напился чаю изъ самовара, который поставилъ ему барабанщикъ, угощалъ фейерверкеровъ, шутилъ, разговаривалъ съ ними, желая заслужить популярность, и очень довольный тѣмъ уваженіемъ, которое ему оказывали. Солдатики тоже, замѣтивъ, что баринъ простой, поразговорились. Одинъ разсказывалъ, какъ скоро кончится осадное положеніе Севастополя, потому что ему вѣрный флотскій человѣкъ разсказывалъ, какъ Константинъ, царевъ братъ, съ мериканскимъ флотомъ идетъ къ намъ на вы-

ручку, и еще какъ скоро уговоръ будетъ, чтобы не палить двѣ недѣли и отдыхъ дать, а коли кто выпалитъ, то за каждый выстрѣлъ семьдесятъ-пять копеекъ платить будетъ.

Васинъ, который, какъ успѣлъ разсмотрѣть Володя, былъ маленькій, съ большими добрыми глазами, бакенбардистъ, разсказалъ, при общемъ сначала молчаніи, а потомъ хохотѣ, какъ, пріѣхавъ въ отпускъ, сначала ему были рады, а потомъ отецъ его сталъ посылать на работу, а за женой лѣсничій поручикъ дрожки присылалъ. Все это чрезвычайно забавляло Володю. Онъ не только не чувствовалъ ни малѣйшаго страха или неудовольствія отъ тѣсноты и тяжелаго запаха въ блиндажѣ, но ему чрезвычайно весело и пріятно было.

Уже многіе солдаты храпѣли. Влангъ тоже растянулся на полу, и старый фейерверкеръ, разостлавъ шинель, крестясь, бормоталъ молитвы передъ сномъ, когда Володѣ захотѣлось выйти изъ блиндажа—посмотрѣть, что на дворѣ дѣлается.

— Подбирай ноги!—закричали другъ другу солдаты, только что онъ всталъ, и ноги, поджимаясь, дали ему дорогу.

Влангъ, казавшійся спящимъ, вдругъ поднялъ голову и схватилъ Володю за полу шинели.

— Ну полноте, не ходите, какъ можно!—заговорилъ онъ слезливо убѣдительнымъ тономъ:—вы еще не знаете: тамъ безпрестанно падаютъ ядра; лучше здѣсь.

Но, несмотря на просьбы Вланга, Володя выбрался изъ блиндажа и сѣлъ на порогѣ, на которомъ уже сидѣлъ Мельниковъ.

Воздухъ былъ чистый и свѣжій, — особенно послѣ блиндажа,—ночь была ясная и тихая. За гуломъ выстрѣловъ слышались: звукъ колесъ телѣгъ, привозившихъ туры, и говоръ людей, работающихъ на пороховомъ погребѣ. Надъ головами стояло высокое звѣздное небо, по которому безпрестанно пробѣгали огненныя полосы бомбъ; налѣво, въ аршинъ, маленькое отверстіе вело въ другой блиндажъ, изъ котораго виднѣлись ноги и спины матросовъ, жившихъ тамъ, и слышались голоса

ихъ; впереди виднѣлось возвышеніе порохового погреба, мимо котораго мелькали фигуры согнувшихся людей и на которомъ, на самомъ верху, подъ пулями и бомбами, которыя безпрестанно свистѣли въ этомъ мѣстѣ, стояла какая-то высокая фигура въ черномъ пальто, съ руками въ карманахъ, и ногами притаптывала землю, которую мѣшками носили туда другіе люди. Часто бомба пролетала и рвалась весьма близко отъ погреба. Солдаты, носившіе землю, пригибались, сторонились; черная же фигура не двигалась, спокойно утаптывая землю ногами и все въ томъ же положеніи оставалась на мѣстѣ.

— Кто это черный?—спросилъ Володя у Мельникова

— Не могу знать; пойду посмотрю.

— Не ходи: не нужно.

Но Мельниковъ, не слушая, всталъ, подошелъ къ черному человѣку и весьма долго также равнодушно и неподвижно стоялъ около него.

— Это погребной, ваше благородіе! — сказалъ онъ, возвратясь. — Погребокъ пробило бомбой, такъ пѣхотные землю носятъ.

Изрѣдка бомбы летѣли прямо, казалось, въ двери блиндажа. Тогда Володя прижимался за уголъ и снова высовывался, глядя наверхъ, не летитъ ли еще сюда. Хотя Влангъ нѣсколько разъ изъ блиндажа умолялъ Володю вернуться, онъ часа три просидѣлъ на порогѣ, находя какое-то удовольствіе въ испытываніи судьбы и наблюденіи за полетомъ бомбъ. Подъ конецъ вечера ужъ онъ зналъ, откуда сколько стрѣляетъ орудій и куда ложатся ихъ снаряды.

XXII.

На другой день, 27-го числа, послѣ десятичасового сна, Володя, свѣжій, бодрый, рано утромъ вышелъ на порогъ блиндажа. Влангъ тоже было вылѣзъ вмѣстѣ съ нимъ, но, при первомъ звукѣ пули, стремглавъ, пробивая себѣ головой дорогу, бросился назадъ въ отверстіе блиндажа, при общемъ хо-

хотѣ тоже большею частью повышедшихъ на воздухъ солдатиковъ. Только Влангъ, старикъ фейерверкеръ и нѣсколько другихъ выходили рѣдко въ траншею; остальныхъ нельзя было удержать: всѣ они повысыпали на свѣжій, утренній воздухъ изъ смраднаго блиндажа и, несмотря на столь же сильное, какъ и наканунѣ, бомбардированіе, расположились кто около порога, кто подъ брустверомъ. Мельниковъ уже съ самой зорьки прогуливался по батареямъ, равнодушно поглядывая вверхъ.

Около порога сидѣли два старыхъ и одинъ молодой, курчавый солдатъ, изъ жидовъ, прикомандированный изъ пѣхоты. Солдатъ этотъ, поднявъ одну изъ валявшихся пуль и черепкомъ расплюснувъ ее о камень, ножомъ вырѣзалъ изъ нея крестъ на манеръ георгіевскаго; другіе, разговаривая, смотрѣли на его работу. Крестъ, дѣйствительно, выходилъ очень красивъ.

— А что, какъ еще постоимъ здѣсь сколько-нибудь,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—такъ по замиреніи всѣмъ въ отставку срокъ выйдетъ.

— Какъ же, мнѣ и то всего четыре года до отставки оставалось, а теперь пять мѣсяцевъ простоялъ въ Севастополѣ.

— Къ отставкѣ не считается, слышь,—сказалъ другой.

Въ это время ядро просвистѣло надъ головами говорившихъ и въ аршинъ ударилось отъ Мельникова, подходившаго къ нимъ по траншеѣ.

— Чуть не убило Мельникова,—сказалъ одинъ.

— Не убьетъ,—отвѣчалъ Мельниковъ.

— Вотъ на же тебѣ крестъ за храбрость,—сказалъ молодой солдатъ, дѣлавшій крестъ, отдавая его Мельникову.

— Нѣтъ, братъ, тутъ, значитъ, мѣсяцъ за годъ, ко всему считается, на то приказъ былъ,—продолжался разговоръ.

— Какъ ни суди, безпремѣнно по замиреніи сдѣлаютъ смотръ царскій въ Оршавѣ, и коли не отставка, такъ въ безсрочные выпустятъ.

Въ это время визгливая, зацѣпившаяся пулька пролетѣла надъ самыми головами разговаривавшихъ и ударилась о камень.

— Смотри, еще до вечера въ *чистую* выйдешь, — сказалъ одинъ изъ солдатъ.

Всѣ засмѣялись.

И не только до вечера, но черезъ два часа уже двое изъ нихъ получили чистую, а пять были ранены; но остальные шутили точно такъ же.

Дѣйствительно, къ утру двѣ мортирки были приведены въ такое положеніе, что можно было стрѣлять изъ нихъ. Часу въ десятомъ, по полученному приказанію отъ начальника бастіона, Володя вызвалъ свою команду и съ нею вмѣстѣ пошелъ на батарею.

Въ людяхъ незамѣтно было и капли того чувства боязни, которое выражалось вчера, какъ скоро они принялись за дѣло. Только Влангъ не могъ преодолѣть себя: прятался и гнулся все такъ же, и Васинъ потерялъ нѣсколько свое спокойствіе, суетился и присѣдалъ безпрестанно. Володя же былъ въ чрезвычайномъ восторгѣ: ему не приходила и мысль объ опасности. Радость, что онъ исполняетъ свою обязанность, что онъ не только не трусъ, но даже храбръ, чувство командованія и присутствіе двадцати человѣкъ, которые, онъ зналъ, съ любопытствомъ смотрѣли на него, сдѣлали изъ него совершеннаго молодца. Онъ даже тщеславился своею храбростью, франтилъ передъ солдатами, вылѣзалъ на банкетъ и нарочно разстегнулъ шинель, чтобъ его замѣтнѣе было. Начальникъ бастіона, обходившій въ это время свое хозяйство, какъ онъ выражался, какъ ни привыкъ въ восемь мѣсяцевъ ко всѣмъ родамъ храбрости, не могъ не полюбоваться на этого хорошенькаго мальчика, въ растегнутой шинели, изъ-подъ которой видна была красная рубашка, обхватывающая бѣлую, нѣжную шею, съ разгорѣвшимся лицомъ и глазами, похлопывающаго руками и звонкимъ голосомъ командующаго: „первое, второе!“ и весело вбѣгающаго на брустверъ, чтобы посмотрѣть, куда падаетъ его

бомба. Въ половинѣ двѣнадцатаго стрѣльба съ обѣихъ сторонъ затихла, а ровно въ двѣнадцать часовъ начался штурмъ Малахова кургана, 2-го, 3-го и 5-го бастіоновъ.

XXIII.

По сю сторону бухты, между Инкерманомъ и Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, на холмѣ телеграфа, около полудня стояли два моряка: одинъ—офицеръ, смотрѣвшій въ трубу на Севастополь, и другой, вмѣстѣ съ казакомъ только что подъѣхавшій къ большой вехѣ.

Солнце свѣтло и высоко стояло надъ бухтой, игравшею съ своими стоящими кораблями и движущимися парусами и лодками, веселымъ и теплымъ блескомъ. Легкій вѣтерокъ едва шевелилъ листья засыхающихъ дубовыхъ кустовъ около телеграфа, надувалъ паруса лодокъ и колыхалъ волны. Севастополь, все тотъ же, съ своею недостроенною церковью, колонной, набережною, зеленѣющимъ на горѣ бульваромъ и изящнымъ строеніемъ библіотеки, съ своими маленькими лазуревыми бухточками, наполненными мачтами, живописными арками водопроводовъ, и съ облаками синяго порохового дыма, освѣщаемыми иногда багровымъ пламенемъ выстрѣловъ, все тотъ же красивый, праздничный, гордый Севастополь, окруженный съ одной стороны желтыми дымящимися горами, съ другой—ярко-синимъ, играющимъ на солнцѣ моремъ, виднѣлся на той сторонѣ бухты. Надъ горизонтомъ моря, по которому дымилась полоса чернаго дыма какого-то парохода, ползли длинныя бѣлыя облака, обѣщая вѣтеръ. По всей линіи укрѣпленій, особенно по горамъ лѣвой стороны, по нѣскольку вдругъ, безпрестанно, съ молніей, блестѣвшею иногда даже въ полуденномъ свѣтѣ, рождались клубки густого, сжатаго, бѣлаго дыма, разростались, принимая различныя формы, поднимались и темнѣе окрашивались въ небѣ. Дымки эти, мелькая то тамъ, то здѣсь, рождались по горамъ на батареяхъ непріятельскихъ, и въ городѣ, и высоко на небѣ.

Звуки взрывовъ не умолкали и, переливаясь, потрясали воздухъ...

Къ двѣнадцати часамъ дымки стали показываться рѣже и рѣже, воздухъ меньше колебался отъ гула.

— Однако 2-й бастіонъ ужъ совсѣмъ не отвѣчаетъ, — сказалъ гусарскій офицеръ, сидѣвшій верхомъ: — весь разбитъ! ужасно!

— Да и Малаховъ нечто на три ихъ выстрѣла посылаетъ одинъ,—отвѣчаетъ тотъ, который смотрѣлъ въ трубу:—это меня бѣситъ, что они молчатъ. Все прямо въ Корниловскую попадаютъ, и онъ ничего не отвѣчаетъ.

— А посмотри, къ двѣнадцати часамъ, я говорилъ, они всегда перестаютъ бомбардировать. Вотъ и нынче также. Поѣдемъ лучше завтракать... насъ ждутъ уже теперь... нечего смотрѣть.

— Постой, не мѣшай!—отвѣчалъ смотрѣвшій въ трубу, съ особенною жадностью глядя на Севастополь.

— Что тамъ? что?

— Движеніе въ траншеяхъ, густыя колонны идутъ.

— Да и такъ видно, — сказалъ морякъ: — идутъ колоннами Надо дать сигналъ.

— Смотри, смотри! вышли изъ траншеи.

Дѣйствительно, простымъ глазомъ видно было, какъ будто темныя пятна двигались съ горы черезъ балку отъ французскихъ батарей къ бастіонамъ. Впереди этихъ пятенъ видны были темныя полосы, уже около нашей линіи. На бастіонахъ вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы перебѣгая, бѣлые дымки выстрѣловъ. Вѣтеръ донесъ звуки ружейной, частой, какъ дождь бьетъ по окнамъ, перестрѣлки. Черныя полосы двигались въ самомъ дыму, ближе и ближе. Звуки стрѣльбы, усиливаясь и усиливаясь, слились въ продолжительный перекатывающійся грохотъ. Дымъ, поднимаясь чаще и чаще, расходился быстро по линіи и слился, наконецъ, въ одно лиловатое, свивающееся и развивающееся облако, въ которомъ кое-гдѣ едва

мелькали огни и черныя точки; всѣ звуки соединились въ одинъ перекатывающійся трескъ.

— Штурмъ!—сказалъ офицеръ, съ блѣднымъ лицомъ, отдавая трубку моряку.

Казаки проскакали по дорогѣ, офицеры верхами, главнокомандующій въ коляскѣ и со свитой, проѣхалъ мимо. На каждомъ лицѣ видны были тяжелое волненіе и ожиданіе.

— Не можетъ быть, чтобы взяли! — сказалъ офицеръ на лошади.

— Ей-Богу, знамя! посмотри, посмотри! — сказалъ другой, задыхаясь и отходя отъ трубы:—французское на Малаховомъ.

— Не можетъ быть!

XXIV.

Козельцовъ старшій, успѣвшій отыграться въ ночь и снова спустить все, даже и зашитые въ общлагѣ золотые, передъ утромъ спалъ еще нездоровымъ, тяжелымъ, но крѣпкимъ сномъ, въ оборонительной казармѣ 5-го баталіона, когда, повторяемый различными голосами, раздался роковой крикъ:

— Тревога!

— Что вы спите, Михайло Семенычъ! — штурмъ!—крикнулъ ему чей-то голосъ.

— Вѣрно школьникъ какой-нибудь,—сказалъ онъ, открывая глаза и не вѣря.

Но вдругъ онъ увидалъ офицера, бѣгающаго безъ всякой видимой цѣли изъ угла въ уголъ, съ такимъ блѣднымъ лицомъ, что онъ все понялъ. Мысль, что его могутъ принять за труса, не хотѣвшаго выйти къ ротѣ въ критическую минуту, поразила его ужасно. Онъ во весь духъ побѣжалъ къ ротѣ. Стрѣльба орудійная кончилась; но трескотня ружей была во всемъ разгарѣ. Пули свистѣли не по одной, какъ штуцерныя, а роями, какъ стадо осеннихъ птичекъ пролетаетъ надъ головами. Все то мѣсто, на которомъ стоялъ вчера его баталіонъ, было застлано дымомъ, были слышны недружные крики и возгласы. Сол-

даты, раненые и нераненые, толпами попадались ему навстрѣчу. Пробѣжавъ еще шаговъ тридцать, онъ увидалъ свою роту, прижавшуюся къ стѣнкѣ.

— Заняли Шварца,—сказалъ молодой офицеръ. — Все пропало!

— Вздоръ,—сказалъ онъ сердито, выхватилъ свою маленькую желѣзную тупую сабельку и закричалъ:

— Впередъ, ребята! ура-а!

Голосъ былъ звучный и громкій; онъ возбудилъ самого Козельцова. Онъ побѣжалъ впередъ вдоль траверса; человѣкъ пятьдесятъ солдатъ, съ криками, побѣжали за нимъ. Онъ выбѣжалъ изъ-за траверса на открытую площадку. Пули посыпались, буквально, какъ градъ. Двѣ ударились въ него,—но куда и что онѣ сдѣлали, контузили, ранили его, онъ не имѣлъ времени рѣшить. Впереди, въ дыму, видны были уже ему синіе мундиры, красные панталоны и слышны не русскіе крики; одинъ французъ стоялъ на брустверѣ, махалъ шапкой и кричалъ что-то. Козельцовъ былъ увѣренъ, что его убьютъ: это-то и придавало ему храбрости. Онъ бѣжалъ впередъ и впередъ. Нѣсколько солдатъ обогнали его; другіе солдаты показались откуда-то сбоку и бѣжали тоже. Синіе мундиры оставались въ томъ же разстояніи, убѣгая отъ него назадъ къ своимъ траншеямъ; но подъ ногами попадались раненые и убитые. Добѣжавъ уже до внѣшняго оврага, всѣ смѣшались въ глазахъ Козельцова, и онъ почувствовалъ боль въ груди.

Черезъ полчаса онъ лежалъ на носилкахъ, около Николаевской казармы, и зналъ, что онъ раненъ, но боли почти не чувствовалъ; ему только хотѣлось напиться чего-нибудь холоднаго и лечь попокойнѣе.

Маленькій, толстый, съ большими черными бакенбардами докторъ подошелъ къ нему и разстегнулъ шинель. Козельцовъ черезъ подбородокъ смотрѣлъ на то, что дѣлаетъ докторъ съ его раной, на лицо доктора, но боли никакой не чувствовалъ. Докторъ закрылъ рану рубашкой, отеръ пальцы объ полы пальто

и, молча, не глядя на раненаго, отошелъ къ другому. Козельцовъ безсознательно слѣдилъ глазами за тѣмъ, что дѣлалось передъ нимъ, и вспомнивъ то, что было на 5-мъ бастіонѣ, съ чрезвычайно отраднымъ чувствомъ самодовольствія подумалъ, что онъ хорошо исполнилъ свой долгъ, что въ первый разъ за всю службу онъ поступилъ хорошо, какъ только можно было, и ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя. Докторъ, перевязывая другого раненаго офицера, сказалъ что-то, указывая на Козельцова, священнику съ большою рыжею бородой, съ крестомъ стоявшему тутъ.

— Что, я умру?—спросилъ Козельцовъ у священника, когда онъ подошелъ къ нему.

Священникъ, не отвѣчая, прочелъ молитву и подалъ крестъ раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Онъ взялъ слабыми руками крестъ, прижалъ его къ губамъ и заплакалъ.

— Что, выбиты французы?—твердо спросилъ онъ у священника.

— Вездѣ побѣда за нами осталась,—отвѣчалъ священникъ, чтобъ утѣшить раненаго, скрывая отъ него то, что на Малаховомъ курганѣ уже развѣвалось французское знамя.

— Слава Богу, — проговорилъ раненый, не чувствуя, какъ слезы текли по его щекамъ.

Мысль о братѣ мелькнула на мгновеніе въ его головѣ. „Дай Богъ ему такое же счастіе“, подумалъ онъ.

XXV.

Но не такая участь ожидала Володю. Онъ слушалъ сказку, которую разсказывалъ ему Васинъ, когда закричали: „французы идутъ!“ Кровь прилила мгновенно къ сердцу Володи, и онъ почувствовалъ, какъ похолодѣли и поблѣднѣли его щеки. Съ секунду онъ оставался недвижимъ; но, взглянувъ кругомъ, онъ увидѣлъ, что солдаты довольно спокойно застегивали ши-

нели и вылѣзали одинъ за другимъ, — одинъ даже — кажется, Мельниковъ, — шутливо сказалъ:

— Выходи съ хлѣбомъ-солью, ребята!

Володя вмѣстѣ съ Влангой, который ни на шагъ не отставалъ отъ него, вылѣзъ изъ блиндажа и побѣжалъ на батарею. Артиллерійской стрѣльбы ни съ той, ни съ другой стороны совершенно не было. Не столько видъ спокойствія солдатъ, сколько жалкой нескрываемой трусости юнкера возбудилъ его. „Неужели я могу быть похожъ на него? — подумалъ онъ и весело подбѣжалъ къ брустверу, около котораго стояли его мортиры. Ему ясно было видно, какъ французы бѣжали прямо на него по чистому мѣсту, и какъ толпы ихъ, съ блестящими на солнцѣ штыками, шевелились въ ближайшихъ траншеяхъ. Одинъ, маленькій, широкоплечій, въ зуавскомъ мундирѣ и со шпагой, бѣжалъ впереди и перепрыгивалъ черезъ ямы. „Стрѣлять картечью!“ крикнулъ Володя, сбѣгая съ банкета: но уже солдаты распорядились безъ него, и металлическій звукъ выпущенной картечи просвисталъ надъ его головой, сначала изъ одной, потомъ изъ другой мортиры. „Первая! вторая!“ — командовалъ Володя, перебѣгая въ длину отъ одной мортиры къ другой и совершенно забывъ объ опасности. Сбоку слышались близкая трескотня ружей нашего прикрытія и суетливые крики.

Вдругъ пронзительный крикъ отчаянія, повторенный нѣсколькими голосами, послышался слѣва: „обходятъ! обходятъ!“ Володя оглянулся на крикъ. Человѣкъ двадцать французовъ показались сзади. Одинъ изъ нихъ, съ черною бородой, красивый мужчина, былъ впереди всѣхъ, но, добѣжавъ шаговъ на десять отъ батареи, остановился и выстрѣлилъ прямо въ Володю и потомъ снова побѣжалъ къ нему. Съ секунду Володя стоялъ, какъ окаменѣлый, и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Когда онъ опомнился и оглянулся, впереди его на брустверѣ были синіе мундиры; даже два француза, въ десяти шагахъ отъ него, заклепывали пушку. Кругомъ него, кромѣ Мельникова, убитаго пулею рядомъ съ нимъ, и Вланга, схватившаго въ руки гандшпугъ

и, съ яростнымъ выраженіемъ лица, опущенными зрачками, бросившагося впередъ, никого не было. „За мной, Владиміръ Семенычъ! за мной!“ кричалъ отчаянный голосъ Вланга, гандшпугомъ махавшаго на французовъ, зашедшихъ сзади. Яростная фигура юнкера озадачила ихъ. Одного, передняго, онъ ударилъ по головѣ, другіе невольно пріостановились, и Вангъ, продолжая оглядываться и отчаянно кричать: „за мной, Владиміръ Семеновичъ! что вы стоите! Бѣгите!“ подбѣжалъ къ траншеѣ, въ которой лежала наша пѣхота, стрѣляя по французамъ. Вскочивъ въ траншею, онъ снова высунулся изъ нея, чтобы посмотрѣть, что дѣлаетъ его обожаемый прапорщикъ. Что-то въ шинели ничкомъ лежало на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Володя, и все это мѣсто было наполнено французами, стрѣлявшими въ нашихъ.

XXVI.

Вангъ нашелъ свою батарею на 2-й оборонительной линіи. Изъ числа двадцати солдатъ, бывшихъ на мортирной батареѣ, спаслось только восемь.

Въ девятомъ часу вечера Вангъ съ батареей, на пароходѣ, наполненномъ солдатами, пушками, лошадьми и ранеными, переправлялся на Сѣверную. Выстрѣловъ нигдѣ не было. Звѣзды такъ же, какъ и прошлую ночь, ярко блестѣли на небѣ; но сильный вѣтеръ колыхалъ море. На 1-мъ и 2-мъ бастіонахъ вспыхивали по землѣ молніи; взрывы потрясали воздухъ и освѣщали вокругъ себя какіе-то черные странные предметы и камни, взлетавшіе на воздухъ. Что-то горѣло около доковъ, и красное пламя отражалось въ водѣ. Мостъ, наполненный народомъ, освѣщался огнемъ съ Николаевской батареи. Большое пламя стояло, казалось, надъ водой на далекомъ мыску Александровской батареи и освѣщало низъ облака дыма, стоявшаго надъ нимъ, и тѣ же, какъ и вчера, спокойные, дерзкіе, далекіе огни блестѣли въ морѣ на непріятельскомъ флотѣ. Свѣжій вѣтеръ колыхалъ бухту. При свѣтѣ зарева пожаровъ видны были мачты нашихъ

утопающихъ кораблей, которые медленно глубже и глубже уходили въ воду. Говора не слышно было на палубѣ: только изъза равномѣрнаго звука разрѣзанныхъ волнъ и пара слышно было, какъ лошади фыркали и топали ногами на шаландѣ, слышны были командныя слова капитана и стоны раненыхъ. Вланъ, не ѣвшій цѣлый день, досталъ кусокъ хлѣба изъ кармана и началъ жевать, но вдругъ, вспомнивъ о Володѣ, заплакалъ такъ громко, что солдаты, бывшіе подлѣ него, услыхали.

— Вишь, самъ хлѣбъ ѣстъ, а самъ плачетъ Вланга-то нашъ,— сказалъ Васинъ.

— Чудно̀!—сказалъ другой.

— Вишь, и наши казармы позажгли,—продолжалъ онъ, вздыхая,—и сколько тамъ нашего брата пропало; а ни за что французу досталось!

— По крайности сами живые вышли, и то слава те, Господи,—сказалъ Васинъ.

— А все обидно!

— Да что обидно-то? Развѣ онъ тутъ разгуляется? Какъ же! гляди, наши опять отберутъ. Ужъ сколько бы нашего брата ни пропало, а, какъ Богъ святъ, велитъ Императоръ—и отберутъ. Развѣ наши такъ оставятъ ему? Какъ же! на вотъ тебѣ голыя стѣны; а шанцы-то всѣ повзорвали... Небось, свой значокъ на курганѣ поставилъ, а въ городъ не суется. Погоди, еще разсчетъ будетъ съ тобой настоящій—дай срокъ,—заключилъ онъ, обращаясь къ французамъ.

— Извѣстно, будетъ!—сказалъ другой съ убѣжденіемъ.

По всей линіи севастопольскихъ бастіоновъ, столько мѣсяцевъ кипѣвшихъ необыкновенною энергическою жизнью, столько мѣсяцевъ видѣвшихъ смѣняемыхъ смертью, однихъ за другими умирающихъ героевъ, и столько мѣсяцевъ возбуждавшихъ страхъ, ненависть, и, наконецъ, восхищеніе враговъ, на севастопольскихъ бастіонахъ уже нигдѣ никого не было. Все было мертво, дико, ужасно, но не тихо: все еще разрушалось. По изрытой свѣжими взрывами обсыпавшейся землѣ вездѣ валялись исковер-

канные лафеты, придавившіе человѣческіе русскіе и вражескіе трупы, тяжелыя, замолкнувшія навсегда чугунныя пушки, страш. ною силой сброшенныя въ ямы и до половины засыпанныя землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревенъ, блиндажей, и опять молчаливые трупы въ сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Все это часто содрогалось еще и освѣщалось багровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ потрясать воздухъ.

Враги видѣли, что что-то непонятное творилось въ грозномъ Севастополѣ. Взрывы эти и мертвое молчаніе на бастіонахъ заставляли ихъ содрогаться; но они не смѣли вѣрить еще, подъ вліяніемъ сильнаго, спокойнаго отпора дня, чтобъ исчезъ ихъ непоколебимый врагъ, и, молча, не шевелясь, съ трепетомъ ожидали конца мрачной ночи.

Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую мрачную ночь, сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всею своею массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Сѣверной, медленно двигалось въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ мѣста, на которомъ столько оно оставило храбрыхъ братьевъ,—отъ мѣста, всего облитаго его кровью,—отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага, и которое теперь велѣно было оставить безъ боя.

Непонятно тяжело было для каждаго русскаго первое впечатлѣніе этого приказанія. Второе чувство было страхъ преслѣдованія. Люди чувствовали себя беззащитными, какъ только оставили тѣ мѣста, на которыхъ привыкли драться, и тревожно толпились во мракѣ у входа моста, который качалъ сильный вѣтеръ. Сталкиваясь штыками и толпясь полками, экипажами и ополченіями, жалась пѣхота, проталкивались конные офицеры съ приказаніями, плакали и умоляли жители и денщики съ клажею, которую не пропускали; шумя колесами, пробивалась къ бухтѣ артиллерія, торопившаяся убираться. Несмотря на увлеченіе разнородными суетливыми занятіями, чувство самосохраненія и желанія выбраться какъ можно поскорѣе изъ этого страшнаго мѣста смерти присутствовало въ душѣ каждаго. Это

чувство было и у смертельно раненаго солдата, лежащаго между пятьюстами такими же ранеными, на каменномъ полу Павловской набережной, и просящаго Бога о смерти, и у ополченца, изъ послѣднихъ силъ втиснувшагося въ плотную толпу, чтобы дать дорогу верхомъ проѣзжающему генералу, и у генерала, твердо распоряжающагося переправой и удерживающаго торопливость солдатъ, и у матроса, попавшаго въ движущійся баталіонъ, до лишенія дыханія сдавленнаго колеблющеюся толпой, и у раненаго офицера, котораго на носилкахъ несли четыре солдата и, остановленные спершимся народомъ, положили на земь у Николаевской батареи, и артиллериста, 16 лѣтъ служившаго при своемъ орудіи и, по непонятному для него приказанію начальства, сталкивающаго орудіе, съ помощью товарищей, съ крутого берега въ бухту, и у флотскихъ, только что выбившихъ закладки въ корабляхъ и, бойко гребя, на баркасахъ отплывающихъ отъ нихъ. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился. Но за этимъ чувствомъ было другое, тяжелое, сосущее и болѣе глубокое чувство, какъ будто похожее на раскаяніе, стыдъ и злобу. Почти каждый солдатъ, взглянувъ съ Сѣверной стороны на оставленный Севастополь, съ невыразимою горечью въ сердцѣ вздыхалъ и грозился врагамъ.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00045691063